

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В. В. КУЙБЫШЕВА
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМСК — 1975

1-185761

Из истории Сибири

вып. 18.

1975.

Исторический музей
Ленинград

Томский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени В.В.Кудашова

Проблемная научно-исследовательская лаборатория
истории, археологии и этнографии Сибири

1-185761

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРИ

выпуск восемнадцатый

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА
СИБИРИ

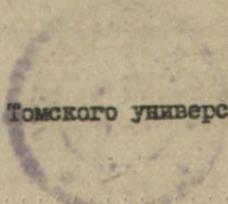

Томск - 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Профессор, доктор исторических наук
Л.И.БОЖЕНКО (ответственный редактор),
старшие научные сотрудники, кандидаты
исторических наук В.И.Дудукалов,
А.Т.Топчий.

Издательство Томского университета, 1975 г.

В.И.Дудукалов
РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К НЭПу

X съезд партии, состоявшийся в марте 1921 г. под непосредственным руководством В.И.Ленина, принял решение о переходе к новой экономической политике. Она была рассчитана "на преодоление разрухи, на создание фундамента социалистической экономики, развитие крупной промышленности, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, на победу социализма. Пути выполнения этих задач были: всемерное развитие кооперации, широкое развертывание торговли, использование материальных стимулов и хозяйственного расчета"¹⁾.

В первый период наша партия и правительство рассчитывали восстановить товарооборот между городом и деревней посредством натурального товарообмена. Развитие товарооборота между городом и деревней имело большое значение в укреплении союза рабочих и крестьян. "Правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих классов на период перехода от капитализма к социализму, — говорилось в резолюции X Всероссийской конференции РКП(б), — невозможны без установления систематического товарообмена, продуктообмена между промышленностью и земледелием"²⁾.

Предоставление крестьянам права свободно распоряжаться излишками своего хозяйства и вытекающий из этого индивидуальный товарообмен порождал свободу торговли в рамках местного оборота. Натуральный товарообмен с крестьянством проводился на добровольных началах, однако предполагалось, что большая часть излишков продуктов пройдет посредством организованного товарообмена через государственный и кооперативный аппарат. Практическая работа по проведению товарообмена была возложена на потребительскую кооперацию. С введением организованного товарообмена в стране стояла задача не допустить частную торговлю в товарообороте между городом и деревней, ограничив ее рамками местного оборота.

¹⁾ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. (Тезисы ЦК КПСС). М., 1967, с.12.

²⁾ КПСС в резолюциях... , т.2, с.268.

Проведение товарооборота в Сибири проходило в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Активно действовали белогвардейские элементы и кулачество. Партийным организациям приходилось преодолевать упорное сопротивление эсеров, засевавших во многих губернских и уездных кооперативных организациях. С целью укрепления потребительских обществ летом и осенью 1921 г. были проведены мобилизации коммунистов. Разъясняя сущность и значение государственного товарообмена для укрепления рабочего класса и крестьянства, посланцы партии проводили беседы о значении новой экономической политики, устраивали митинги и сходы крестьян, оказывали практическую помощь в деле налаживания обмена между городом и деревней. Для проведения товарообмена в Сибири к осени 1921 г. в органы потребительской кооперации было направлено значительное число коммунистов.

Однако, несмотря на принятые меры, организованный государственный товарообмен как в Сибири, так и по всей стране, не дал ожидаемых результатов. В силу неэквивалентности обмена продуктов сельского хозяйства на промышленные товары натуральный товарообмен сковывал хозяйственную инициативу крестьян. Острый недостаток товаров народного потребления, отсутствие дорог, транспорта, слабость потребительской кооперации привели к серьезным просчетам в оценке возможностей рынка.

В условиях развивающегося товарооборота натуральный товарообмен стал тормозом товарного производства, а поэтому он вытеснялся и уступал место торговле, которая становилась основной формой экономической связи между городом и деревней.

В.И. Ленин, выступая с докладом "О новой экономической политике" на УЧ Московской губернской партконференции в октябре 1921 года, указывал: "С товарообменом ничего не вышло... вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас"³⁾.

Эта оценка В.И. Ленина в большой степени относилась к Сибири, где преобладание мелкотоварного производства и складывающиеся рыночные отношения, по существу, на нет свели организованные государством товарообменные операции. Практически организованные товарообменные операции стали разворачиваться в то время, когда

3) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.44, с.208.

частная торговля успела прочно закрепить свои позиции.

Несмотря на то, что натуральный товарообмен не дал ожидаемых результатов, проведение его имело положительное значение в восстановлении народного хозяйства. Даже при наличии огромных трудностей и неблагоприятно сложившихся условий в Сибири к октябрю 1921 года удалось заготовить путем товарообмена более 400 тыс. пудов хлеба.

Натуральный товарообмен в 1921 г. явился одним из первых мероприятий Коммунистической партии и Советского государства по осуществлению начал новой экономической политики. В условиях денежной инфляции и товарного голода он был неизбежной и единственно возможной мерой, способствующей на основе непосредственного продуктообмена установлению прямой связи между государственной промышленностью и сельским хозяйством. Подготовка и практическая работа по восстановлению товарооборота между городом и деревней показали необходимость использования товарно-денежных отношений, укрепления торговых, финансовых, кредитных органов. С развитием товарно-денежных отношений проходило формирование государственной торговли и организационная перестройка работы потребительской кооперации. Развитие товарооборота и товарных связей между промышленностью и сельским хозяйством было фундаментом, на основе которого происходило укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

Важной задачей в области народного хозяйства в рассматриваемый период явилось преодоление товарного кризиса. Для этого партийными и хозяйственными органами был осуществлен ряд мероприятий.

Предприятия, производящие товары народного потребления, были выделены в особую группу, снабжение которой топливом, сырьем и материалами было внеочередным. Этим предприятиям были предоставлены широкие права в заготовке сырья. Менее важные для государства предприятия было решено передать на началах аренды кооперативным организациям и частным лицам⁴⁾. Была изменена тарифная политика и осуществлен переход на сдельную оплату труда рабочих⁵⁾. В результате проделанной работы в целом по Сибири выработка одного рабочего по сравнению с 1920 г. повысилась вдвое⁶⁾.

Разрушенная интервентами и белогвардейцами промышленность Сибири была не в состоянии обеспечить крестьян в достаточном количестве необходимыми товарами. Перед партийными и советскими органами Сибири встала задача восстановления кустарной промышленности, как требующей наименьшего количества материальных затрат.

4) К концу декабря 1921 г. по Сибири было сдано в аренду 152 предприятия (см.: "Власть труда" Иркутск), 1922 г., 5 января.

5) См. История Сибири, т. 4, л., 1968, с. 190.

6) Там же, с. 191.

Сибревком на заседании 23 декабря 1921 г. рассмотрел мероприятия по развитию и регулированию кустарной промышленности и обратил внимание местных органов на необходимость оказания ей всесторонней помощи⁷⁾. По указанию Сиббиро ЦК РКП(б) во всех губерниях Сибири были пересмотрены производственные программы мелкой кустарной промышленности. Укрепление промышленности и развитие кустарных производств в Сибири имело большое значение в увеличении товарных запасов и развитии товарооборота между городом и деревней.

Поворот от товарообмена к товарно-денежным отношениям поставил перед Коммунистической партией и Советским государством задачу совершенствования работы потребительской кооперации и формирования органов государственной торговли. Успешное решение задач по укреплению социалистических форм торговли являлось основным орудием борьбы с растущим частным капиталом. Развитие товарооборота и товарных связей между промышленностью и сельским хозяйством было фундаментом, на котором происходило укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

"Главным звеном, — указывал В.И. Ленин, — в исторической цепи событий, за которое сейчас надо всеми силами ухватиться, чтобы создать фундамент социалистических общественно-экономических отношений, является торговля. Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких землевладельцев и крупной промышленностью..."⁸⁾. Переход к науке означал свободу торговли при регулирующей роли Советского государства.

С переходом от товарообмена к товарно-денежным отношениям в развитии товарооборота между городом и деревней значительно возросло значение потребительской кооперации в народном хозяйстве. Перед Коммунистической партией и Советским государством встал задача укрепить ее материально-техническую базу. В.И. Ленин в работе "О потребительской и промысловой кооперации" (апрель 1921 г.) указывал: "Потребительская кооперация должна быть поддержана и развита, ибо она обеспечит быстрое, правильное и дешевое распределение продуктов"⁹⁾.

Гражданская война и интервенция подорвали материально-техни-

7) ГАНО. ф. I. оп. I, д. 588, л. 96.

8) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 226.

9) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 250.

ческую базу потребительской кооперации. В годы военного коммунизма кооперация, выполняя распределительные функции Наркомпрода, совершенно прекратила организационную работу с населением, значительно сократила свой торговый аппарат.

В начале нэпа потребительская кооперация пережила большие трудности. Засилье меньшевиков, эсеров и других социально чуждых элементов подорвало доверие к ней населения. Разбухший аппарат, бюрократизм в руководящих органах - вот что характеризовало потребительскую кооперацию к началу нэпа.

Отсутствие оборотных средств объективно порождало условия, при которых основная задача потребительской кооперации - снабжение населения предметами первой необходимости часто отодвигалась на второй план. Вместо развертывания торговой сети в сельской местности кооперация в этот период организует в крупных городах ряд универсальных магазинов, торгующих предметами роскоши. Работа потребительской кооперации в этот период затруднялась разрухой на транспорте, недостатком товаров и плохим их ассортиментом.

В.И. Ленин, выступая на VII Московской губпартконференции (октябрь 1921 г.), отмечал: "Кооперативная торговля - это задача трудная, но в ней нет ничего невозможного, надо только отчетливо ее представлять и серьезно поработать" ¹⁰).

В начале 1922 г. как по всей стране, так и в Сибири были организованы губернские торговые бюро (губторги). Основными задачами губторгов явились выполнение торговых операций и организация товарооборота между городом и деревней. Сосредоточив в своих руках сбыт продукции промышленного производства, губторги выполняли различные операции по заготовке продовольствия и сырья как для центральных органов, так и для местных промышленных предприятий.

Губторги организовали в уездах сеть своих отделений и через них начали разворачивать свою работу. Так, Алтайский губторг организовал свои отделения в Бийске, Рубцовске, Змеиногорске, Учъ-Пристани, Алейской, Поспелихе, Долгове, Сорскине ¹¹). Кроме этого, по губернии была широко раскинута агентура, работавшая как от губторга, так и от его филиалов. С организацией губторга были приняты меры по упорядочению складского хозяйства и точному выяснению находившихся на складе ценностей. К I

10) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.44, с.218.

11) ЦИА ИМЛ, ф.17, оп.13, д.11, л.40.

апреля 1922 г. в распоряжении Алтайского губторга находилось II складов в Барнауле и Бийске¹²⁾. По данным на I января 1922 года губторг на своих складах имел товаров на сумму 1,2 млн. золотых рублей¹³⁾.

Первые месяцы работы губторгов в виде отделов губсовнархозов показали несовершенство их организации. При организации губторгов им в качестве оборотных средств были выделены не денежные средства, а самые разнообразные материалы, залежавшиеся на складах губснабов. Значительная доля ценностей состояла из абсолютно неходовых товаров и предметов, не поддающихся переработке на местных предприятиях и реализации на местных рынках. Особенно большое количество малоходовых и ненужных товаров получил в момент организации Томский губторг, где они составили 50%. Поэтому, после организации губторга вместо выполнения своих прямых функций по снабжению предприятий сырьем и рабочих продовольствием вынуждены были часто идти на посторонние торговые операции ради создания оборотных фондов. Это в свою очередь, отрицательно сказывалось на работе местной промышленности.

Подавляющее большинство предприятий, не имея у себя достаточно запасов продовольствия, сырья и других необходимых им материалов, при отсутствии оборотных средств, стремились с целью удовлетворения своих неотложных потребностей вести различного рода заготовки совершенно самостоятельно, путем сбыта своей продукции помимо губторга, предлагая губторгу лишь ту продукцию, на которую совершенно не было спроса на рынке¹⁴⁾. Кроме этого, в 1922 г. промышленные предприятия, часто не имея денежных средств для расчета со своими рабочими, выдавали вместо зарплаты часть своей продукции, которая затем попадала на рынок по низким ценам.

Такое положение и без того осложняло невыгодную конъюнктуру рынка и при пониженной покупательной способности потребителя создало на рынке Сибири превышение предложения над спросом, что, естественно, повлекло повышение цен на продовольствие. Недостатки работы губторгов послужили причиной развития частного посредничества. Поэтому, в целях укрепления государственной торговли, концентрации их средств, губторги были объединены в феврале 1922 г. в Сибирское торговое бюро¹⁵⁾.

12) Отчет о деятельности за первую половину 1921-1922 операционных годов. Барнаул, 1922, с. 52.

13) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. II, л. 41.

14) Через губторги в этот период проходило около 50% выпускаемой продукции. Остальная часть реализовалась промышленными предприятиями самостоятельно или через посредников, в том числе частных.

При реализации товаров государственные торговые организации проводили в основном оптовую продажу. Так, Алтайский губторг за время с января по апрель 1922 г. непосредственно через розничные магазины продал 37,4% от всего оборота¹⁶⁾.

По мере насыщения районов Сибири денежными знаками происходил постепенный переход от товарообмена к денежным расчетам. Товарообмен отходил на задний план, заготовительные операции сокращались и губторги переходили к чисто торговым операциям. Заготовительные пункты губторгов были превращены в магазины и стали служить проводниками и распределителями товаров среди сельского населения.

Таким образом, на государственную торговлю была возложена задача осуществления смычки между городом и деревней, усиления товарооборота между ними с целью снабжения населения продуктами и предметами первой необходимости.

Государственная торговля, призванная охватить широкий потребительский рынок, начинает укомплектовываться товарами, имеющими спрос широких масс крестьянства. Господствующее положение в торговле занимала мануфактура. Кроме нее широкое распространение имела торговля коженными товарами, стеклом, солью, табаком и пашпосоами.

Съезд губернских экономических совещаний Сибири, прошедший летом 1922 г., отметил, что главными задачами государственных торговых органов Сибири являлись: 1. Организация сбыта фабрично-заводской продукции так, чтобы она возможно быстрее доходила до основного потребителя - сибирского крестьянина и трудового населения города. 2. Участие в заготовках сибирского сырья¹⁷⁾.

Государственная торговля в Сибири в этот период стала приобретать большое значение в деле развития товарооборота между городом и деревней. Сосредоточив в своих руках оптовую торговлю, губторги способствовали ограничению сферы деятельности частного капитала.

Если государственная торговля была призвана прежде всего овладеть оптовым товарооборотом, то на потребкооперацию была возложена задача развития розничной, главным образом сельской, торгов-

15) Устав Сибторгбюро был рассмотрен и утвержден на президиуме Сиббюро ВСНХ 17 января 1922 г. ПАНУ, ф. I, оп. I, д. 340, л. I-2.

16) Отчет за 2-ое полугодие 1921-1922 гг. Алтайского губсовнархоза. Барнаул, 1922, с. 48.

17) "Жизнь Сибири", 1923, № I-2, с. 90.

ли и вытеснения из нее частного капитала.

Укрепление потребительской кооперации заключалось в первую очередь в увеличении товаропроводящей сети. В период военного коммунизма, когда потребительская кооперация являлась распределительным аппаратом Наркомпрода, ряд зданий и складских помещений был занят для своих нужд другими хозяйственными организациями. Декретом от 17 ноября 1922 г. СНК постановил возвратить потребительской кооперации все строения, необходимые для развертывания торговой работы¹⁸⁾.

1922 г. явился годом роста низовой сети потребительской кооперации страны и перестройки работы ее союзов. С 1 января по сентябрь 1922 г. число обществ потребительской кооперации выросло по стране с 14200 до 18550, лавок - с 19600 до 29370¹⁹⁾.

Несмотря на трудности реорганизационного периода, потребительская кооперация продавала товары значительно дешевле, чем частники. Экономия населения на этом к концу 1923 г. составила около 95 млн. руб. Если принять цены частного рынка за 100, то всевозможные средние цены кооперации составляли в крупных городах 89%, в мелких городах - 92% и в селах - 89%²⁰⁾. Сельскому населению страны в 1922/23 г. было продано промышленных товаров и продуктов на 154 млн. червонных рублей. Это было на 40% больше, чем в 1921/22 г.²¹⁾

Значительно окрепла и потребительская кооперация в Сибири. В 1921 г. была проведена большая работа по укрупнению торговой сети потребительской кооперации Сибири. В этот период была ликвидирована почти половина потребительских обществ, большая часть которых числилась только в отчетах.

Губсоюзы кооперативов Сибири организационно входили в состав Сибцентросюза, являвшегося в свою очередь отделением общероссийского Центросюза. Губсоюзы объединяли потребительские общества в уездах и поселках городского типа. Все население данной местности на правах обязательного членства приписывалось к определенному потребительскому обществу. В обязанности общества входило снабжение продуктами питания и промышленными товарами.

Одновременно с ростом торговой сети потребительской кооперации увеличивался ее оборот. Так, если в 1921/22 г. через потребительскую кооперацию страны было реализовано товаров на сумму 306,7 млн.

18) Закон о кооперации. (Систематический сборник). М., 1924, с. 32.

19) Бахтин М. И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1961, с. 149.

20) Громико Е. В. Советская торговля за 15 лет. М., 1932, с. 40.

21) Дмитриенко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к непу. М., 1971, с. 202.

руб., то за 1922/23 г. продажа составила 495,3 млн. руб. золотом²²⁾. Этот процесс прослеживается в Сибири. Переломным в работе потребительской организации Сибири стал 1922 г. Реорганизация и укрепление потребительских обществ дали положительные результаты. В течение 1922-1923 гг. увеличились оборотные средства потребительской кооперации и значительно окрепла ее материально-техническая база.

За 1923 г. число членств-пайщиков потребительской кооперации Сибири увеличилось почти втрое и составило 230540 человек²³⁾. Это и привело к увеличению кооперативных средств. Например, сумма паявого капитала Енисейского губсоюза за период с 1 сентября 1922 по 1 января 1924 г. увеличилась более чем в 10,5 раза²⁴⁾. Число пайщиков Новониколаевского губсоюза за 1923 г. увеличилось в 5 раз, а паявой капитал вырос более чем в 10 раз²⁵⁾.

Обороты потребкооперации Томской губернии за 1923 г. увеличились на 124,2%. В общем губернском товарообороте, достигшем 26,5 млн. руб., потребительская кооперация к концу 1923 г. составляла 34,5%²⁶⁾. Вместе с торговлей потребительская кооперация губернии к тому времени завоевала более 50% розничного товарооборота²⁷⁾.

Подводя итоги работы потребительской кооперации Томской губернии, совещание ответственных работников, состоявшееся совместно с президиумом РКП(б) (март 1923 г.), отметило, что "влияние и мощь госторговли и кооперации на рынке и в деревне по сравнению с 1921 г. значительно возросли и усилились"²⁸⁾.

Общие обороты шести губерний Сибири в 1923 г. увеличились более чем в 3 раза. Если в 1922 г. торгово-заготовительные операции губсоюзов составляли 9,6 млн. руб., то в 1923 г. они уже достигли 28,6 млн. руб. золотом²⁹⁾.

На потребительскую кооперацию Сибири в 1921-1923 гг. были возложены, кроме развития торговли, и большие задания по заготовке сырья и продуктов сельского хозяйства. Снабжая крестьян

22) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 239, л. 3-а. Протокол заседания ревизионной комиссии Центросоюза от 21 февраля 1924 г.

23) Шкалов А. С. Указ. соч., с. 86.

24) Отчет Енисейского губкома РКП(б) 8 губпартконференции.

25) Работа Новониколаевского губкома РКП(б) за октябрь 1923-март 1924 г. Новониколаевск, 1924, с. 19.

26) ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 1289, л. 535; ф. 914, оп. 1, д. 29, л. 5.

27) ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 112, л. 219. Доклад комтракции губсоюза о работе Томского губсоюза за 1923 г.

28) Там же, л. 124.

29) Сибирская потребительская кооперация в 1923 г. и перспективы ее дальнейшего развития. Новониколаевск, 1924, с. 41, 45.

предметами первой необходимости, потребительская кооперация получала от крестьян хлеб, масло, сало, жиры, кости и другие товары сельского хозяйства. В ряде губерний, особенно в отдаленных местностях, практиковался товарообмен.

В течение 1922/23 г. потребительская кооперация Сибири заготовила более 2,4 млн. пудов хлеба, сала - 5 тыс. пудов, мяса - 288 тыс. пудов, масла - 205 тыс. пудов и более 5,5 млн. единиц пушнины³⁰⁾.

Таким образом, укрепление материально-технической базы, усиление оборотных средств и осуществление мероприятий по кооперированию населения позволили к концу 1923 г. в несколько раз увеличить товарооборот и усилить борьбу за овладение рынком.

Потребительская кооперация в Сибири удовлетворяла не только часто потребительские интересы населения. Среди товаров для крестьян значительное место занимали сельскохозяйственные машины³¹⁾. Это имело огромное значение в деле поднятия производительности и укрепления сельского хозяйства Сибири. В целом по Сибири в 1923 г. обобщественным сектором торговли было продано крестьянам на 2,8 млн. руб. сельскохозяйственных машин и оборудования³²⁾.

Работа потребительской кооперации не ограничивалась местными рынками. Губсоюз Сибири к концу 1923 г. завязывает торговые связи с городами европейской части страны, а также с другими странами: Монголией, Китаем и др. Так, Алтайский губсоюз в своем отчете сообщал: "Работе на внегубернском рынке правление придало большое значение. Союз помимо выступления на Нижегородской ярмарке работал на Иркутском, Уральском, Московском рынках. В настоящее время Союз принимает участие на Ирбитской ярмарке. Для связи с Дальневосточным рынком сейчас командирован член правления в Иркутск, Читту, Харбин, Владивосток³³⁾".

По мере укрепления сети потребительской кооперации и увеличения торговых оборотов происходило укрепление ее авторитета среди крестьянства. Убедившись в преимуществах кооперативной торговли, оно стало поддерживать все ее мероприятия. К

30) "Советская Сибирь", 1923, 7 октября.

31) Так, Иркутский губсоюз в 1923 г. продал сельскохозяйственных машин на сумму 500 тыс., Алтайский - на 400 тыс., Енисейский - на 280 тыс. золотых рублей.

32) "Жизнь Сибири", 1924, №10, с. 55.

33) ПАНОВ, Ф. И., оп. I, д. 342, л. 39. Краткий доклад о деятельности Алтайского губсоюза за период работы с 1 октября 1922 г. по 1 марта 1923 г.

этому крестьян также располагали более дешевые цены на промышленные товары. Например, в отчете Енисейского губкома (июль 1923 г.) отмечалось, что со стороны населения наблюдается усиление доверия к кооперации. В результате цены на товары, продаваемые Минусинской кооперацией, стали дешевле рыночных на 5-10%³⁴⁾. В отчете о деятельности Омского губкома РКП(б) за июль 1923 г. указывалось: "Отношение деревни к потребительской кооперации в большинстве своем доброжелательное, кооперирование населения прогрессирует... все виды кооперации растут и крепнут"³⁵⁾.

Приведенные ниже данные говорят о неуклонном росте потребительской кооперации Сибири, который особенно усилился к концу 1923 г. в связи с денежной реформой и снижением цен на товары.

По мере оздоровления промышленности и сельского хозяйства Сибири происходит возрождение товарооборота. В губернских и уездных городах возникает государственные торговые предприятия, которые организовывали оптово-розничную или розничную торговлю. Выступая самостоятельно как на центральном, так и на сибирском рынках, торговые организации вносили часто в торговлю элементы взаимной конкуренции. Кроме этого, они в период формирования испытывали острый недостаток основных и оборотных средств. Не налажена была система постоянных связей с промышленностью, вырабатывавшей товары для населения. Поэтому в данный период объективно возникла необходимость объединения капиталов вокруг единого торгового центра.

Инициаторами создания первого в Сибири павлого торгового товарищества "Сибторг" являлись Сибпромбюро ВСНХ и Алтайский губернский совнархоз. Сибторг начал свою работу с января 1923 г. с павлым капиталом в 2,7 млн. руб.³⁶⁾ Устав его был утвержден Советом труда и обороны в марте 1923 г. Сибторг и его губернские отделения ставили своей основной задачей развертывание оптовой торговли. Заготовительные работы стали играть подсобную роль. С этого времени происходит укрепление торговых связей как с соседними районами, так и с европейской частью страны. К январю 1924 г. капитал Сибторга вырос до 4,5 млн. руб. золотом.

34) ПАРК, ф. I, оп. I, д. 345, л. 207.

35) ПАНО, ф. I, оп. I, д. 626, л. II2.

36) Самостоятельно продолжал работать только Новоиколаевский губторг.

Обороты Сибторга к осени 1923 г. по оптовой торговле составляли 69,9% и 30,1% розничной продажи товаров³⁷⁾. Основную массу в обороте Сибторга (42,9%) в 1923 г. занимала мануфактура. Обороты центрального правления Сибторга и его Московской конторы в 1923 г. составляли более 3,1 млн.руб. золотом, или 39,1% от всего товарного оборота. Из губернских отделений самым сильным являлось Омское, оборот которого составлял 1,7 млн.руб. золотом. Кроме товарных операций Сибторг проводил заготовку масла, хлеба, пушнины, кожсырья³⁸⁾. Чистая прибыль Сибторга в 1923 г. составила 924.596 рублей³⁹⁾. Обеспечивая население предметами личного потребления и домашнего обихода, Сибторг имел большое значение в торговле Сибири.

Партийные организации Сибири уделяли большое внимание развитию государственной торговли. Работа партии в этот период была сосредоточена в основном на вопросах укрепления материально-технической базы и усиления партийного влияния в органах государственной торговли. Обеспечение товарами магазинов и лавок социалистического сектора торговли способствовало развитию товарооборота между городом и деревней и вытеснению частных торговцев из сферы товарного обмена. Однако там, где развитию госторговли и потребительской кооперации не было уделено достаточно внимания, частная торговля сумела захватить основные позиции в товарообороте⁴⁰⁾.

В Омской губернии в течение 1922/23 операционного года государственная и кооперативная торговля снизили свои обороты на 27%, тогда как обороты частного капитала увеличились за это же время в 2,6 раза⁴¹⁾. Омская губернская конференция отмечала: "В результате работы за год мы видим, что наши госорганы не только не овладели рынком, но и на каждом шагу бывают биты им, плетясь в хвосте агс. Это положение совершенно не может быть терпимо. В настоящем хозяйственном году мы должны быть готовы к установлению крепкой, непосредственной экономической связи с крестьянством путем торговли"⁴²⁾. Начиная мероприятия по укреплению и развитию

37) В 1923 г. Сибторгом было продано за наличный расчет 63,3% и в кредит 36,7%.

38) В 1923 г. Сибторгом было заготовлено масла на 614 тыс., хлебпродуктов - на 29 тыс., пушнины - на 41 тыс., кожсырья - на 22 тыс. рублей золотом.

39) Сибторг. (Обзор деятельности за 1923--1925 гг. и перспективы на 1926 г.). Новониколаевск, 1925, с.43.

40) О частной торговле в Сибири. См. подробнее: В.И.Дудукалов. Частная торговля в Сибири в начале новой экономической политики (1921--1923 гг.). - "Из истории Сибири", вып.4. Томск, 1972.

41) "Известия Омского губкома РКП(б)", 1924, № 3, с.50.

42) ПАНУ, ф.1, оп.6, д.7, лл.12,13.

социалистического сектора торговли, конференция постановила: 1. Провести ознакомление всех членов партии с кооперативной работой. 2. Признать необходимым активное участие коммунистов во всех заседаниях и собраниях торговых организаций. 3. Провести укрепление коммунистами низовых кооперативных ячеек. 4. Координировать действия государственной и потребительской кооперации по вытеснению из товарооборота губернии частного капитала⁴³⁾.

Выполняя решения конференции, Омская губернская партийная организация осенью 1922 г. провела выборы правления кооперации⁴⁴⁾. Для укрепления кооперативных и финансовых органов губкомом было направлено 40 коммунистов. Перевыборы правлений потребительских обществ позволили значительно укрепить партийное влияние в кооперации. Так, из 5 членов правления губсовза 4 были коммунистами. Увеличился процент коммунистов и среди служащих губсовза. К январю 1923 г. в губсовзе они составили 49% всех членов⁴⁵⁾.

Партийные организации не вмешивались и непосредственно оперативную работу государственных и кооперативных торговых организаций. Осуществляя постоянный контроль и руководство их хозяйственной деятельностью, местные партийные организации оказывали помощь в укреплении кадрами и изыскании способов упрощения и удешевления торговли.

К концу 1923 г. общий оборот потребительской кооперации Сибири достиг 40 млн. рублей⁴⁶⁾. Сибревком, характеризуя состояние государственной и кооперативной торговли к концу 1923 г., отмечал, что "современная торговая сеть в процессе своего приспособления к потребностям товарооборота пришла в соответствие с уровнем"⁴⁷⁾. Валовый товарооборот Сибири к концу 1923 г. уже составлял приблизительно 57% довоенного торгового оборота. Распределение торговой сети между крупными городами, сельской местностью было даже более благоприятным, чем в довоенное время. Если тогда на долю сельского населения приходилось 65% всей торговой сети, то к началу 1924 г. стало уже 68% общего количества торговых заведений⁴⁸⁾.

43) ПАНО, ф. I, оп. 3, д. 7, л. 100. Протокол Омской губпартконференции от 25 сентября 1922 г.

44) Отчет Омского губкома РКП(б) с 1-го мая по 1-ое сентября 1922 г., Омск, 1922, с. 14.

45) ПАНО, ф. I, оп. I, д. 626, л. 4. Отчет о работе Омского губкома РКП(б) за январь 1923 г.

46) "Известия Сиббюро ЦК РКП(б)", 1923, № 65-66, с. 9.

47) Краткий отчет Сибревкома первому Сибирскому краевому съезду Советов. Новониколаевск, 1925, с. 43.

48) "Шесть лет работы Советов Сибири" (Отчетные данные Сибревкома). Новониколаевск, 1925, с. 44.

О состоянии товарооборота в Сибири в это время дает представление таблица I, из которой видно, что на первом месте по торговому обороту на душу населения стояла Иркутская губерния⁴⁹⁾:

Таблица I.

Губернии	% участия губерний в сибирском товарообороте	В среднем на душу населения
Омская	22,8	44 р.13 к.
Иркутская	21,7	99 р.56 к.
Новониколаевская	20,6	51 р.73 к.
Томская	14,4	41 р.82 к.
Алтайская	11,5	22 р.00 к.
Енисейская	9,0	23 р.63 к.

Однако частная торговля имела в этот период большое распространение. Ко второму полугодью 1922/23 г. она занимала 85% от общего числа торговых заведений Сибири⁵⁰⁾.

В этих условиях основой политики Коммунистической партии и Советского государства являлось всемерное содействие государственной и кооперативной торговле, борьба за их оздоровление, за рационализацию торгового аппарата и методов его работы. Положительные результаты этой политики начали сказываться по мере восстановления товарооборота. В экономическом соревновании с государственной и кооперативной торговлей частный капитал значительно уступил свое позиции. По мере укрепления и роста государственной и кооперативной торговой сети проходило сокращение сети частного капитала. В то время, как госторговля в 1923 г. увеличила число своих предприятий в 2 раза, кооперация - в 1,8 раза, частный капитал резко сократил число своих предприятий. Если в начале 1923 г. число их по Сибири составляло 23 668, то к концу года уже насчитывалось только 15 745 частных заведений⁵¹⁾. Распределение валового оборота

49) Сибирь в 1923 - 1924 гг. Новониколаевск, 1925, с.35.

50) Краткий отчет Сибревкома первому Сибирскому краевому съезду Советов. Новониколаевск, 1925, с.42.

51) Шесть лет работы Советов Сибири (Отчетные данные Сибревкома). Новониколаевск, 1925, с.42.

показывает таблица 2 (в процентах)⁵²⁾:

Виды торговли	1922/23	1923/24
Госторговля	30,4	33,3
Кооперация	18,3	35,3
Частная торговля	51,3	31,4

Следовательно, частный капитал в товарообороте, составлявший более половины его в 1922 г., к 1924 г. сократил обороты до одной трети, а две трети уже составила государственная и кооперативная торговля.

Сокращение накладных расходов и повышение производительности труда на предприятиях, проведенные в начале восстановительного периода, привели к увеличению количества выпускаемой продукции, снижению ее себестоимости, что в конечном счете позволило госторговле дать рабочим и крестьянам товары по более низкой цене, чем частная торговля. Совершенствование и усиление государственной и кооперативной торговли являлось рычагом в деле ограничения и вытеснения частного капитала из сферы товарного обращения.

Таким образом, в первые годы восстановительного периода были заложены основы развития государственной и кооперативной торговли в Сибири. Были найдены формы борьбы с частным капиталом на товарном рынке. Укрепление обществественной торговли и вытеснение частного капитала из товарооборота имели огромное политическое и хозяйственное значение.

Результатом развития торговли и восстановления товарооборота являлось то, что уже в первые годы напа Сибирь становится одним из поставщиков в другие губернии России таких продуктов и товаров, как хлеб, жиры, сало, пушнина, кожи, растительные жиры.

Развитие торговли на основе усиления товарооборота послужило базой для усиления торговой связи между городом и деревней и явилось основой для восстановления разрушенного войной и интервенцией народного хозяйства Сибири.

52) Сибирь в 1923-1924 году. Новониколаевск, 1925, с. 79.

Л. И. Боженко

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА
К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПО-
ЛИТИКЕ (1920-1927 гг.)

К числу важных проблем, научная разработка которых пока лишь начинается, относится развитие сельскохозяйственного производства накануне и в годы восстановления народного хозяйства¹⁾. Эта оценка имеет особое отношение к самому крупному району, Сибири²⁾.

Объясняется это определяющей ролью сельского хозяйства в экономике Сибири вплоть до первых пятилеток и особенно в восстановительный период, когда от успешного развития именно сельского хозяйства зависело восстановление всего народного хозяйства, а также тем, что в большинстве работ о развитии сельского хозяйства Сибири 20-х годов приводятся пока только отрывочные, односторонние и иллюстративные данные. И, наконец, тем, что в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири обнаруживались не только общие черты, характерные для всей страны в целом. Общее своеобразие развития сельского хозяйства в восстановительный период дополнялось в Сибири уникальными особенностями. Здесь было своеобразие в своеобразии, своеобразие в квадрате.

Прежде всего, каким пришло сельское крестьянское хозяйство Сибири к концу гражданской войны? Каково было положение сельского хозяйства Сибири в 1920 г. и затем к весне 1921 г.?

Выяснение этого вопроса является необходимым и важным уже потому, что он до сих пор трактуется в существующей литературе по-разному. Одни авторы, совершенно правильно выявляя основные особенности Сибири после окончания гражданской войны, отмечают одну из них, — то, что сельское хозяйство Сибири в 1920 г. находилось в лучшем состоянии, было меньше разорено, чем в европейской части страны. Однако авторы только отмечают этот факт и никак не объясняют его происхождения и следствия, приволя отдельные данные по посевам (сократились незначительно)

1) См.: Данилов В. П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. — В кн.: Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971, с. 228.

2) См.: Анисков В. Т. и др. Основные проблемы историографии

и скоту (сократился в большей мере), главным образом из периодической печати Сибири³⁾.

Другие авторы оценивают состояние сельского хозяйства в Сибири в 1920 г. непоследовательно или противоречиво, главным образом потому, что сами источники, на которые они опираются, неравнозначны, разноречивы и просто противоречивы⁴⁾.

Однако значительно больше работ, в которых дается ставшая почти традиционной, но, на наш взгляд, спорная, неточная оценка состояния сельского хозяйства в Сибири после гражданской войны как "совершенно разрушенного", "разоренного", "пришедшего в упадок", "дошедшего до катастрофы" и т.п.⁵⁾, а в одной из ра-

крестьянства и сельского хозяйства советской Сибири. Там же, с. 281.

3) См., например: Чаплик В.Е. Сибревком - орган диктатуры пролетариата. - "Тр. Новосибирского мединститута", т. XXXIV, кн. I, 1960, с. 26; Новокрещенова О. Революционная законность - важное средство осуществления ленинской продовольственной политики в Сибири (1921-1922 гг.). - "Тр. кафедры истории КПСС Новосибирского университета", 1969, вып. 3, с. 108-109.

4) Ограничимся одним, но совершенно типичным примером непоследовательности, противоречивости и смещения источников. А.Г. Веденская в статье "Экономическое положение сибирской деревни накануне перехода к нацпу" ("Тр. Иркутского университета", 1965, т. 40, вып. 2, с. 62-64) выражает свое несогласие с "некоторыми авторами, в частности И.М. Хуйковым", в том, что подъем производительных сил в Сибири продолжался до 1920 г., считая, что подъем продолжался только до 1917 г., и ссылается при этом на цифры плановых органов (в кн.: Состояние и перспективы сельского хозяйства Сибири. Новониколаевск, 1926, с. 4). Затем идет заключение о том, что "гражданская война и интервенция нанесли большой урон сельскому хозяйству Сибири" со ссылкой только на архивные данные по Иркутской губернии, затем, что "сибирская деревня пострадала незначительно" в доказательство чего снова приводятся работы И.М. Хуйкова, В.М. Кулешова, журналы "Жизнь Сибири", "Красная Сибирь" и др. очень противоречивые по своим выводам работы и данные, которые при сравнении их с первоисточниками оказываются, как правило, заниженными.

5) Так оценивает положение хозяйства в Иркутской губернии в 1920 г. Потапов М.Ф. (Иркутские большевики в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1922 гг.). Иркутск, 1949, с. 13, 14, 15, 16 и Выборов М.М. (Иркутские большевики в борьбе за повышение трудовой активности трудящихся (1921-1925 гг.). Иркутск, 1961, с. 8), где данные за 1920 г. при сравнении их с массовыми материалами переписи 1920 г. оказываются заниженными.

В целом по Сибири подобную оценку мы находим у В.М. Лойко (После разгрома Колчака. Новосибирск, 1958, с. 6-8), где все данные приведены без ссылки на источники), у Кулешова В.М. (Социально-экономическая и политическая обстановка в Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному строительству (конец 1919-1924 гг.). - Тр. кафедр общественных наук НЭТИ, 1962, вып. 2, с. 4-6) со ссылкой только на разорение 56 тыс. хоз., у Богданова М.А. (Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тренин, 1961, с. 4-5).

Бог Сибирь даже отнесена к числу районов страны, где последствия гражданской войны в сельском хозяйстве "были особенно тяжелыми"⁶⁾. Что касается такого обобщающего труда, как "История Сибири", то здесь хотя и не дается подобной категорической оценки, но приводимые данные о сокращении посевов, скота, об ущербе, понесенном сельским хозяйством, говорят примерно о такой же оценке⁷⁾.

Эти представления не соответствуют оценкам крестьянского хозяйства в стране, сделанным в 1920-начале 1921 гг. в речах и выступлениях В.И.Ленина, отлично знавшего положение в стране и определявшего в соответствии с этим всю политику партии и Советского правительства. В них В.И.Ленин прямо или косвенно всегда подразделял "богатейшие" губернии Сибири, где "гораздо больше излишков хлеба" и "гораздо более бедные губернии Европейской России"⁸⁾. В одном из своих выступлений в марте 1921 г. В.И.Ленин прямо говорил о крестьянах Сибири: "У них есть и были такие излишки, которых в средней России не было никогда... Они такой нужды, которую у нас, в Московской и Петроградской губерниях, крестьяне терпели три года... такой нужды и голода ни украинский, ни сибирский, ни северо-кавказский крестьянин никогда, никогда не видал"⁹⁾.

В.И.Ленин неоднократно говорил о кризисе крестьянского хозяйства, но по отношению "к весне 1921 г.", когда он "дошел до грани" вследствие тяжелого неурожая и бескормицы 1920 г.¹⁰⁾

Однако и здесь В.И.Ленин не раз отмечал, что "необычайно обострившийся кризис крестьянского хозяйства, очень тяжелое положение его" имели место хотя и "во многих местах" и "в очень многих случаях", но, следовательно, не во всех без исключения районах страны¹¹⁾.

6) Родионов С. Кузбасс после разгрома колчаковщины (1920 г.). - "Огни Кузбасса", 1964, № 14, с.75 (автор ссылается тоже только на факт разорения 56 тыс. хозяйств).

7) История Сибири, т.4. Л., 1968, с.151. Ссылка здесь дается на сборник "Три года борьбы за диктатуру пролетариата" (Омск, 1920), и журнал "Красная Сибирь" (1921, №1). Но там говорится только об отдельных местах массового разрушения в Алтайской, Енисейской и Иркутской губерниях и делается вывод о том, что процесс разрушения сельского хозяйства, принявший катастрофический характер в Европейской России, коснулся Сибири "только частично".

8) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.42, с.179-180, 183, 362; т.43, с.13-14.

9) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.42, с.361-362.

10) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.43, с.16, 25, 29, 57, 147, 153, 154, 266, 303; т.44, с.7, 44, 47; и др.

11) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.43, с.29, 147.

Несомненно, что и масштабы ущерба и формы его проявления были не только весьма разнообразными, но и должны были неравномерно сказаться в различных районах страны, а также и по отдельным категориям хозяйств¹²⁾. Указанные же авторы, если и используют оценку В.И. Лениным положения крестьянского хозяйства к весне 1921 г., то переносят ее на конец 1919-1920 гг., хотя эти два этапа следует различать.

Обращает на себя внимание то, что названные авторы совершенно не используют массовые виды источников, прежде всего переписи, не опираются на всю совокупность существующих по этому вопросу непосредственных источников. Вышеназванные авторы приводят в доказательство чаще всего не первоисточники, а отрывочные данные различных органов (партийных, советских, земельных, налоговых, статистических и др.) по отдельным районам (от губернии до волости), а они очень различны, противоречивы, или отдают предпочтение цифрам плановых органов, смешивают их с другими. Между тем, гораздо более полными, более точными, более объективными, более массовыми, несомненно, являются данные собственно статистических органов.

Построение неверного тезиса о "катастрофическом" положении сельского хозяйства в Сибири и его "полном разрушении" в 1920 г. подтверждается традиционными в таком случае ссылками на сокращение посевных площадей, рабочего скота и т.д. в отдельных районах Сибири, на сожжение и разрушение крестьянских хозяйств. Действительно, гражданская война сопровождалась и в Сибири расстройством сельского хозяйства и даже полным разорением части крестьянских хозяйств в некоторых районах Алтайской, Енисейской и Иркутской губерний. Здесь в местах наиболее разоренных и разграбленных колчаковцами разрушили 56 тыс. крестьянских хозяйств, сожгли около 20 тыс. жилых и хозяйственных построек, угнали более 40 тыс. голов скота, переломали и разграбили до 3 тыс. сельскохозяйственных машин и орудий, разграбили и сожгли около 600 тыс. пудов продовольствия и семян, более 1,5 млн. пудов сена¹³⁾. Только в Енисейской губернии было разорено 68 волостей, население которых принимало особенно активное участие в партизанском движении. Например, только в с. Тасеево Канского уезда из 400 уцелело около 70 домов¹⁴⁾.

12) См. об этом: Поляков В.А. Переход к напу и советское крестьянство. М., 1967, с. 53-56.

13) Соколов В. Сибирское наследство. - В кн.: Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920, с. 57.

14) История Сибири, т. 4, с. 151.

Однако каких-либо коренных изменений в массовом крестьянском хозяйстве в годы гражданской войны не произошло, колчаковщина просто не успела их внести. Сибирское крестьянство, почувствовав опасность установления кабалы помещиков, которые хотели возместить в Сибири понесенные в Европейской части России убытки, ответило партизанским движением. И наибольший ущерб понесли как раз крестьянские хозяйства в районах, где это движение было наиболее активным и массовым. Такие хозяйства составляли примерно около 4-5% от всего числа крестьянских хозяйств¹⁵⁾.

Чтобы иметь представление о внешних показателях изменений, которые произошли в сельском хозяйстве Сибири за годы первой мировой войны, революции и гражданской войны, сравним валовые данные Сибстатбиро за 1920-1921 гг. с материалами за 1913 г. и за 1917 г. К сожалению, данные 1913 г., 1917 г., 1920 г., 1921 г. не вполне сопоставимы. Перепись 1917 г. происходила летом, 1920 года - поздней осенью и местами даже в начале зимы, а 1921 г. - весной. И тем не менее статистические данные дают более или менее точную характеристику изменений основных показателей состояния крестьянских хозяйств в Сибири в период с 1913 г. по 1920 г. и с 1920 г. по 1921 г.

В целом по всей Сибири (по отдельным районам Сибири эти показатели колеблются, но не нарушая общей тенденции) такое сопоставление дает следующие показатели¹⁶⁾:

Таблица I

	1913 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.
Посевы (тыс. дес.)	5950,3	6557,1	6711,0	5435,0
Лошади (тыс.)	3654,1	3849,9	3948,5	3889,8
Коровы (тыс.)	2215,4	2615,0	2466,5	2090,6
Круп. рогатого скота (тыс.)	4435,9	5177,6	4423,1	3650,8
Всего скота (тыс.)	14589,0	17215,0	15461,4	14127,0

Таким образом, согласно самым массовым и наиболее полным, и по категориям учета, и по территории¹⁷⁾, и по обработке, данным в 1920 г., достиг своей высшей точки по сравнению с предшествующими годами такой важнейший показатель состояния сельского хозяйства, как площадь посева, тогда как по Европейской России дан-

15) Крестьянских хозяйств в Сибири в 1917 г. насчитывалось 1035022, в 1920 г. - 1387258.

16) Таблица составлена по данным "Сборника статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Сельское хозяйство", вып. I. Новосибирск, 1927, с. 36-43.

17) В таблице сборника данные о посевных площадях в Сибири за 1913-1923 гг. приведены по 23 категориям учета полевых и усадебных посевов.

ные всех источников согласно говорят о резком падении посевных площадей по всем важным сельскохозяйственным культурам: в производящих губерниях до 73%, а в потребляющих - до 65%.

К 1920 г. увеличилось также и количество лошадей: увеличение молодняка в предшествующие годы было таким сильным, что обеспечивало беспрерывный рост конского поголовья. В то же время в Европейской части России (особенно в степном крае, на Нижней Волге или на Северном Кавказе) число лошадей за время гражданской войны к 1920 г. сократилось значительно¹⁸⁾. За годы гражданской войны сократилось общее количество всего крупного скота, в том числе и коров, а также всех видов скота. Однако это сокращение не было значительным и если сравнить с довоенным 1913 г., то в 1920 г. и количество коров, и всего крупного рогатого скота или достигнуто, или превысило довоенный уровень, между тем в целом по стране было налицо значительное падение всех видов скота, кроме коров¹⁹⁾. В Сибири не ухудшился и качественный состав рабочего и крупного рогатого скота, не изменилось соотношение числа лошадей и крупного рогатого скота к общему стаду²⁰⁾.

И только весна 1921 г. дает заметное снижение по всем без исключения показателям сельского хозяйства по сравнению с 1920 г., кроме лошадей, и по сравнению с предвоенным и предреволюционным временем. Сравнительно больше сохранились только посевы - почти на 19% по сравнению с 1920 г.

Одним из существенных признаков для характеристики состояния крестьянского земледельческого хозяйства и его товарности является состав посевной площади, то есть подбор и соотношение культур. За годы эти качественные показатели посева изменились мало. На 100 десятин полевого посева приходилось десятин²¹⁾:

Таблица 2

Годы	Ржи		Пшеницы		Овса	Ячменя	Гречишки и просья	Льна и конопли	Прочих
	озимой	яровой	озимой	яровой					
1913	13,6		49,0	27,2	4,4	1,5	1,9	2,4	
1917	7,5	3,6	0,1	51,2	27,2	3,7	1,7	2,0	3,0
1920	6,5	4,0	0,3	49,8	30,9	3,6	1,2	1,7	2,0
1921	8,4	4,2	0,3	51,6	21,3	3,7	4,4	3,1	3,0

18) См.: Поляков В. А. Переход к напу, с. 56-61, 70.

19) Там же, с. 71-72.

20) Сборник статистико-экономических сведений, с. 43-44.

21) Там же, с. 39. Эти же данные приведены в ССЭ, т. 2, стлб. 123-124.

Соотношение ценных товарных культур (яровой пшеницы, овса) и малоценных продовольственных (пшеница, рожь) и кормовых (овес, ячмень, гречиха и пр.) или фактически не изменилось, или изменилось в лучшую сторону, или изменилось незначительно, а в целом по стране было характерным сокращение посевов наиболее ценных культур²²⁾.

Более заметной в Сибири за годы гражданской войны была убыль в инвентаре. Главным образом из-за изношенности, уничтожения и разграбления во время колчаковщины, а также нерационального использования инвентаря в мелких крестьянских хозяйствах, из-за ухудшения условий и возможностей ремонта сельхозинвентаря и почти полного отсутствия новых пополнений вышло из строя более 388 тыс. сельскохозяйственных орудий и машин или 25,8% всего инвентаря²³⁾. Однако, если взять данные об обеспеченности крестьянского хозяйства сельхозинвентарем в 1920 г. по сравнению с 1917 г., то они изменились меньше. По расчету на 100 хозяйств приходилось: орудий вспашки в 1917 г. - 70,4, в 1920 г. - 69,1, сеялок соответственно - 1,1 и 0,8 штук, жаток - 11,2 и 9,6 штук, сенокосилок - 1,8 и 1,3 штук, молотилок - 7,0 и 5,7 штук, конных граблей - 8,5 и 8,4 и т.д.²⁴⁾

Вполне естественно, что в зависимости от местных условий, масштабов земледельческого хозяйства, природных условий, соотношения численности различных социально-экономических групп крестьянских хозяйств и пр. было неодинаковым в разных частях Сибири и распространение видов инвентаря, и средняя нагрузка на орудие²⁵⁾.

Неточная оценка состояния сельского хозяйства Сибири, после ее освобождения исходит из другой, тоже традиционной ссылки на резкое падение урожая и валового сбора зерна. Причем этому доводу придается то тотальное значение, которое он не может иметь, хотя урожай - характернейший и наглядный, во многом обобщающий показатель состояния сельского хозяйства и, казалось бы, трудно представить более убедительное доказательство правильности оценки положения сельского хозяйства. Однако, обратимся снова к дан-

22) См. Поляков Ю.А. Переход к непу, с.67.

23) ЦГАНХ, СССР, ф.473, оп.46, д.862, л.1

24) Сельское хозяйство Сибирского края. Материалы, вып.1. Новосибирск, 1926, с.186.

25) Понимая всю важность такого элемента крестьянского хозяйства, как инвентарь, тем более сельхозмашин, имевшие особенное значение в условиях Сибири, мы, однако, не можем привести необходимые данные на 1921 г., так как инвентарь во время обследования не учитывался, что же касается сложного инвентаря, то он вообще выборочными переписями не учитывался до 1926 г.

ним Сибстатуправления, как наиболее массовым и авторитетным.

Данные статорганов являются основным источником по урожайной статистике. До 1917 г. их собирали центральный статистический комитет и отделение сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. С 1920 г. собрание данных об урожаях перешло в руки органов государственной статистики, в частности секции текущей сельскохозяйственной статистики.

При пользовании данными о средних урожаях за 1913-1919 гг. следует иметь в виду, что показатели дореволюционной (переселенческой) статистики в сибирских условиях оказались самыми высокими, несколько преувеличенными. Что касается 1920 г., то здесь тоже надо иметь в виду недоучет в урожае, который имел место так же, как и недоучет посевов, рабочего и другого скота и др. ²⁶⁾

Урожай с одной десятины хлебов и полевых растений по Сибири за 1913-1920 гг., по данным Центрального статистического комитета, выглядел в пудах так ²⁷⁾: (таблица 3)

Таблица 3

Годы	Рожь		Пшеница яровая	Овес	Ячмень	Гречиха	Просо	Картофель
	ози- мая	яро- вая						
1913	41	48	45	54	58	31	36	451
1917	49	46	45	60	49	33	38	577
1920	52	42	26	35	31	26	31	477
1921	37	30	25	30	26	32	44	483

Следовательно, урожай основных культур до 1920 г. был в Сибири в целом удовлетворительный и только в 1920 г. Сибирь постиг сильный неурожай, который поглотил вместе с продрозверсткой свободные остатки урожаев прошлых лет. Валовой сбор зерна составил в 1920 г. 147792 тыс. пудов против 308169 тыс. пудов в 1915 г.

При более подробном анализе обнаруживается различие по величине урожаев не только по годам, но и между районами, которое в общих чертах сводится к падению постоянства и устойчивости уро-

26) См. об этом "Статистический бюллетень Сибкрайстатотдела", 1927, №9-10, с.66-67.

27) Таблица составлена по материалам "Статистического бюллетеня Сибкрайстатотдела", 1927, №9-10, с.69,85,89,91.

жаев в направлении с Севера на юг без нарушения общей тенденции.

Такова должна быть оценка действительного соотношения урожаев в Сибири во времени и по районам. Но все же приведенные показатели внушают некоторое сомнение, убеждение в том, что разница между урожаем 1920 г. и предыдущими годами была, но была все же несколько меньше. Это убеждение поддерживается несколькими аргументами: тем, что сами крестьяне оценивали средние урожаи выше, нежели статорганы, тем, что данные до 1920 г. оказывались несколько преувеличенными, в то время как на сведениях 1920 г. отразился недоучет урожая. К сожалению, нет никаких данных, определяющих величину недоучета в урожае, но даже если ввести в данные табл. 3 принятую ЦСУ общую поправку в 0,5 баллов²⁸⁾, то разница в величине урожаев 1913- или 1917¹⁰ года по сравнению с 1920 годом будет несколько меньшей.

Но в конечном счете, даже и сравнительно меньшая урожайность в 1920 г. не может быть убедительным доказательством "катастрофического" положения сельского хозяйства Сибири в этом году. Поскольку здесь, как уже подчеркивалось, господствовала экстенсивная система хозяйства, то гораздо большее значение имеет не столько валовое количество зерна, сколько действительное производство зерна на душу сельского населения, то есть продуктивность земледелия. А нормы потребления хлебов в сибирской деревне оставались в 1920 г. выше российских. Питание сибирского крестьянина, даже в восточных и северо-восточных районах было осенью 1920 г. выше питания крестьянства производящих и потребляющих районов Европейской России в том же году. Общее питание крестьянства Сибири в течение 1920 г. было близко к нормальному, отставая всего на 7-8%²⁹⁾.

Следовательно, основа сельского хозяйства Сибири — зерновое хозяйство за годы гражданской войны пострадало, но только частично, незначительно.

Каковы же причины того, что в Сибири сразу же после окончания гражданской войны не было резкого падения всего сельскохозяйственного производства? На наш взгляд, их несколько.

Надо иметь в виду, что на сельском хозяйстве Сибири отразилась сравнительно слабо, по крайней мере до 1917 г., империалистическая война³⁰⁾. В отличие от губерний центральной

28) "Статистический бюллетень Сибстаткрайотдела", 1927, №9-10, с. 67-29) Специальный и очень обстоятельный материал по этому вопросу приведен в "Трудах Сибстатуправления", вып. 3, с. 7-19.

30) См.: Горюшкин. Сибирское крестьянство на рубеже двух ве-

части страны сельское хозяйство Сибири имело глубокие резервы роста производства, связанные с капиталистическим развитием. Кулацкие и середняцкие хозяйства были лучше приспособлены к условиям этого развития, потому и не испытали сокращения посевов в отличие от помещичьих хозяйств. Увеличению в годы войны запаски в кулацких и части середняцких хозяйств способствовал рост поставок в армию, увеличение вывоза в центр, отмена накануне войны челябинского тарифного перелома. В результате этого в Сибирской деревне усилился процесс капиталистической дифференциации: бедняцкие хозяйства не выдерживали трудностей военного времени — мобилизации работников, реквизиции лошадей, скота и пр. — и быстро разорялись, а кулаки и зажиточные крестьяне увеличивали посевы, расширяли свои хозяйства³¹⁾.

Увеличение посевов, хорошие урожаи 1914, 1916, 1917 и 1919 гг. вызвали рост сборов хлебов в Сибири, тогда как в Европейской России годы войны дали неуклонное снижение урожайности и валовых сборов хлебов. В Сибири создавались запасы хлеба в сотни миллионов пудов. Увеличивалось в годы войны и общее поголовье скота, и вывоз мяса, и его потребление. Все важнейшие показатели сельского хозяйства (кроме вывоза масла) на 1917 г. в Сибири превысили довоенные³²⁾. Главными причинами этого были отдаленность Сибири от театра военных действий, характер и мощь сибирского хозяйства, наличие значительных резервов роста производства в кулацких и части середняцких хозяйств, перенапряжение сил женщин, стариков и детей.

Но рост хозяйств был временным. Уже в 1916 г. очень остро стал ощущаться недостаток рабочих рук, изношенность сельхозорудий, падение курса рубля, спекуляция, что постепенно подтачивало базу сельскохозяйственного производства и предвещало его кризис в будущем.

Не произошло пока резкого падения сельскохозяйственного производства в Сибири и сразу в послереволюционный период. Отсутствии в Сибири крупного помещичьего хозяйства исключало те последствия, которые были вызваны их разрушением после революции в других районах страны. В Сибири в отличие от других районов страны сохранились значительные излишки хлеба от урожаев прошлых лет: по данным Сибпродкома свободные излишки хлеба еще к осени

ков. Конец XIX — начало XX вв. Новосибирск, 1967, с. III; Тькавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, с. 309; История Сибири, т. 3, Л., 1968, с. 440—446.

31) См.: История Сибири, т. 3, с. 440—446.

32) См.: Сборник статистико-экономических сведений, с. 36—45.

1920 г. можно было исчислить в 100 млн. пудов³³⁾.

Дальнейшему развитию в Сибири сельскохозяйственного производства, увеличению посевных площадей в 1920 г. могло способствовать и то, что до конца июля хлебозаготовки велись здесь не методом разверстки, как в Европейской России, которая отрицательно влияла на сельскохозяйственное производство, а методом самотека³⁴⁾. В Сибири сохранились и были менее "подрезаны" кулацкие хозяйства, составлявшие здесь в 1920 г. около 8% всех крестьянских хозяйств и у которых находилось более 34% всех посевов, около 20% рабочего скота, около 17% коров и т.д.³⁵⁾ И середняк в Сибири, хотя к концу гражданской войны в связи с общим обеднением деревни за этим понятием стояло ослабленное хозяйство, был более крепким, чем середняк в Европейской России.

Таким образом, 1920 г., а не 1917 год и даже не довоенный 1913 г. оказался высшей точкой развития зернового хозяйства.

Этот вывод подтверждается не только данными из "Сборника статистико-экономических сведений", как наиболее полными и авторитетными, но и теми статистическими материалами, которые приведены в трудах комиссии Совнаркома СССР по изучению советской деревни³⁶⁾, в специальной статье, посвященной достижениям сельского хозяйства Сибири к 10-летию Советской власти³⁷⁾. В отчете Сибкрайисполкома Совнаркому РСФСР 1920-й год назван годом, "показавшим рекордное для Сибири развитие зернового хозяйства и животноводства", а в Сибирской Советской энциклопедии специально отмечено, что "уровень 1920 г. является максимальным для периода 1913-1920 гг."³⁸⁾ Из подобной оценки состояния сельского хозяйства исходили практические работники Сибири, в частности председатель Сибкрайисполкома Р.И.Эйхе, ссылавшийся при этом "на мнение знатоков"³⁹⁾, делегаты IV общероссийской партконференции, говорившие о том, что "в Сибири сельское хозяйство еще не опустилось

33) Сибревком. Сборник док-тов и материалов. Новосибирск, 1959, с. 286 (Постановление Сибревкома).

34) См.: Краткий отчет Сибревкома. Новосибирск, 1924, с. 350.

35) См.: Божено Л.И. К характеристике основных групп крестьянства Сибири после освобождения от колчаковщины. - "Вопросы истории Сибири". Томск, 1972, вып. 7, с. 95.

36) См.: Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925, с. 32-31. Сравнительные данные приведены за 1916-1921 гг. по Сибири, РСФСР и СССР в абсолютных и относительных показателях.

37) См.: Хуйков И.И. Достижения сельского хозяйства Сибири за 10 лет. - "В помощь земледельцу". (Новосибирск), 1927, III.

38) Отчет Сибкрайисполкома Совнаркому РСФСР. Новосибирск, 1927, с. 43; Сибирская советская энциклопедия, т. II, стлб. 123.

39) ГАНУ, ф. 47, оп. I, д. II, лл. 7, 10 (из доклада Р.И.Эйхе на ок-

до потребительского уровня⁴⁰⁾.

В другой части источников площадь посевов и количество скота были максимальными не в 1920 г., а в 1916 и 1917 гг. Однако и в таком случае сокращение посевов было незначительным — менее, чем на 3%, а скота примерно на 10–15%, причем лошадей тоже очень незначительно, не более, как на 5–6% по сравнению с 1916г.⁴¹⁾

Следовательно, все эти источники, несмотря на некоторое расхождение, убедительно свидетельствуют о том, что в период от 1913 года до 1920 г. сельское хозяйство Сибири подвергалось разрушению, но не в такой степени, как в Европейской России. Из этого факта и необходимо исходить при оценке характера и темпа классового расслоения в сибирской деревне, роли и места, которые отводились Сибири партией и Советским правительством в хлебных заготовках, при сравнениях и сопоставлениях с предшествующим временем и т.д.

Если же мы будем решать вопрос о состоянии сельского хозяйства Сибири в 1920 г., стоя исключительно на точке зрения его "катастрофического" положения и "полного" разрушения, то мы нарушим принцип историзма и у нас не сойдутся концы с концами. Совершенно необъяснимыми и просто притворчивыми окажутся и повышенные требования к объему хлебозаготовок в Сибири, и неоднократные, в порядке боевых приказов, требования В.И.Ленина об усилении вывоза хлеба и особенно именно из Сибири. Совершенно противоречащим положению сельского хозяйства будет тогда и характер социально-экономической дифференциации крестьянства, тех изменений социальной структуры сибирской деревни накануне непа, происходивших в результате революционных аграрных преобразований, которые осуществлялись Советским государством в конце 1919– начале 1921 гг.

С переходом к этапу каких-либо принципиальных изменений в характере крестьянских хозяйств не произошло. Сибирь оставалась мелкокрестьянским районом, как, собственно, вся страна. Крестьянские хозяйства оставались по-прежнему мелкими, раздробленными, отсталыми. Поэтому и строительство социализма в деревне Сибири было неизмеримо труднее, чем при всяких других условиях. Это определяло и трудности восстановления и дальнейшего раз-

ружном съезде Советов); III Сибпартконференция. Стенограф. отчет. Новосибирск, 1927, с. 182.

40) "Советская Сибирь", 1921, 27 августа.

41) Дм. М. Сельское хозяйство в Сибири в 1920 г. — "Красная Сибирь", 1921, I I, с. 37–67; Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922–1923 гг. Новониколаевск, 1923, с. 8; Сельское хозяйство Сибирского края, вып. I, с. 102–133; Сибревком, с. 381 (из отчета Сибкрайкома РКП(б) II-й Сибпартконференции); ГАНУ.

вятия крестьянского хозяйства в Сибири, в которой сохранилось много старого, патриархального, "полудикого" и самого настоящего "дикого", особенно в районах "к югу от Омска" и "к северу от Томска".

Однако целой системой организационных и хозяйственных мероприятий, разработанных на основе новой экономической политики (землеустройство, кредит, снабжение средствами производства, налоговая система и др.), создали в основном необходимые предпосылки для развития производительных сил сельского хозяйства Сибири. Крестьянские хозяйства шли по пути восстановления.

О том, как происходил процесс восстановления сельского хозяйства в Сибири, дают представление массовые статистические сведения о динамике элементов крестьянского хозяйства. Чтобы не загромождать изложение слишком большим количеством показателей, приведем данные о динамике только основных элементов хозяйства - о посевных площадях, рабочем и продуктивном скоте, а также сведения о числе крестьянских хозяйств и населения в них⁴²⁾: (табл. 4)

Таблица 4

Виды учета	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Крестьянских хозяйств (тыс.)	1185,2	1179,5	1169,6	1198,8	1258,4	1304,2	1348,9
Населения в них (тыс.)	6657,5	6750,0	6660,4	6831,2	7142,1	7181,9	7372,5
Лосев (тыс. дес.)	6711	5435,0	4080,1	4942,0	5187,0	5404,0	6431,0
Лошади (тыс.)	3948,5	3889,8	3418,3	3001,3	3368,5	3408,5	3600,6
Коровы (тыс.)	2466,5	2090,6	1848,3	1943,6	2301,5	2419,9	2683,9
Плуги и буксера (тыс.)	622,4	-	-	-	-	-	797,7
Сейлки (тыс.)	8,9	-	-	-	-	-	16,2
Энейки, сенокосилки и конные грабли (тыс.)	316,3	-	-	-	-	-	329,1
Молотилки, веялки и сортировки (тыс.)	212,2	-	-	-	-	-	205,1

Ф. I, оп. I, д. III 5, лл. 17, 18 (Материалы к докладу Сибревкома); ЦГТНХ, ф. 478, оп. 46, д. 873, л. 1; ф. 1562, оп. 61, д. 2, лл. 3, 151 (Материалы для юбилейного сборника ЦСУ СССР).

42) Таблица составлена по данным "Сборника статистико-экономи-

В первые, самые трудные годы новой экономической политики несколько сократилось число хозяйств и населения в них: часть хозяйств разорилась и ликвидировалась, прекратив свою деятельность, часть - перешла к другим занятиям, выселилась или вымерла и т.д. Однако уже в 1923 г. число хозяйств и населения в них не только восстановилось, но и несколько превысило показатели 1920 г., и с 1923 г. крестьянские хозяйства и население в них стали из года в год расти как за счет внутренних социально-экономических изменений (выделение новых хозяйств в результате разделов, возвращение к прежнему занятию сельским хозяйством и пр.), так, главным образом, за счет притока переселенцев в Сибирь из европейской части страны⁴³⁾.

Посевные площади, достигшие в 1920 г. самого высокого уровня за весь предшествующий период, с этого времени резко пошли на убыль вплоть до 1922 г. включительно, когда они составляли чуть более 60% от уровня 1920 г. 1923 г. дал резкий прирост посевов и с этого времени идет непрерывный их рост, и в 1926 г. посевная площадь в крестьянских хозяйствах Сибири оказывается на уровне 1920 г., а в 1927 г. уже превышает его.

Вместе с восстановлением посевных площадей идет, начиная с 1924 г., и процесс качественного их улучшения. Начиная с этого времени сильно падает (в два с лишним раза) доля крупных культур, увеличивается удельный вес более ценных культур, являвшихся основным кормовым продуктом, - пшеницы и овса: в 1925 г. они занимали почти 60% всех посевов, а в 1926 г. - 75%, достигнув уровня 1913 г., и приблизились вплотную к уровню 1920 г. (85%). Не очень заметно, но постепенно увеличились посевные площади под техническими культурами: в 1920 г. - около 2% посевов, в 1925 г. - 3,3%. Уже с 1923 г. заметна устойчивая тенденция к повышению своей доли в посевной площади картофеля. По сравнению с нижней точкой падения (1923 г.) повысились средние урожаи зерновых культур, в 1925 г. они составили 57,7 пудов с десятины⁴⁴⁾.

ческих сведений" (с. 36-49, 145, 181); сб. "Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 г. по Сибирскому краю", Новосибирск, 1928 (с. ХУП-ХШ, 21, 169-170) и статсборника "Сибирский край", Новосибирск, 1930, (с. 290-291, 295.)

43) Выводы сделаны на основании данных, приведенных в "Сборнике статистико-экономических сведений" (с. 172, 236, 258, 262) и в "Статистике Сибири", 1930, вып. 2, с. 3.

44) См.: "Сборник статистико-экономических сведений", с. 36-37; Народное хозяйство Сибирского края, с. 8-9, 15; "Статистический бюллетень Сибкрайстатотдела", 1927, № 9-10, с. 89.

Поскольку между отдельными отраслями сельского хозяйства существует прочная органическая связь, то изменения в показателях по рабочему скоту (лошадям) и молочному скоту в принципе совпадают с той только разницей, что увеличение численности лошадей началось годом позже, чем посевы и они в годы восстановительного периода так и не достигли уровня 1916 г., который дал самые высокие показатели по всем видам скота. В принципе почти тождественно шло восстановление численности коров, как и всего крупного скота, однако она росла более интенсивно, чем численность лошадей и даже площадь посевов.

В годы восстановительного периода выросла производительность животноводства. Увеличился среднегодовой надой молока, который в 1926 г. составлял 45 пудов, а всего было надоено молока 132,6 млн. пудов. Постепенно восстанавливалась самая доходная и в то же время самая пострадавшая отрасль сельского хозяйства Сибири — маслоделие: если в 1922 г. вся заготовка масла составляла 400 тыс. пудов, то в 1924 г. — уже 1 млн. пудов, а в 1925 г. — 1 млн. 700 тыс. пудов. Вывоз масла из Сибири в этом году составлял около половины довоенного, тогда как к 1922 г. он упал до 12% к уровню 1915 г.⁴⁵⁾

Быстрыми темпами восстанавливалось в Сибири овцеводство: в 1916 г. насчитывалось 6358 тыс. овец, в 1921 г. — 4511 тыс., в 1922 г. — 4626 тыс., в 1923 г. — 6042 тыс., в 1924 г. — 8013 тыс., в 1926 г. — более 8367 тыс. овец. Точно такими же быстрыми темпами росло место овец, занявших большое место в общем стаде среди других видов скота, и средняя обеспеченность овцами одного хозяйства, что объяснялось и наличием кормов даже в кризисные годы, освобождением овец от налогового обложения, высокими ценами на шерсть и мясо.

За время упадка сельского хозяйства из всех видов скота в крестьянских хозяйствах Сибири наиболее пострадало свиноводство, которое сократилось к 1923 году почти на 6,1% по сравнению с 1916 г. (от 2262,8 тыс. до 879,5 тыс.), так же как и число свинок в расчете на одно хозяйство и удельный вес свинок во всем стаде. Совершенно аналогичные изменения претерпело и количество коз, которое тоже восстановилось только в 1926 г..

Второстепенную роль в крестьянских хозяйствах Сибири играло птицеводство, однако, до 91% всех хозяйств, особенно в степной

45) См.: Сибревком, с. 382; Сельское хозяйство Сибирского края вып. I, с. 167; Основные положения генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1927, с. 30.

части Западной Сибири, имело домашнюю птицу - кур, гусей, уток, индюшек, а к 1927 г. - около 13 млн. штук.

В годы восстановления народного хозяйства не получило большого развития в Сибири, как показывают данные обследований и переписей, и пчеловодство: процент хозяйств с ульями составлял от 0,03 до 0,07, число ульев в 1922 г. было равно 404,5 тыс., а в 1926 г. - 439,5 тыс.⁴⁶⁾

Решающее значение для характеристики процесса восстановления сельского хозяйства имеют такие суммарные, обобщающие показатели, как величина валовой и товарной продукции сельскохозяйственного производства. В целом и по основным отраслям сельского хозяйства она была такой⁴⁷⁾: (табл.5)

Таблица 5

Виды продукции	1913/14	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Всей валовой продукции (млн. руб.)	535,4	397,5	506,8	548,3	578,1
Всей товарной продукции (млн. руб.)	106,2	68,3	98,4	108,6	112,1
в %	19,8	17,2	19,4	19,8	19,3
Товарной продукции полеводства (млн. руб.)	29,8	22,3	43,3	47,4	47,6
в %	28,1	32,7	43,9	43,5	42,5
Товарной продукции животноводства (млн. руб.)	76,4	46,0	55,0	61,2	64,5
в %	71,9	67,3	56,1	56,5	57,5

46) Все данные об овцеводстве, свиноводстве, птицеводстве и пчеловодстве взяты из "Сборника статистико-экономических сведений", с.42-47. Кроме того, подробные сравнительные данные об эволюции всех основных элементов крестьянских хозяйств с 1920 г. по 1925 г. в процентах к 1920 г. (по данным гнездовых сельскохозяйственных переписей) содержатся в этом же сборнике на с.182-183 (по 33 показателям).

47) В основу таблицы положены данные, приведенные в сб. "Народное хозяйство Сибирского края (по контрольным цифрам на 1926/27 год)". Новосибирск, 1926, с.10-14. Денежные оценки даны в млн. довоенных рублей.

Как видно из приведенных таблиц, сельское хозяйство Сибири после перехода к новой экономической политике прошло несколько этапов. Первые годы после окончания первой мировой войны и перехода к напу, 1921-1922 гг., были для сибирского сельского хозяйства годами упадка, чему был ряд причин. Крестьянское хозяйство в Сибири, несмотря на его сравнительную мощь, начало исподволь разрушаться задолго до гражданской войны. Еще до первой мировой войны в Сибирь выбрасывались миллионы российских крестьян и ничего не делалось для помощи их хозяйствам. Рынок сибирскому хлебу на российский рынок был фактически закрыт (так называемый "челябинский перелом"). Крестьянское хозяйство в Сибири заметно увеличивалось по размерам, но почти не становилось лучше. Тем более, что в Сибири доля промышленности была совершенно ничтожна, кроме разве золотопромышленности.

Мировая война внесла в это положение определенные поправки, особенно больно ударив по крестьянству мобилизацией и жертвами. Во время длительной войны накапливались медленно и незаметно, но реально и существенно отрицательные моменты. Нарушалась правильность севооборота, изнашивался инвентарь, снижалось качество семян, менялся в худшую сторону качественный состав крупного рогатого скота, сокращалось поголовье молодняка и быков. В ходе гражданской войны и борьбы с колчаковщиной целые районы наиболее активного партизанского движения оказались разоренными.

Все эти и другие специфические факторы должны были рано или поздно сказаться на сельском хозяйстве Сибири. И хотя оно в 1920 году оказалось, главным образом, зерновое хозяйство, на взлете в отличие от почти всех районов страны, но взлет этот был дехорадочным, возникшим на нездоровой почве. Исподволь наносимый ущерб, хотя и не проявлялся во внешних показателях хозяйства, но все это вместе взятое привело к тому, что при первом же неурожайном 1920-м году и неурожае 1921 г. Сельское хозяйство в Сибири оказалось в первые годы напу в кризисном состоянии. Помимо отмеченных причин следует назвать также и ущерб, нанесенный сельскому хозяйству кулацко-белогвардейским бандитизмом, саботирование кулаками хозяйственных мероприятий Советской власти, повышенные хлебозаготовки, почти полное отсутствие агрономической помощи, эпизоотии, массовый забой скота, "ножницы цен", которые были уже в эти годы⁴⁸⁾. В результате сельское хозяйство Сибири,

48) См. об этом: Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (1926-1937 гг.). Новосибирск, 1973, с.58-62.

в отличие от других районов страны, и в 1922 г. не только не восстанавливалось, но, наоборот, еще более сократилось. К 1923 г. валовая продукция сельского хозяйства сократилась по сравнению с довоенной более, чем на 1/4, а товарная еще более — примерно на 1/3, особенно по животноводству.

Начавшись в Сибири в 1921 г., то есть несколько позднее, чем в центральных районах страны, тяжелый кризис сельского хозяйства и продолжался здесь дольше — вплоть до 1923 г. Только 1923 г. явился для сельского хозяйства Сибири переломным, когда его падение приостановилось и совершенно определенно наметился темп восстановления, хотя положение сельского хозяйства Сибири и в 1923 г. оставалось еще тяжелым.

1924 г. прошел под знаком восстановления еще не окрепшего сельского хозяйства, а также поднятия и организации местной промышленности, урегулирования и развития местного товарооборота на основе закрепления смычки города и деревни. В соответствии с этим развилась товарность крестьянского хозяйства, усилилась роль в нем молочного товарного животноводства, значительно вырос спрос на усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия, повысился интерес крестьянства к улучшению своего хозяйства, к кооперированию. Сельское хозяйство Сибири не просто восстанавливалось на старой, дореволюционной технической основе, — оно перестраивалось, насыщалось машинами и инвентарем, повышалась агротехника хозяйства.

В 1925 г. все основные показатели развития крестьянского хозяйства: — величина посева, численность рабочего скота и молочного инвентаря, сельхозмашин, а также общий объем валовой и товарной продукции, достигли или почти достигли уровней 1913-го и 1916-го или 1919-го годов, а в 1926 г. по целому ряду превзошли их.

Итак, каковы же итоги восстановительного периода сельского хозяйства в Сибири? Когда, собственно, оно закончило свой восстановительный процесс? Ответить на этот вопрос необходимо уже потому, что в литературе существует разнобой в определении конечной даты восстановления сельского хозяйства Сибири: одни пишут, что это произошло "в 1925 г." или "к концу 1925 г.", другие — "к 1925-26 г." или "к 1926 г.", третьи — "в 1926 г.", то есть получается разница в целый год. В разделе "Восстановление сельского хозяйства" монографии Н.А. Гудина делается вывод о том, что "к 1926 г. в основном были восстановлены про-

изводительные силы сельского хозяйства Сибири", что "Сибирь по большинству показателей сельскохозяйственного производства достигла довоенного уровня в 1926 г."⁴⁹⁾ Происходит это из-за нетребовательности, неразборчивости в использовании статистических и других данных, а также из-за разнобоя в методике подсчета: в качестве исходного рубежа для сравнения по всем показателям берутся произвольно то 1913 г., то 1916 г., то 1917 г.

Итоги восстановления сельского хозяйства в Сибири будут представлены более наглядно и правильно, если все основные показатели в абсолютных цифрах перевести в относительные и сравнивать показатели 1925 г. как последнего года восстановительного периода с теми годами, которые были наивысшими для этих показателей в предшествующие годы. Результаты всех этих подсчетов (в округленных процентах) дают следующую картину: (табл. 6)

Таблица 6

Годы	Посев	Раб. скот	Коровы	Валовая продукция	Товарная продукция
1913	-	-	-	100,0	100,0
1916	-	100,0	100,0	-	-
1920	100,0	94,0	85,5	-	-
1921	81,0	92,0	70,0	-	-
1922	61,0	81,0	64,0	-	-
1923	74,0	71,0	67,0	-	-
1924	77,0	80,0	80,0	74,0	64,0
1925	80,5	81,0	83,0	95,0	92,0
1926	96,0	85,0	92,5	102,0	103,0
1927	105,0	91,0	99,0	108,0	106,0

Следовательно, сельское хозяйство Сибири закончило в основном свой восстановительный период в 1925 г., когда валовая продукция и товарная продукция его составляли от 92 до 95% довоенного уровня.

49) Гушин Н.Я. Указ. соч., с. 68, 76.

Однако основные элементы сельского хозяйства (и полеводство и животноводство) и его продукция, несмотря на их восстановление все же не поспевали в своем развитии за ростом числа крестьянских хозяйств и населения в них, которые возросли по сравнению с 1920 г. быстрее и в значительно большей степени, чем площадь посева, число рабочего скота, валовая и товарная продукция в расчете на I хозяйство⁵⁰⁾: (табл.7)

Таблица 7

Годы	Хозяйства (%)	Население (%)	Посев (дес.)	Лошади	Коровы	Валовая продукция (руб)	Товарная продукция (руб)
1913	-	100,0	-	-	-	514,0	102,0
1916	-	97,0	-	3,99	2,74	-	-
1917	-	104,0	6,25	3,72	2,52	-	-
1920	100,0	112,0	5,60	3,33	2,08	-	-
1921	99,0	114,0	4,55	3,30	1,71	-	-
1922	98,0	112,0	3,42	2,92	1,58	-	-
1923	101,0	115,0	4,07	2,51	1,62	264,3	46,5
1924	107,0	120,0	4,05	2,68	1,83	316,7	54,2
1925	110,0	121,0	4,06	2,62	1,86	388,6	75,4
1926	114,0	124,0	4,68	2,67	1,99	406,5	80,6

Сельское хозяйство Сибири после окончания гражданской войны, пережив три года упадка, несмотря на сравнительно быстрые темпы восстановления так и не смогло за короткий отрезок времени поспеть за ростом крестьянских хозяйств и за особенно быстрым ростом сельского населения.

Это несколько умаляет общие достижения сельского хозяйства в восстановительный период, но отнюдь не опровергает общий вывод о том, что в основных своих элементах сельское хозяйство Сибири завершило в 1925 г. период своего восстановления.

К концу восстановительного периода сельское хозяйство занимало господствующее положение в экономике Сибири. Посевные площади Сибири составляли 9,6% всех посевов Российской Федерации, а под зерновыми культурами еще больше - 10,6% . Сибирь распола-

50) Данные о хозяйствах, населении, посевах и скоте взяты из "Сборника статистико-экономических сведений" (с.36,48), а по продукции получены путем деления объемов продукции на общее количество хозяйств.

гала огромны резервом скота: в процентах в Республике крупный рогатый скот составлял 12,7%, а лошади - почти 17%. Удельный вес валовой продукции сельского хозяйства (в довоенных ценах) Сибири был равен 7,9% всего валового сбора продукта Республики, а товарная часть - 5,7%.

В годы восстановления заметно возросли основные капиталы народного хозяйства. В 1925/26 г. основной капитал в постройках, в скоте, в сельскохозяйственном инвентаре составлял около 703 млн. руб. в довоенных ценах. В сельском хозяйстве в 1923/26 хозяйственном году было занято более 3 млн. 142 тыс. человек.

Характерным для Сибири конца восстановительного периода была резкая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью, которая занимала незначительное место в экономике РСФСР, и по валовой продукции (2,6%) и по количеству занятых рабочих (2,6%), за исключением валовой продукции топливной и горнодобывающей, составлявшей 24% валовой продукции РСФСР. Значительный перевес сельского хозяйства над промышленностью внутри Сибири подтверждается данными об основных капиталах неметаллической промышленности, которые в 1925/26 г. составляли всего 56 млн. 262 тыс. довоенных рублей, а в государственной кооперативной и частной промышленности было занято только 145 565 человек⁵¹⁾.

Эта особенность в развитии экономики Сибири, несомненно, оказывала свое влияние на все процессы восстановления сельского хозяйства.

Относительно медленные темпы роста сельского хозяйства в Сибири и отставание его от темпа развития промышленности обусловлены были, главным образом, экономикой мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, в условиях которого невозможно было подняться на высший уровень техники, научно организованного, культурного и обобщественного хозяйства. Что же касается темпов восстановления сельского хозяйства Сибири в сравнении с общероссийским, то в Сибири, несмотря на отставание в начале, они были более повышенные в сравнении со средними показателями страны в целом. Поэтому сельскохозяйственное производство в крестьянских хозяйствах Сибири, как и во всей стране, тоже в 1925 г. в целом достигло довоенного уровня, а в 1927 г. в главных пока-

51) См. сравнительные таблицы в сб. "Основные положения генерального плана" (с. 11-12) и в сб. "Народное хозяйство Сибирского края" (с. 19-21).

затялах превзошло его, в то время, как в отдельных районах (Северный Кавказ, Поволжье) из-за тяжелых последствий гражданской войны и неурожая 1921-1922 и 1924 гг. восстановительные процессы не были завершены и к началу первой пятилетки ⁵²⁾.

Восстановление и подъем крестьянских хозяйств в Сибири свидетельствовали о том, что они накопили к началу коллективизации достаточно сил для своего дальнейшего развития. Эти силы были вызваны мероприятиями Советской власти, проводившимися в условиях новой экономической политики и способствовавшими развитию хозяйственной инициативы на основе материальной заинтересованности крестьянства.

В Сибири были такие исторические и социально-экономические предпосылки, которые, казалось бы, позволяли отнести ее к первой группе районов по коллективизации (наибольшее развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве в дореволюционный период и после перехода к напу, наличие огромных земельных площадей, общинная форма землепользования и т.д.). И все же Сибирь была отнесена ко второй группе. Объяснить это можно специфическими особенностями Сибири: здесь не было к середине 20-х годов ярко выраженного зернового хозяйства и многие районы имели довольно развитое животноводство, требующее более сложного процесса коллективизации. Сибирь не имела приближенного исторически сложившегося хлебного рынка, здесь была большая масса натуральных, полунатуральных, мелких и средних хозяйств, сильное влияние вольно-захватного способа землепользования, большое влияние на бедняков и середняков кулачества и т.д.

В итоге Сибирь к объявлению XV съездом партии курса на коллективизацию оказалась подготовленной слабее, чем ряд районов страны. Но социалистическое переустройство всего сельского хозяйства в Сибири, его коллективизация стала исторической необходимостью, ближайшей и основной задачей.

52) См.: Сельское хозяйство России. 1917-1967. М., 1967. с. 117.

Дудукалов В.И.

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В
СИБИРИ В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА (1921-1925 гг.)

После перехода от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству перед Советским государством встала задача восстановления разрушенного народного хозяйства, укрепления союза рабочего класса и крестьянства, налаживания экономической смычки между городом и деревней. В первую очередь необходимо было поднять товарность крестьянского хозяйства и возрождающейся промышленности на базе использования материальных стимулов и хозяйственного расчета.

Решающее значение в укреплении товарооборота между возрождающейся промышленностью и сельским хозяйством приобрела торговля.

Посредством торговли и восстановления товарооборота, обеспечивалась смычка между городом и деревней. Торговля оказывала решающее воздействие на улучшение материального положения рабочих и крестьян. Придавая огромное значение овладению инструментом торговли, В.И. Ленин призывал коммунистов осваивать торговое дело. Он говорил, что научиться понимать коммерческие отношения и торговлю — обязанность каждого коммуниста: "Это наша обязанность, и мы начнем успешно учиться и научимся, когда станем говорить об этой задаче без обиняков"¹⁾.

Свобода торговли и допущение частного капитала под контролем государства являлись одним из важнейших мероприятий Советского государства, способствующих восстановлению товарооборота в стране. "Это еще полдела, — учил В.И. Ленин, — если мы ударим эксплуататора по рукам, обезвредим и докажем... Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас..."²⁾

Первые годы нэпа были самыми трудными в мирном хозяйственном строительстве переходного периода. Необходимо

1) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 216.

2) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 45, с. 97.

было в кратчайший срок укрепить материально-техническую базу потребительской кооперации, создать разветвленную сеть государственных торговых предприятий, разработать методы планирования, провести мероприятия, направленные на усиление контроля за частной торговлей и ее вытеснение.

Важное значение в установлении хозяйственных связей в стране, укреплении товарооборота между городом и деревней при регулирующей роли государства приобретала ярмарочная торговля. Ярмарки способствовали широкому вовлечению крестьян в сельскую торговлю.

Уже с первых дней нэпа в ряде районов страны стала развиваться ярмарочная торговля. Ярмарки возникали в основном в тех населенных пунктах, в которых они проходили в дореволюционное время.

Одной из первых ярмарок межобластного значения была Ирбитская ярмарка, открытая в феврале 1922 г. В конце марта 1922 г. в Москве была проведена Всероссийская контрактная ярмарка. Самой крупной оптовой ярмаркой, организованной по постановлению правительства, была Нижегородская, проходившая с 1 августа по 15 сентября 1922 г. Кроме вышеназванных, значительную роль в развитии товарооборота имели ярмарки в национальных районах страны: Бакинская, Киевская, Харьковская ярмарки. Кроме ярмарок, имеющих общесоюзное или республиканское значение, в этот период возрождаются ярмарки местного значения. В 1922/23 г. в сельских районах страны действовало около 600 ярмарок³⁾.

Первые ярмарки в Сибири были организованы летом 1921 г.⁴⁾ На ярмарках этого периода проводилась заготовка сельскохозяйственных продуктов в основном посредством товарообмена. В обмен на промышленные товары потребительской кооперацией заготавливались хлеб, мясо, жиры и другие продовольственные товары. Например, на ярмарке в Ужуре (Красноярская губ.) в обмен на мануфактуру, соль, спички, керосин было приобретено у крестьян около 2 тыс. голов скота⁵⁾. На Бийской и Чарковской ярмарках (Алтайская губ.) за несколько дней было закуплено до 1313 голов крупного рогатого скота, 313 овец,⁶⁷⁰

3) Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. М., 1964, с. 185.

4) "Советская Сибирь", 1921, 16 июля.

5) "Красноярский рабочий", 1921, 16 июля.

пудов хлеба и более 100 пудов шерсти⁶⁾.

Осенью 1921 г. товарообмен уступает место развивающимся товарно-денежным отношениям, торговле. Так, Алтайский губком в августе 1921 г. сообщал: "В пределах губернии был проведен опыт организации сельских ярмарок, на которых производился обмен товаров на продукты сельского хозяйства и продажа их на золото"⁷⁾. К концу 1921 г. в Алтайской губернии было открыто 5 ярмарок, большинство которых прошло с успехом⁸⁾.

Практической работой по организации ярмарок в этот период занимались биржевые комитеты. Перед открытием ярмарок создавались ярмарочные комиссии, в задачи которых входило изыскание средств на оборудование ярмарок, выяснение жилищных и других вопросов. Одновременно с этим, через местные газеты, путем издания плакатов и объявлений проводилось оповещение торгующих организаций и населения о предстоящих ярмарках.

В целом по Сибири торговые обороты ярмарок в 1921-начале 1922 гг. были незначительны. По мере восстановления промышленности, увеличения товарности крестьянского хозяйства ярмарки стали привлекать все большее количество как торгующих организаций, так и сельского населения прилегающих районов.

С целью объединения и сближения губернских рынков и отдельных районов Сибири, в июле 1922 г. по инициативе Сибпромбюро ВСНХ в г.Новониколаевске (Новосибирске) была организована ярмарка общесибирского характера в виде контрактново-ярмарочного съезда. Обороты первого съезда - ярмарки составили сумму более 60 млн.руб. (образца 1922 г.)⁹⁾. В работе ярмарки приняли участие государственные промышленные и торговые организации, а также Сибцентросоюз, Сибторг, Сибпродком, Сибдальнешторг и др.

В 1922 г. в Сибири возникают более крупные ярмарки. На Омской ярмарке, которая проходила в начале года, основными предметами торга были мясо, скот, кожаные изделия, материалы жи-

6) Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 10.

7) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 10, л. 25.

8) ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 164, л. 75.

9) Корягина Т.А. К вопросу о государственном регулировании торговли в Западной Сибири в первые годы напa (1921-1923 гг.). - В кн.: Сибирь и Дальний Восток в годы восстановления народного хозяйства, вып. 9. Томск, 1971, с. 176.

вотного происхождения, пушнина и жировые продукты. Привоз товаров на нее в 1922 г. составил 714 тыс. рублей. Ярмарка привлекла к себе крестьянское и киргизское население не только из близлежащих мест, но и из отдельных уездов, находящихся от Омска на расстоянии 500-700 верст¹⁰⁾.

Придавая большое значение развитию ярмарочной торговли в стране, комиссия по внутренней торговле при Совете Труда и Обороне осенью 1922 г. издала постановление о возобновлении ярмарок в губерниях, в том числе и Сибири. Внимание губисполкомов обращалось на изучение ярмарочной торговли в губернском товарообороте и их экономического значения. С этой целью при губисполкомах были созданы комиссии из представителей государственных и кооперативных организаций. Так, на Алтае такая комиссия была создана 20 сентября 1922 г.¹¹⁾

Состояние ярмарочной торговли в Сибири было рассмотрено на заседании Сибревкома 1 декабря 1922 г. Наряду с положительным опытом проведения ярмарочной торговли Сибревком отметил и ряд отрицательных моментов. Это, прежде всего, отсутствие единых законодательных норм, а также наличие конкуренции между торгующими организациями. Отмечая это ненормальное положение, Сибревком 1 декабря 1922 г. утвердил Положение о сельских ярмарках¹²⁾. На основании этого постановления в интересах расширения сельского товарооборота разрешалось возобновление существовавших ранее ярмарок в городах и сельских местностях. Открытие новых ярмарок производилось с разрешения комиссии по внутренней торговле губисполкома. Для организации сельской ярмарки райисполком создавал ярмарочный комитет из 3 человек, в состав которого входили представитель уездного исполкома Советов (председатель) и работники государственной и кооперативной торговли. В обязанность ярмарочного комитета вменялись принятие подготовительных мер к открытию ярмарки и общее наблюдение за порядком ярмарочного торга, наблюдение за санитарным и противопожарным состоянием. Кроме этого, в обязанность ярмарочного комитета входили сбор статистических и экономических

10) Внутренняя торговля СССР и ее регулирование в 1923/24 году и первом квартале 1924/25 года, вып. 2. М., 1925, с. 105.

11) ГААК, ф. 97, оп. 1, д. 3, л. 1.

12) ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1045, л. 85.

сведений о товарообороте и представление последних в губ-статбюро и комиссию по внутренней торговле.

Общее руководство работой ярмарок в губернии Положением было возложено на экономические совещания (губэконосо), при которых были созданы губернские ярмарочные комитеты из представителей партийных, советских, государственных, торговых и кооперативных организаций.

Губернские ярмарочные комитеты в Сибири были созданы в весне 1923 г., а сельские уездные и районные комитеты были сформированы только к лету этого же года¹³⁾.

После издания постановления СНК (февраль 1923 г.) об освобождении сибирских ярмарок от промыслового налога наблюдается значительное оживление ярмарочной торговли Сибири. К этому времени была проведена большая разъяснительная работа как с кооперативными и торговыми предприятиями, так и с крестьянами.

Большой вред приносили ярмарочной торговле частные торговцы. Они стремились оградить крестьян от непосредственного участия в ярмарках. Скупая у крестьян хлеб, масло, лен, предметы кустарной промышленности, частные торговцы, играя роль посредников, наживали значительные суммы от оптовых операций. Обследование ярмарочной торговли Сибири, проведенное в начале 1923 г. по решению Сиббюро ЦК РКП(б), показало засилье частных посредников в тех районах, которые были удалены на значительное расстояние от губернских центров.

В феврале 1923 г. под руководством Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) проходил 4-й съезд губернских экосо. На съезде, наряду с другими был рассмотрен вопрос о развитии сибирской ярмарочной торговли. В резолюции о промышленности и торговле было признано необходимым максимально развивать сельскую ярмарочную торговлю, так как она способствует борьбе с частным посредником¹⁴⁾.

В июле 1923 г. в г.Новониколаевске был проведен 2-й Сибирский областной контрактный съезд-ярмарка. В работе

13) Например, Томский губернский ярмарочный комитет из 15 членов был создан в начале февраля, а уездные комитеты — к маю 1923 г. (См.: ГАТО, ф. 173, оп. 1, л. 782; л. 46; л. 813, л. 106).

14) Отчет четвертого съезда губернских экономических совещаний Сибири (11-15 февраля 1923 г.), Новониколаевск, 1923, с. 11 (Приложение).

съезда приняли участие представители Сибири, члены Новониколаевской товарной биржи и представители ряда центральных торговых органов, имеющих свои отделения в Новониколаевске. На съезде государственными и кооперативными организациями были заключены 52 договора на сумму 1 млн. 22 тыс. руб. золотом, из которых 34,2% составило сельскохозяйственное сырье. Частные торговцы в обороте ярмарки занимали незначительное место. По продаже товаров они составляли 4,7% и по покупке - 3,3% к общему обороту ярмарки¹⁵⁾. В резолюции съезда-ярмарки по докладу "О торговой политике" говорилось о необходимости дальнейшего расширения ярмарочной торговли в Сибири, так как она "наиболее рациональным и доступным способом расширяет и углубляет сибирский рынок до отдаленных деревень". Резолюция съезда рекомендовала государственным и хозяйственным органам, а также потребительской кооперации принимать "самое активное участие как в изыскании районов для организации ярмарок, так и в организации этих ярмарок путем выступлений как по распространению промышленной продукции, так и приобретению на этих ярмарках сельскохозяйственного сырья"¹⁶⁾.

В сентябре 1923 г. на заседании Сибревкома были рассмотрены результаты работы сельских ярмарок в Сибири. В постановлении было отмечено их положительное значение как связующего звена между отдельными районами¹⁷⁾.

К концу 1923 г. ярмарочная торговля заметно усилилась. Так, в Томской губернии насчитывалось 12 сельских ярмарок. Их них в Щегловском уезде - 7, Кузнецком - 3 и Томском уезде - 2 ярмарки¹⁸⁾.

На сибирских ярмарках торговля производилась в основном продовольственными товарами, скотом и сельскохозяйственным сырьем.

Большое значение развитию товарооборота между городом и деревней уделялось партийными организациями Сибири. Губернские и уездные партийные организации оказывали практи-

15) "Жизнь Сибири", 1923, № 8, с. 140, 141.

16) Труды 2-го Сибирского областного контрактного съезда-ярмарки (10-20 июля 1923 г.), Новониколаевск, 1923, с. 15-41.

17) ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 1045, л. 85.

18) Экономический и статистический обзор Томской губернии. Томск, 1924, с. 152.

ческую помощь в предоставлении транспортных средств для своевременного завоза товаров, улучшения их ассортимента, организации ярмарочных комитетов и выделения им служебных, складских и торговых помещений. Например, президиум Енисейского губкома РКП(б), рассматривая состояние сельской торговли в губернии, указал всем партийным организациям на необходимость "... поставить систематическое изучение движения товаров на губернском рынке, обратить внимание на организацию ярмарок по губернии"¹⁹⁾.

Газета "Советская Сибирь" в начале 1924 г., отметив положительное значение сельских ярмарок, писала: "В условиях ярмарочного торга расчеты учитываются быстрее. ВВесь пульс хозяйственной жизни края начинает биться быстрее"²⁰⁾.

Наибольшее распространение ярмарочная торговля получила в Омской губернии, где в 1924 г. насчитывалось 773 сельских ярмарки. Как показывает табл. 1, из общего количества ярмарок Омской губернии в 1924 г. наибольшее количество приходилось на Омский и Тюкалинский уезды²¹⁾:

Таблица 1

Наименование уездов	Количество ярмарок в уездах	Оборот в руб.	Примечание
Омский	18	910 000	Оборот по 10 ярмаркам
Тюкалинский	15	972 000	
Славгородский	13	343 000	
Тарский	11	99 000	
Татарский	11	83 000	
Калачинский	5	62 000	Оборот по 3 ярмаркам

Общий годовой оборот 73 ярмарок Омской губернии в 1924 г., по данным товарной биржи, составил 3 млн. 59 тысяч.

19) ПАНК, ф. 1, оп. 1, д. 370, л. 150. Протокол президиума Енисейского губкома РКП(б) от 4 декабря 1923 г.

20) "Советская Сибирь", 1924, 3 января.

21) Отчет о деятельности Омской товарной биржи за 1924 хозяйственный год. Омск, 1925, с. 76; ГАОО, ф. 27, оп. 1, д. 75554, л.

рублей. Основными товарами, обращающимися в торговом обороте ярмарок, были сельскохозяйственное сырье, предметы продовольствия и товары фабричного производства. По ряду уездов на ярмарках губернии преобладали товары кустарного промысла или того или иного сельскохозяйственного сырья, характеризующие особенности данного района. Так, в Тарском уезде в торговом обороте отдельных ярмарок участвовали глиняная и деревянная посуда, изделия домашнего обихода и дерева, пушнина, лошади. В Тькалинском уезде на ярмарках преобладающими были масло, деготь, смола, овощи. Продолжительность работы ярмарок Омской губернии составляла: от 1 до 2 дней - 16 ярмарок, до 3 дней - 43, от 5 до 7 дней - 12 и до 2 недель - 1 ярмарка. Из 63 ярмарок губернии, по которым имеются сведения, большинство имело незначительный оборот: товарооборот 25 ярмарок не превышал 5 тыс. руб., 23 ярмарок имели оборот от 5 до 50 тыс. руб. и только по 16 ярмаркам оборот превышал 100 тыс. руб. (Омский, Славгородский и Тькалинский уезды)²²⁾.

Самой крупной в губернии ярмаркой являлась декабрьская сырьевая, бывшая Введенская ярмарка г. Омска. В 1923 г. оборот привоза этой ярмарки составил более 765 и в 1924 г. - около 850 тыс. руб. В 1924 г. на ярмарке было продано 1384 лошади, более 73 тыс. пудов мяса, более 4,5 тыс. пудов масла, 4,7 тыс. пудов сала и много другого сельскохозяйственного сырья: кожи, овчина, щетина, шерсть, пушнина и др.²³⁾ Как показывает табл. 2, значительную долю в товарообороте ярмарки занимали мясопродукты, скот и лошади²⁴⁾ (см. табл. 2).

С 1923 г. начинается постепенное относительное снижение роли частного капитала в товарообороте Сибири и повышение роли государственной и кооперативной торговли. Не выдерживая конкуренции, частные торговцы устремляются в сельские районы.

Вопросы развития сельского товарооборота Сибири были рассмотрены Сибревкомом в июле 1924 г. В решении Сибревкома отмечалась необходимость усиления государственной и коопе-

22) Отчет о деятельности Омской товарной биржи, с. 76-90.

23) Внутренняя торговля СССР и ее регулирование в 1923/24 году и первом квартале 1924/25 года, вып. 2. М., 1925, с. 105.

24) Конъюнктурный обзор народного хозяйства Омской губернии за 1-е полугодие 1924/25 года (с 1/X-24 по 1/IV-25 г.) Омск, 1925, с. 73-75.

Таблица 2

Наименование	1923 г.	1924 г.
	Сумма	Сумма
Лошади, крупный скот, мясные туши, битая птица	439 675	389 291
Кожсырье, щетина, шерсть	122 521	1 865 535
Пушнина	16 653	18 412
Масло, сало, рыба, мука и др.	186 321	249 098
Всего	765 170	843 336 руб.

ративной торговли в сельской местности. Особое внимание губисполкомов обращалось на "охват ярмарочных и базарных районов в сельских местностях, где было замечено особое соседствие частного капитала"²⁵⁾.

Работа сельских ярмарок была поставлена под контроль губисполкомов. Так, Алтайский губисполком в отчете за 1924 г. отмечал "неослабное внимание развитию сельского товарооборота"²⁶⁾. Работа заключалась в обследовании состояния городской, кооперативной и торговли, проверке калкуляции наценок на товары и в разработке мероприятий по увеличению ярмарочной торговли.

Однако в этот период наблюдались случаи охвата значительной доли ярмарочного товарооборота со стороны частного капитала. Такое положение сложилось на ряде ярмарок в Алтайском крае. Как показывает табл. 3, на Бийской ярмарке, проходившей с 7 по 20 декабря 1924 г., продажа товаров частными торговцами составила 73,5 тыс. руб. Кроме этого, обороты частной торговли в заготовке и закупке сельскохозяйственных продуктов составили 40 тыс. руб.²⁷⁾

В первые годы восстановительного периода сибирские государственные и кооперативные торговые организации приприни

25) Протокол заседания Сибревкома от 16 июля 1924 г.

26) ГААК, ф. 10, оп. 2, д. 28, л. 69.

27) ГААК, ф. 212, оп. 1, д. 283, лл. 22, 23.

Таблица 3

Виды торговли	Продажа товаров (в руб.)	%
Государственная	122 639	45,5
Кооперативная	73 250	27,2
Частная	73 500	27,3
Всего	269 389	100

ют участие в ярмарках, имеющих общесоюзное значение. Так, Омский губторг в сентябре 1922 г. принял участие в работе Нижегородской ярмарки²⁸⁾. Томский губсоюз в 1922 г. отправил на Нижегородскую ярмарку более 86 тыс. шкурок пушнины, около 20 тыс. кож, много кедрового ореха, шетины, воска²⁹⁾.

По решению Сибревкома в начале 1923 г. ряд сибирских торговых организаций (Сибцентросоюз, Хлебопродукт, Сибдаль-внешторг и др.) приняли участие в Ирбитской ярмарке. Ярмарка проходила с 8 февраля по 7 марта 1923 г. Из Сибири было привезено около 40 тыс. пудов груза. Это составило более 30% всех товаров, представленных на ярмарке. На Ирбитской ярмарке, было продано около 600 тыс. шкурок пушнины на сумму 10 млн. руб. (зн. 1923 г.). В целом обороты достигали 30 млн. руб., что составляло 50% общего оборота Ирбитской ярмарки (60 млн. руб.)³⁰⁾.

В 1923 г. на Нижегородской ярмарке уже участвовал целый ряд торговых государственных и кооперативных организаций. Только сибирское отделение центрсоюза отправило на ярмарку 170 вагонов розничного сельскохозяйственного сырья. В целом из Сибири на Нижегородскую ярмарку в 1923 г. было отправлено 171 тыс. пудов грузов на сумму 795 тыс. руб. Завоз сибирских товаров в 1924 г. на ярмарку сократился в три раза и составил 57 тыс. пудов. Однако закуп промышленных товаров для населения Сибири значительно увеличился с 1 933 тыс. руб. до 3 711 тыс. руб., то есть на 50%³¹⁾.

29) Народное хозяйство Томской губернии. Томск, 1923, с. 186.

30) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 603, л. 39. Отчет Сиботделения центрсоюза за июль-август 1923 г.

31) Внутренняя торговля и ее регулирование в 1923/24 году и первом квартале 1924/25 года, вып. 2. М., 1925, с. 107; ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 603, л. 39, 107.

Значительную долю закупных товаров составляли предметы домашнего обихода, ткани и сельскохозяйственный инвентарь.

Кроме Нижегородской, в 1924 г. сибирские торговые организации участвовали в Киевской, Бакинской и Тюменской ярмарках.

Тюменская ярмарка, бывшая до войны одной из крупнейших сырьевых ярмарок, была открыта в 1924 г. В первый год работы обороты ее составляли 578 тыс. руб. и состояли в преобладающей части из промышленных товаров. Кроме них на ярмарке продавалась рыба, шерсть, льняное семя, кустарные изделия. На Бакинскую ярмарку сибирские органы (вместе с торговыми организациями Урала) в 1924 г. завезли 54 тыс. пудов сельскохозяйственного сырья. Одновременно на ярмарке для населения Сибири было закуплено 12 тыс. пудов промышленных товаров³²⁾.

В 1925 г. на Нижегородской ярмарке от Сибири и Дальнего Востока участвовало 53 фирмы. Торговые организации привезли с собой 461 тонну животного и растительного сырья, реализация которого составила 153 тыс. руб. На ярмарке было закуплено и вывезено в Сибирь и Дальний Восток 1350 тонн промышленных товаров на сумму 3 925 тыс. руб.³³⁾

Работа сельских ярмарок неоднократно рассматривалась губернскими исполнительными комитетами Сибири. Так, Омский губисполком в апреле 1925 г. рассмотрел работу Введенской ярмарки и признал ее "безусловно необходимой для развития товарооборота губернии, как средства, с одной стороны, вополняющее недостаточность товаропроводящей сети губернии, с другой — как способ концентрации сырьевой продукции крестьянского хозяйства"³⁴⁾. Решением губисполкома был создан при биржевом комитете Омской товарной биржи, постоянно действующий ярмарочный комитет Введенской сырьевой ярмарки.

Тюменский губисполком работу ярмарок рассматривал в декабре 1924 г. и в июне 1925 г. В решениях было записано о необходимости расширения числа сельских ярмарок в губернии

32) ПАНО, ф. 1, сп. 1, д. 603, с. 99, 103, 105.

33) Венгеров В. Нижегородская ярмарка. — В кн.: Всесоюзные ярмарки и их значение во внутренней торговле и торговле с Востоком. М., 1926, с. 32—34.

34) ГАОО, ф. 27, оп. 1, д. 754, л. 426.

и усиления их плановой работы³⁵⁾. Состояние сельской ярмарочной торговли на Алтае было рассмотрено Барнаульским окрисполкомом в ноябре 1925 г. Исполком рекомендовал окружному отделу внутренней торговли "в срочном порядке пересмотреть списки всех сельских ярмарок округа, а также выработать план усиления регулирования и учета торговли на сельских ярмарках, соблюдения порядка и др."³⁶⁾

В этот период усиливается регулирующее воздействие на ярмарочную торговлю со стороны сибирского крайисполкома, основное внимание которого обращалось на обеспечение сельских ярмарок промышленными товарами³⁷⁾.

Отсутствие архивных документов и материалов не позволяет нам представить в полном объеме развитие ярмарочной торговли в годы восстановления народного хозяйства. Однако имеющиеся неполные сведения о ее развитии позволяют нам сделать вывод о том, что к концу восстановительного периода ярмарки в основном достигли довоенного уровня.

Наименьшее распространение сельские ярмарки получили в Томской и Иркутской губерниях, в которых в 1925 г. насчитывалось всего по 11 ярмарок, оборот которых был незначительным³⁸⁾. Так, при общем торговом обороте Иркутской губернии в 70 млн.руб. на долю ярмарочной торговли приходилось всего около 300 тыс.руб., что составляло 2,3%³⁹⁾.

В целом по Сибири к концу 1926 г. насчитывалось свыше 300 сельских ярмарок, которые восполняли до некоторой степени недостаточность розничной торговой сети государственной торговли и потребительской кооперации⁴⁰⁾.

Таким образом, восстановление и развитие ярмарочной торговли в годы восстановления народного хозяйства играло положительную роль в оживлении товарооборота между городом и деревней и укреплении их хозяйственных связей. Следует отметить, что ярмарочная форма торговли в нашей стране получила широкое распространение главным образом в первые годы нап. По мере развития государственной торговли и укреп-

35) Обязательное постановление Томского губисполкома от 6 июня 1925 г.

36) ГААК, ф. 100, оп. 1, д. 7 л. 2. Протокол Барнаульского окрисполкома от 17 ноября 1925 г.

37) Отчет сибирского крайисполкома второму Сибирскому краевому съезду Советов. Новосибирск, 1927, с. 71.

38) Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 6 июня 1925 г.

39) Черных А. В. Ярмарки Иркутской губернии. Иркутск, 1926, с. 9.

40) Отчет сибирского краевого исполнительного комитета Советов Совнаркому РСФСР. Новосибирск, 1927, с. 117.

ления потребительской кооперации, по мере усиления планового распределения продовольственных и промышленных товаров по районам снижалось значение сельской ярмарочной торговли в Сибири.

Н. К. Харчевникова

СИБИРСКАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ
(1920-1929 гг.)

Построение основ социалистической экономики в нашей стране было связано с большими трудностями, обусловленными наличием социалистического, капиталистического и мелкотоварного укладов. Капиталистическое производство пополнилось за счет роста мелкого товарного хозяйства, представленного крестьянскими, ремесленными и кустарными хозяйствами.

Одной из основных экономических задач Советской власти являлось вовлечение многомиллионного крестьянства, ремесленников и кустарей в социалистическое строительство. Сложность перестройки мелкого производства заключалась в самой природе этих производителей, являвшихся собственниками средств производства и поэтому тяготеющих к капиталистическим элементам, дающим почву для их возрождения. С другой стороны, как труженики, живущие за счет своего труда, продажи оптовых изделий, кустари и ремесленники примыкают к пролетариату.

В условиях капиталистического производства при жесточайшей конкуренции в среде мелких производителей шло расслоение, поляризация групп. В переходный от капитализма к социализму период, при диктатуре пролетариата, в руках которого находились экономические высоты, в мелкотоварном производстве протекали обратные процессы, выражающиеся в росте средних слоев и сокращении крайних групп, в постепенной ликвидации класса буржуазии и кулаков. Этому способствовала социалистическая кооперация, создающая условия для нивелировки крестьянских и кустарных хозяйств.

Приобщение мелких производителей к социализму происходило постепенно, от простейших форм объединения к более сложным.

План вовлечения мелких товаропроизводителей в социалистическое строительство через кооперацию был разработан Владимиром Ильичом Лениным. Основная задача этого плана заключалась в том, чтобы убедить крестьянина и кустаря на

практике в преимуществах коллективного труда, помочь в организации общественного хозяйства. Только таким путем можно было обеспечить переход отсталых форм мелкотоварного производства к более развитому производству, основанному на передовой технике. Через кооперацию Советское государство стремилось тысячами нитей связать мелкое хозяйство с государственным и таким образом превратить его в социалистическое.

Население страны было объединено в различные виды кооперации: потребительскую, сельскохозяйственную, промышленную и др.

Кустарей и ремесленников, значительную часть крестьянского населения, занимающегося промыслами, обслуживала в основном промысловая кооперация. По определению В.И. Ленина это — "объединение мелких земледельцев или кустарей с целью производства и сбыта разных продуктов, как земледельческих..., так и не земледельческих..."¹⁾

В данной работе делается попытка показать возникновение и развитие промысловых кооперативов в Сибири в восстановительный и реконструктивный периоды, когда в основном была осуществлена задача объединения кустарей в кооперацию, выявить организационную структуру, социальный состав и производственную деятельность промысловой кооперации.

Изучение промысловой кооперации начинается в 20-30-е годы. В эти годы появляются написанные партийными работниками и хозяйственниками работы, носящие чисто практический характер, главным образом, в них даются советы по организации артелей, созданию мастерских, сбыту изделий и т.п.

Уделено внимание вопросам промысловой кооперации в одной из первых работ В.Фейгина²⁾.

В работе О.Купермана "Социально-экономические формы промышленности СССР" подчеркнута роль кустарно-промысловой кооперации в вытеснении частного капитала из кустарной промышленности, ее рост, охват кооперацией различных промыслов³⁾.

Вовлечению деревенских кустарей в колхозы посвящена

1) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 43, с. 250.

2) Фейгин В. Кустарно-ремесленная промышленность СССР. М.-Л., 1927.

3) Куперман О. Социально-экономические формы промышленности СССР. М.-Л., 1929.

небольшая по размеру брошюра И. Павлова и К. Соколова "Коллективизация кустарных промыслов"⁴⁾, где дается картина первых достижений промысловой кооперации.

Значение работ названных авторов несомненно, однако узкая источниковая база не позволяла дать более глубокие обобщения.

В 50-60-е годы появляется ряд коллективных работ, освещающих некоторые вопросы промысловой кооперации: ее рост, формы объединения, ее связи с государственной промышленностью⁵⁾. В 1957 г. вышла небольшая работа П. И. Яковлева "Промкооперация за 40 лет"⁶⁾, дающая краткую историю развития промкооперации СССР. Автором проводится сравнение экономической природы промкооперации в дореволюционной России и при диктатуре пролетариата, показывается место и значение ее в социалистическом строительстве.

Необходимо особо выделить как одну из значительных работ по теоретическому обоснованию перестройки мелкотоварного производства в социалистическое монографию А. И. Бузлаевой "Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР"⁷⁾. Эта работа посвящена исследованию процессов становления социалистического уклада в нашей стране и в других странах.

Анализу опыта социалистического преобразования мелкой промышленности в годы нэпа и первой пятилетки посвящена докторская диссертация А. Ф. Чумака⁸⁾. В последние годы появился ряд работ, посвященных вопросам развития промкооперации в отдельных районах и областях страны, а также в национальных районах (М. И. Безруковой, Маркеловой и др.).

Сибирская промысловая кооперация почти совсем не изучена. В ряде работ сибирских историков Н. Л. Могилы, А. И. Касьяна уделяется внимание некоторым вопросам промысловой кооперации, но исследование носит отрывочный характер. К истории

4) Павлов И., Соколов К. Коллективизация кустарных промыслов. М., 1930.

5) Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. М., 1960; Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926-1932 гг. М., 1960.

6) Яковлев П. И. Промкооперация за 40 лет. М., 1957.

7) Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969.

8) Чумаков А. Ф. Исторический опыт КПСС по социалистическому преобразованию мелкой промышленности (1921-1932 гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1972.

сибирской промысловой кооперации обратилась В.И.Литвина⁹⁾. Работы ее написаны на материалах Иркутской губернии, но те процессы, которые отмечены автором, были характерны для всей Сибири. В работе показана роль промысловой кооперации в вытеснении частного капитала из мелкой промышленности и в вовлечении сибирских кустарей в социалистическое строительство. Это, пожалуй, единственная работа, посвященная промкооперации Сибири.

Источники по истории промысловой кооперации в Сибири немногочисленны и зачастую страдают погрешностями и неточностями не дают полного представления о численности артелей, социальном составе и т.д.

Статистические данные по Сибири носят отрывочный характер, поэтому приходится довольствоваться в основном архивными документами. В работе использованы материалы государственных архивов Новосибирской, Омской и Томской областей и Алтайского края. Это фонды Сибревкома, Западно-Сибирского краевого Совета народного хозяйства, исполнительного комитета Западно-Сибирского краевого Совета, отделов местного хозяйства при исполкомах и специальные фонды промысловой кооперации: Омгубкустпрома, Омокрпромсоюза, Алтгубсельпромсоюза. В этих фондах сосредоточены отчеты, доклады, сводки, протоколы совещаний, циркуляры, уставы артелей, списки кустарей. Этот материал и явился основой для написания данной работы.

Источниками по изучению промысловой кооперации по стране послужили общесоюзные сборники материалов. Так, в 1927 г. вышел сборник материалов "Кустарно-промысловая кооперация накануне XV съезда ВКП(б)" (М., 1927). В нем показана история развития промысловой кооперации страны, ее значение в вытеснении частного капитала из мелкой промышленности, сделана попытка показать социальный состав членов кооперативов, формы объединений. Конкретные данные, приводимые в сборниках "Кустарная промышленность и промысловая кооперация", изданных в 1928 и 1929 гг., раскрывают соотношение мелкой и крупной промышленности, показывают рост промысловой кооперации, ее финансовую и организационную деятельность,

9) Литвина В.И. Промысловая кооперация, ее развитие и роль в вытеснении частного капитала из мелкой промышленности. - "Сибирский исторический сборник", вып. 1. Иркутск, 1973; ее же. К вопросу о частном капитале в мелкой промышленности Восточной Сибири накануне реконструктивного периода. - Там же.

роль в повышении культурного уровня кустарей, уделяется внимание вопросу подготовки кадров для промысловой кооперации.

Значению мелкой промышленности в неразвитых в промышленном отношении районах страны и вовлечению кустарей в социалистическое строительство через посредство промысловой кооперации посвящен сборник "Кустарная промышленность и промысловая кооперация в национальных районах и областях СССР" (М., 1928).

В сборнике "Промысловая кооперация к XV съезду ВКП(б)"¹⁰⁾ подводится итог развитию промысловой кооперации к съезду партии. Большое внимание уделяется производственной деятельности кустарно-промысловой кооперации, ее снабжению и сбыту готовой продукции, поднимается вопрос о той огромной роли, которую должна была сыграть промысловая кооперация в деле вовлечения деревенских кустарей в колхозы.

Одной из основных задач Советской власти в период социалистического строительства становится вовлечение непролетарских слоев трудящихся в строительство нового общества. Школой обучения мелких производителей общественному труду должна была стать промысловая кооперация, объединявшая кустарей и ремесленников. Основная цель промысловой кооперации заключалась в объединении мелкой кустарной промышленности в целях вовлечения ее в общую систему социалистического строительства. А это была уже ступень на пути к коллективизации кустарей и ремесленников. Особенно большую роль должна была сыграть кустарно-промысловая кооперация в сельской местности, где около 89% населения в целом по стране занималось промыслами в свободное от полевых работ время. Большое число кустарей и ремесленников не смогли полностью оторваться от сельского хозяйства и сочетали в своем хозяйстве труд крестьянина и кустаря.

Партия и правительство придавали огромное значение развитию кустарно-ремесленного производства в условиях разрухи крупной промышленности. Она должна была восполнить своими изделиями недостающую продукцию на рынке и подготовить почву для роста и развития крупной промышленности.

В целях наиболее полного охвата кустарной промышленности, организации ее на кооперативных началах и планового содейст-

10) Промысловая кооперация к XV съезду ВКП(б). Сб. материалов. М., 1930.

вия ее развитию, в 1920 г. было организовано Главное управление по делам кустарной промышленности и промысловой кооперации. Это было время возникновения первых кооперативов на социалистических началах. В 1919 г. по Союзу насчитывалось всего 780 промысловых артелей. Такое незначительное число промысловых артелей по стране - яркое свидетельство крайне тяжелого положения промыслового населения, не способного после войны и разрухи восстановить промысловую деятельность, начать производство кустарных изделий, в которых так нуждалось население. Но уже к 1921 г. число кооперативов возросло до 7019¹¹⁾. Такой бурный рост артелей за 2-3 года был вызван потребностями жизни. Тяжелая промышленность не могла обеспечить население предметами первой необходимости, которые и стала производить мелкая и кустарная промышленность.

В связи с переходом к новой экономической политике начался бурный рост как первичной сети, так и союзного звена промысловой кооперации, завершившийся в апреле 1922 г. организацией Всероссийского союза промысловой кооперации (Всекопромсоюза), явившегося республиканским центром промысловой кооперации РСФСР. С образованием других республиканских центров в Узбекистане, Белоруссии, Армении и др., вошедших во Всекопромсоюз, он исполнял на протяжении ряда лет параллельно со своей основной работой и функции Всесоюзного объединения промысловой кооперации и лишь только в ноябре 1927 г. на совещании представителей республиканских центров промысловой кооперации в г. Москве было принято решение о создании "Всесоюзного постоянного совещания промысловой кооперации", которое затем было переименовано во Всесоюзный совет республиканских центров промысловой кооперации (Всекопромсовет), положение о котором было утверждено СНК СССР 26 сентября 1928 г.¹²⁾

Основная задача Всекопромсоюза заключалась в объединении союзов, целенаправленном снабжении их дефицитными товарами, кредитовании, помощи в оказании сбыта кустарных изделий, повышении производительности труда кустарей путем внедрения механизации, улучшений их быта.

Образование центрального органа кустарной промышленности

11) Фейгин В. Указ. соч., с. 84.

12) Промысловая кооперация к XV съезду ВКП(б), с. 25-26.

облегчило возникновение и существование промышленных союзов на местах. Росту союзов способствовало усиленное внимание партии и правительства к вопросам кустарной промышленности и промысловой кооперации. Майские декреты СНК СССР 1921 г. предписывали всячески поощрять рост промысловой кооперации и представлять льготы в авансировании, в получении государственных заказов и т.д. Положительная политика Советской власти вызвала новый прилив в промысловую кооперацию. В 1922 г. по Союзу насчитывалось уже до 12530 артелей¹³⁾.

В Сибири образование краевых и окружных союзов кустарной промышленности и промысловой кооперации можно разбить на несколько этапов.

В 1919-1920 гг. управление кустарной промышленностью находилось в руках Кустпромсекции, образованной при Западно-Сибирском краевом Совете народного хозяйства, которая осуществляла руководство губкустпромами на местах.

Возрождение старых кустарных промыслов, пришедших в упадок в период гражданской войны и интервенции в Сибири, появление новых видов, вызванных потребностью населения, привели к росту артельного начала.

Первые промкооперативы были экономически слабы: небольшие паи кустарей, производство зачастую убыточное, большие трудности с получением кредита — все это затрудняло существование артелей. Центральные органы промысловой кооперации не в состоянии были оказать финансовой помощи кустарям. Не имея под собой экономической основы, такие артели быстро распадались. Стремясь облегчить участь мелких производителей, губкустпромы ходатайствовали перед советскими органами о снятии трудгужловинностей, увеличении размеров пайков для тех кустарей, которые выполняли заказы Красной Армии, местной промышленности, работали на экспорт.

В 1921 г. в связи с разрешением организации частных предприятий, промысловой деятельности, свободной торговли появилось множество мелких кустарных заведений, хозяйчиков, кустарей и ремесленников, пытавших счастья в предпринимательстве. Объединения таких кустарей были нежизнеспособны и быстро ликвидировались. Первые губернские союзы, такие как Иркутский, Омский и др., базирующиеся на неустойчивых

13) Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг., с. 202.

кооперативах, не были долговечны. Сибкустпром, куда входили союзы, не имел собственных средств и был бессилён чем-либо помочь распадавшимся губернским союзам.

Отсутствие какой-либо работы Сибкустпрома среди кустарного населения привело к тому, что Всекопромсовз стал искать новые формы среди сибирских кустарей. С этой целью в 1924 г. была образована Сибирская краевая контора, подчинявшаяся непосредственно Всекопромсовзу, с филиалами в Томске, Барнауле, Минусинске и Семипалатинске. Работа конторы сводилась к сбыту продукции городских кустарей и подготовке необходимых условий для кооперативного строительства. Сельские кустари почти полностью остались вне поля зрения конторы.

Но несмотря на довольно узкую сферу деятельности конторы, ее не производственный, а скорее торговый характер работы (контора создавала магазины, лавки, через которые проводилась продажа кустарных изделий) процесс кооперирования кустарей в Сибири продолжался.

По данным Всекопромсовза на 1 октября 1924 г. в Сибири числилось кооперированных кустарей¹⁴⁾: (табл. 1)

Таблица 1

Губернии	В городе	В сельской местности	Всего
Омская	502	349	851
Алтайская	456	95	551
Новониколаевская	644	222	856
Томская	199	87	286
Енисейская	208	54	262
Иркутская	444	219	663
Всего	2453	1026	3479

Процесс кооперирования шел интенсивнее в городе, чем в деревне. Наибольшее число кооперированных кустарей приходилось на Новониколаевскую, Омскую и Иркутскую губернии.

После прекращения деятельности конторы (она была ликвидирована 1 ноября 1925 г.) объединяющим органом стало Сибирское бюро кустарно-промышленной кооперации, созданное в конце декабря 1925 г. на 1 Сибирском совещании работников куст-промкооперации.

14) ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1747, с. 5.

Основные задачи его заключались в том, чтобы защищать интересы кустарей-одиночек от эксплуатации частных лиц, оказывать помощь в обслуживании нужд кустарей и, в частности, способствовать усилению банковского кредитования, получению сырья и полуфабрикатов в кредит, а также в сбыте их продукции, вести борьбу с "лжекооперативами", помогать в объединении кустарей, улучшать производственные условия кустарного производства, поднимать квалификацию и производительность труда, улучшать экономическое положение членов кооперативов. Сибирский краевой орган должен был облегчить взаимоотношения между отдельными звеньями промкооперации и другими видами кооперации.

Начиная с 1925 г. идет бурный рост окружных союзов, твердо ставших на свои ноги. Развитие промысловой кооперации было связано с новыми декретами и постановлениями партии и правительства, укреплявшими кустарную промышленность, предоставлявшими ей льготы и резервы для развития.

В течение 1925 г. организовался ряд окружных союзов: в марте 1925 г. - Новосибирский и Томский, в июне - Красноярский, в августе - Барнаульский союз. В 1926 г. возник еще ряд союзов: в августе - Иркутский, в ноябре - Канский и в декабре - Кузнецкий.

Рост числа кооперированных кустарей в окружных союзах показывает таблица 2, составленная по данным кооперативной статистики¹⁵⁾:

Таблица 2

Окружные союзы	Число членов на 1/X-25 г.		Кол-во членов на 1/26					
			Всего		Из них кооперировано			
	арт.	лиц	арт.	лиц	в гор.		в селе	
					арт.	лиц	арт.	лиц
Новосибирский	29	618	57	957	33	612	24	345
Томский	18	219	21	256	16	211	5	45
Барнаульский	17	729	23	1205	17	816	6	389
Красноярский	15	309	29	483	20	395	9	88
Канский	-	-	12	198	4	121	8	77
Иркутский	-	-	39	793	31	752	8	41
Кузнецкий	-	-	17	500	-	-	17	500
	79	1875	198	4392	121	2907	77	3485

15) ГАНО, ф. Р-22, оп. 2, д. 416, л. 63; ф. Р-22, оп. 2, д. 415, л. 33.

За два года произошли значительные изменения по количеству промысловых артелей, их численности, но кооперирование в сельской местности было ниже, чем в городе. Работа с сельским кустарем была значительно труднее и во сто крат сложнее, чем работа с городскими мелкими товаропроизводителями.

Низкий процент охвата промысловой кооперацией сельских кустарей был обусловлен особенностями и спецификой крестьянских промыслов. Зачастую крестьяне, занимавшиеся тем или иным промыслом, являлись единственными представителями кустарного производства на сотни верст кругом, в связи с чем не было возможности их объединения. Почти полное отсутствие кустарных гнезд в Сибири затрудняло их вовлечение в промышленную кооперацию.

Промысловые крестьянские хозяйства входили не только в промышленную кооперацию, но и в другие кооперации, объединенные различными краевыми союзами. Так, в системе Сибсельскосоюза на 1 октября 1925 г. было первичных кооперативов и членов в них¹⁶⁾:

Кредитных тов-в	627	264188 человек
С/х тов-в	122	14342 человека
Коммун	177	4900 человек
Кустарно-пром. артелей	6	71 человек
Труд.зем. артелей	61	972 человека
Маслоартелей	13	2006 человек
Производственных артелей	2	33 человека
С/х промысловых артелей	6	587 человек

Довольно широко была распространена, особенно в первые годы Советской власти, смешанная или интегральная кооперация, о чем дает представление таблица 3 с данными на 1 мая 1924 г. по Барнаульскому округу¹⁷⁾:

Таблица 3

Виды кооперации	Кооперативов	Членов
Потребительско-промысловая	340	50563
Промыслово-сельскохозяйственная	10	1272
Потребительско-промыслово-сельскохоз.	14	1353
Кредитно-промысловая	4	771
Кредитно-потребительско-промысловая	37	8040
Кредитно-потребительско-пром.-с/х	11	1734

16) ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1502, л. 104.

17) ГААК, ф. Р-212, оп. 1, д. 1021, л. 233.

Наличие смешанных артелей говорило о слабой работе промысловой кооперации, о неполном охвате всех кустарей. Входение промысловых хозяйств в другие виды кооперации затрудняло их учет, особенно в сельской местности.

Несмотря на трудности работы промысловой кооперацией в Сибири были охвачены почти все виды промыслов. Так, на 1 октября 1926 г. по промысловым союзам Сибири было кооперировано кустарей¹⁸⁾: (табл. 4).

Таблица 4

Производства	Новосиб.	Барнаульск.	Томск.	Канск.	Иркут.	Красн.	Итого
Овч.шубное	21	25	-	-	5	-	51
Пимокатное	184	181	27	5	36	-	433
Шапоч.-фур.	43	39	-	-	41	-	123
Сапожное	144	-	23	-	108	-	275
Портновское	50	26	-	-	101	13	140
Смолокуренное	7	64	-	-	5	-	76
Веребочное	-	227	12	-	24	40	303
Кирпичное	25	-	-	-	1	-	26
Деревообаб.	31	-	39	-	26	10	106
Хлебопечение	23	54	5	-	47	-	129
Кожевенное	14	7	6	54	37	14	132
Кондитерское	59	-	12	-	35	24	130
Кузнец.-слесар.	19	6	33	-	16	16	120
Строительное	93	-	-	-	30	44	167
Электромаш.	16	-	-	-	-	-	16
Жестяное	28	-	5	-	-	6	39
Шорное	20	-	2	7	5	-	34
Картонажное	21	-	-	-	2	-	23
Каменолом.	41	-	-	-	-	8	49
Ювелирное	6	-	-	-	17	-	23
Парикмахер.	19	-	-	-	27	-	46
С/х машин	22	-	-	10	-	-	32
Ломовой извоз	45	211	-	-	-	44	300
Художествен.	5	5	-	-	1	-	11
Кошмовальное	6	25	-	-	-	-	31
Мукомольное	5	6	-	-	10	-	21
Мыловаренное	10	-	10	-	14	-	34

18) ГАНО, ф. Р-22, оп. 2, д. 545, л. 90.

1	2	3	4	5	6	7	8
Известковое	-	83				40	123
Фотография	-	12	-	-	14	-	26
Рыболовное	-	229					229
Зеркальное		5					5
Макаронное					17	-	17
Махорочное	-	-	6	-	28	-	34
Пивоварен.					10	-	10
Колбасное					24	5	29
Скормяжное					3		3
Гребенщики					3		3
Текстильная					25	-	25
Чулочная					51		51
Пр.шк. овчин			10				10
Лод.перевоз.			34				34
Крахм.-пат.			8				8
Стеклодув.			15				15
Чуг.-литейн.				49			49
Лесопроизв.				42			42
Доб.кам.угля				9			9
Другие			9	22		229	260
Всего	957	1205	256	220	793	483	3892

Наибольший процент кооперированных приходился на пимокатов, веревочников, сапожников, рыболовов. Хорошо была поставлена работа в Барнаульском промсоюзе, где была кооперирована значительная часть кустарей округа.

1927-1928 гг. характеризовались новым ростом низовой сети промышленной кооперации и появлением ряда окружных союзов: в октябре 1927 г. возникло сразу несколько союзов в Бийском, Каменском и Ачинском округах, в декабре - в Омском округе. В апреле 1928 г. был создан Минусинско-Хакасский промышленный союз.

Рождению новых окружных союзов способствовала организация 1 октября 1928 г. Сибирского краевого союза промышленной кооперации (Сибпромсоюза), полноправного члена Всекопромсоюза. В Сибирский центр промышленной кооперации вошли 16 кустарно-промышленных окружных союзов (в том числе 1 промышленно-кредитное товарищество).

На 1928 г. по окружным союзам насчитывалось¹⁹⁾:

Таблица 5

Союзы	Артелей	Членов
Рубцовский	23	657
Канский	32	458
Бийский	40	1532
Томский	76	1624
Омский	187	4385
Барнаульский	49	2757
Тарский	64	(сведений нет)
Новосибирский	148	2769
Ачинский	42	1466
Красноярский	27	1361
Иркутский	72	2848
Кузнецкий	65	1500
Каменский	22	585
Минусинско-Хакасский	11	248
Всего	858	22190

Наибольший процент кооперирования кустарей приходился на Омский, Иркутский, Новосибирский, Барнаульский округа. Кооперирование шло каквширь, так и вглубь. Возникали все новые артели и все большее число промысловых хозяйств вступали в кооперацию. Уже на 1 октября 1929 г. в Сибири насчитывалось 970 артелей с 35970 членами, из них городских 432 артели с 19788 членами и сельских - 538 артелей с 16187 членами²⁰⁾.

Охват кустарей в сельской местности был ниже, чем в городе, о чем свидетельствуют следующие данные²¹⁾:

Таблица 6

	на 1/X-27г.	на 1/X-28г.	на 1/X-29г.
Кооперировано кустарей	4,5	12,6	17,3
Из общего числа кооперир. кустарей кооперировано:			
в городе	62,8	57,1	54,0
в сельской местности	37,2	42,89	46,0

19) ГАНО, ф. Р-47, оп. 1, д. 380, л. 444; там же, ф. Р-22, оп. 2, д. 661, л. 61; там же, д. 735, л. 10; там же, д. 643, л. 221; там же, д. 737, л. 22; там же, д. 658, л. 20; там же, д. 737, л. 34; ГАОО, ф. Р-590, оп. 1, д. 612, л. 245; ГААН, ф. Р-102, оп. 1, д. 403, л. 26. По Киренскому и Тулуновскому округам сведений нет.

20) ГАНО, ф. Р-22, оп. 2, д. 736, л. 80.

21) Там же, ф. Р-47, оп. 1, д. 380, л. 30.

На территории Сибири существовали "дикие" артели, не вступившие в союзы, лжекооперативы, как правило, организованные частными предпринимателями, бывшими хозяевами, под вывеской кооперативов, занимающихся предпринимательской деятельностью. Лжекооперативы находились преимущественно в городе, где легче было найти наемных рабочих, существовали лучшие условия для получения сырья, пользования машинами и оборудованием, предоставляемыми промсоюзами.

В конце 1928 г. Сибпромсоюзом было проведено обследование "диких" артелей. Из 323 обследованных кооперативов "диких" насчитывалось 194, из них самоликвидировались, слились, не приступили к деятельности—148 артелей или 76%. Представлены к ликвидации как лжекооперативы— 18 артелей и одно промыслово-кредитное товарищество, то есть 10% и только 14% диких промкооперативов оказались подлежащими к принятию в союзы²²⁾.

Существование "диких" артелей было характерно для всех округов. Так, в Иркутском округе на 1 июля 1927 г. из всех существующих артелей 41,3% были "дикими". В Бийском округе на 1 июля 1928 г. из 77 промкооперативов входило в союз всего 40, то есть 49% было "диких" артелей. В Кузнецком округе на 1/1-1929 г. из 148 артелей в промсоюз входило 118, на "диких" падало 13,4%²³⁾.

Довольно большое число "диких артелей" в округах объяснялось рядом причин: недостаточностью работы промсоюзов с вновь возникающими объединениями кустарей, удаленностью от окружного центра и в связи с этим замедленностью вступления в члены промсоюза. Многие артели вследствие экономической слабости, не успев возникнуть, тут же распадались.

Но главная причина существования "диких" артелей заключалась в слабой работе окружных промсоюзов, не способных предоставить вновь возникающим артелям льгот и возможностей для развития, гарантированных декретами и постановлениями Советской власти. В Сибири лжекооперативы составляли незначительное число и не играли большой роли в мелкой промышленности края.

Сибирские кустари объединялись в различные формы кооперации: закупочно-сырьевые, снабженческо-бытовые артели,

22) ГАНО, ф. Р-22, оп. 2, д. 646, л. 3.

23) ГАНО, ф. Р-835, оп. 1, д. 201, л. 173; ГАНО, ф. Р-22, оп. 2, д. 658, л. 20; оп. 1, д. 735, лл. 56, 57.

кредитные товарищества, смешанные промышленно-сельскохозяйственные и т.д. В первые годы существования промышленной кооперации были особенно распространены непроизводственные кооперативы, объединение в которые не меняло природы кустарей, не затрагивало производство. Они оставались собственниками средств мелкого производства. Поэтому партия ставила задачу кооперирования кустарей на основе производственной деятельности, создания трудовых и производственных артелей.

Преобладающей формой организационного строительства первичных кооперативов Сибири являлась производственная артель²⁴⁾:

Таблица 7

Наименование звеньев	На 1/X-1928 г.	На 1/X-1929 г.
Промсовхоз	13	15
Промкооперативов	663	856
из них:		
в городе	351	409
в селе	312	447
в том числе:		
промкооп.артели	633	799
трудовые артели	17	29
кред.-пром. тов-ва	8	20
снабжен-сбытовые	5	8

Производственная артель, как правило, работала в общих мастерских и только незначительная часть — на дому. Артели с коллективными мастерскими были как с обобществлением всех средств производства, с полным разделением труда, так и с частичным обобществлением или вовсе без него. Сведение всех средств производства в одну мастерскую облегчало механизацию промысла и ставило его на фабричную основу.

Работа в общих мастерских способствовала приобретению коллективных навыков, приобщала кустарей к пониманию преимуществ совместной работы. Кооперативы с общими мастерскими были ступенью на пути к промколхозам.

Производственные артели в основном объединяли промыслы, требующие наличия специальных помещений, оборудования и рабочих (деревообделочные, кожевенные, кузнечно-слесарные, пимокатные и др.).

24) ГАНУ, ф. Р-47, оп. 1, д. 380, л. 42.

Промысловые кооперативы по своему социальному составу не были однородными. В среде кустарей шел дальнейший процесс расслоения. Существование различных социальных групп в промкооперации требовало дифференцированного подхода к ним.

Основными признаками, определяющими классовый состав сибирских кустарей, являлись их земельная обеспеченность и наличие крупного рогатого скота. В 1927-1928 гг. по РСФСР состав кустарно-промысловых кооперативов в сельской местности распределялся (в процентах) следующим образом²⁵⁾:

без посева и с посевом до 2 дес.	- 67,0
с посевом от 2 до 4 дес.	- 30,0
с посевом 4 и более дес.	- 3,0
безлошадные и с 1 лошастью	- 47,3
имеющие 2 лошади	- 46,0
имеющие 3 и более лошадей	- 6,7
бескоровные и с 1 коровой	- 80,5
имеющие 2 коровы	- 11,5
имеющие 3 коровы и более	- 8,0

Судя по приведенным данным, промысловая кооперация по РСФСР являлась преимущественно бедняцко-средняцкой.

В сибирской промкооперации также преобладал бедняцкий состав. По данным демографической переписи 1926 г. и выборочных обследований 1927 г. кустари, имеющие посевы до 4 дес., составляли 49,5%, от 4 до 12 дес. - 37,7% и свыше 12 дес. - 12,8%²⁶⁾. В 1926 г. по 10 союзам Сибири насчитывалось: бескоровных и с 1 коровой - 34,2%, с 2-3 коровами - 49,2%, с 4 и более - 15,57%²⁷⁾.

О преимущественно батрацко-бедняцком составе артелей говорят также поимущественные списки членов промкооперативов. Вот, например, список артели "Бедняк" по производству и выделке кожи в деревне Ачаирки Еланского района Калачинского уезда Омской губернии²⁸⁾:

Чунихин - семья 5 человек, 1 лошадь; Усов - 2 человека, 1 лошадь; Егоров - 4 человека, 1 корова; Конин - 5 человек, 1 корова и 1 лошадь; Маленко - 6 человек, 1 корова и 1 лошадь; Суханов - неимущий.

25) Бузлаева Л.И. Указ. соч., с. 97.

26) ГАНО, ф. Р-22, оп. 2, д. 442, л. 6.

27) ГАНО, ф. Р-291, оп. 1, д. 221, л. 20.

28) ГАОО, ф. Р-712, оп. 1, д. 205, л. 2, 5.

Если мы рассмотрим по социальным категориям промышленные крестьянские хозяйства, то получим такую картину: из 2564 сельских кустарей в 1928 г. 75% приходилось на батраков и бедняков, 19,7% - середняков и 5,3% - зажиточных. К 1929 г. эти цифры изменились соответственно: 66,8%, 30% и 3,2%²⁹⁾.

Так же, как и для всей массы крестьянства, для промышленных хозяйств характерна нивелировка, сокращение полярных групп и увеличение середняцкой массы. Это говорит не только о том, что промышленная кооперация объединяла в основном низшие группы, но и о поднятии экономического уровня хозяйства, об улучшении жизни кустаря.

Партия уделяла огромное внимание кооперированию промышленной бедноты. С этой целью постановлением СНК РСФСР от 7 сентября 1928 г. был установлен фонд кооперирования деревенской бедноты, состоявший из отчислений всей низовой сети кооперативов в размере 15% от чистых прибылей. Для городских артелей и союзов отчисления производились в размере 10%. Кроме создания специальных фондов бедноте были предоставлены льготы в погашении пая, рассрочки до 2-3 лет.

В 1926/27 г. республиканские банки, ЦСХ банк предоставили промкооперации для кредитования бедноты долгосрочные ссуды в 1 млн. руб. Для РСФСР ВСПК выделил 642 тыс.руб. Из собственных прибылей Всекопромсоюз отчислил в фонд бедноты 38 тыс.руб. и 150-120 тыс.руб. было отчислено на местах союзам и низовой.

Таким образом, система ВСПК в 1926/27 г. имела в своем распоряжении фонд в 800-850 тыс.руб. на кооперирование и обслуживание бедноты³⁰⁾.

Строительство кустарно-промышленной кооперации вытесняло скупщика-кулака из мелкой и кустарной промышленности, что обостряло борьбу внутри промкооперации и вокруг нее. Поэтому необходимо было укреплять ее кадры. С целью усиления партийного руководства промышленной кооперации необходимо было особое внимание обратить на увеличение партийной прослойки ее руководящих органов и особенно, в подборе работников - коммунистов в аппарат союзов и низовой сети промышленной кооперации.

²⁹⁾ ГАНО, ф. Р-27, оп. 1, д. 380, л. 447.

³⁰⁾ Кустарно-промышленная кооперация к XV съезду ВКП(б), с. 26.

По системе Всекопромсоюза в составе союзов к 1928 г. членов ВКП(б) насчитывалось - 43%, членов ВЛКСМ - 3%, беспартийных - 54%. По образовательному цензу: с высшим образованием - 10,7%, со средним - 45,7%, низшим - 43,6%³¹⁾.

В Сибири партийная прослойка в промышленной кооперации была незначительна. На 1 октября 1928 г. организационный аппарат промсоюзов характеризовался следующими данными³²⁾:

Членов ВКП(б)	- 25%
Беспартийных	- 75%
С низшим образова нием	- 37,7%
С незаконченным средним и средним образованием	- 49,3%
С незаконченным высшим и высшим образованием	- 13%
Работавших в промкооперации: до 1 года	- 65,2%
до 2 лет	- 16,0%
более 2 лет	- 18,8%

Слабая партийная прослойка нередко приводила к тому, что в артели проникали чуждые элементы, бывшие предприниматели, лишенцы, которые забирали в свои руки руководство и превращали кооперативы в ширму для своей деятельности, подчиняя ее своим интересам.

Безграмотность, отсутствие опыта работы кооперативов особенно тяжело сказалось на сельской промкооперации: не успев возникнуть, артели самоликвидировались.

Необходимо было обратить самое серьезное внимание на подготовку кадров для промышленной кооперации. Этот вопрос неоднократно поднимался на съездах и заседаниях представителей промкооперации.

Сибирская промышленная кооперация, играющая значительную роль в производстве края, была в то же время экономически слабой. Финансовая обеспеченность кооперативов оставляла желать лучшего. В первые годы отсутствие средств было связано с организацией промцентров. Отсутствие общесибирского объединяющего органа сказывалось на организации и финансировании артелей. Из местных фондов денежные поступления были очень незначительны.

Со временем промышленные союзы окрепли. Сводный баланс

31) Кустарная промышленность и промышленная кооперация, с. 75.

32) ГАНУ, ф. Р-47, оп. 1, д. 380, лл. 415, 416.

их на 1 октября 1926 г. равнялся 453099 руб., на 1 октября 1927 г. - 2242607 руб. и уже на 1 июля 1928 г. доходил до 4645222 руб.³³⁾ Рост баланса увеличивался за счет повышения вкладов и займов членов артелей, привлечения средств от разных лиц и учреждений.

Большую роль в укреплении финансового состояния промкооперации сыграли долгосрочные ссуды, предоставляемые государством, местными органами власти. По перспективному плану развития сибирской промышленной кооперации для максимального хозяйственного развития требовалось привлечение средств в виде безвозвратных дотаций в размере: на 1925/26 г. - 520000 руб., на 1926/27 г. - 175000 руб., на 1927/28 г. - 340000 руб., на 1928/29 г. - 460000 руб., на 1929/30 г. - 700000 руб., всего 2196000 руб.³⁴⁾

Отсутствие собственных средств заставляло кустарей обращаться за кредитом не только к государству и советским организациям, но и к частнику. Так, по материалам обследования получили кредит от сельхозтовариществ - 44,8% всех обследованных хозяйств, от общества сельскохозяйственного кредита - 19,3%, от госорганов - 11,8%, от частных лиц - 21,1%³⁵⁾. Довольно значительный процент заемных средств падает на частника, который брал большие проценты и закабалял кустарей.

Тяжелое положение промкооперации складывалось в области снабжения сырьем и материалом. Госорганы не могли полностью обеспечить промкооперацию всем необходимым, поэтому кустари обращаются к частнику, который выступал в роли изготовителя более дешевого сырья и в роли покупателя. Артелям приходилось получать материалы не только за наличный расчет, но и в кредит. По данным обследования (1927 г.) покупку за наличный расчет производили 85,2%, в кредит - 3,7%, в обмен - 11,1% кустарей. Задатки под готовые товары получали от госорганов 15%, от кооперации - 22,4%, от частных лиц - 62,2% кустарей, то есть частник получал львиную долю всей продукции кустарей³⁶⁾.

Задача промкооперации заключалась как раз в том, чтобы оградить кустаря от влияния частника и постараться вытеснить его из кустарной промышленности, сократить сферу его деятельности.

33) ГАНУ, ф. Р-22, оп. 1, д. 53, л. 80; ф. Р-47, оп. 1, д. 38, л. 415.

34) ГАНУ, ф. Р-1, оп. 1, д. 1747, л. 31.

35) ГАНУ, ф. Р-47, оп. 1, д. 299, л. 119.

36) ГАНУ, ф. Р-22, оп. 2, д. 415, л. 222.

Решения партии и органов Советской власти были направлены на укрепление позиций промышленной кооперации в кустарной промышленности. Постановление крайисполкома от 11 января 1928 г. обязывало местные власти усилить плановое снабжение промкооперации и кустарной промышленности сырьем через органы и кооперативные центры, предоставлять целевой кредит, увеличив его на 500 тыс.руб. Этот кредит должен был пойти на развитие следующих промыслов: колесно-обозного, сельскохозяйственного машиностроения, рогожного, овчинно-шубного, кожаного, шорного, сапоговального, войлочного, трикотажного, веревочного и кирпичного. Сроки кредитования устанавливались от 5 до 8 месяцев.

Сибирским торговым организациям, госучреждениям и промышленным предприятиям предписывалось передавать в переработку полуфабрикаты промкооперации, предоставлять дефицитное сырье. С целью обеспечения промышленной кооперации шерстью и пенькой признавался недопустимым вывоз их из Сибири. Были увеличены фонды на кожсырье и овчину.

Слабая экономическая основа промышленной кооперации, отсутствие средств, сырья, полуфабрикатов приводили к ослаблению позиций ее в кустарной промышленности, к засилью частного, к проникновению его в артели.

Промысловая кооперация в Сибири сыграла огромную роль в деле вовлечения кустарей и ремесленников края в социалистическое строительство. Особенностью её работы являлась организация сельского промышленного населения, так как основной контингент сибирских кустарей проживал в сельской местности.

Интенсивный рост промышленной кооперации в Сибири начинается с 1925 г., когда в ряде округов появились окружные союзы, центры объединения артелей. Основной формой объединения сибирских кустарей стали производственные артели с общими мастерскими. С каждым годом число их росло, что и подготовило почву для возникновения промколхозов.

По своему классовому составу промкооперативы являлись бедняцко-средняцкими. Вовлечение именно беднейшей части промышленного населения в промышленную кооперацию соответствовало ее главным задачам - увеличению середняцкой группы, ограничению и вытеснению скупщика-зудака, приобщению кустарей к социализму, поднятию технического и культурного уровня и улучшению их быта.

Промысловая кооперация сыграла решающую роль в вытеснении частного капитала из мелкой промышленности и освободила кустарей от кабальной зависимости посредников, скупщиков, поставщиков сырья и материалов, частных кредиторов. Советское государство предоставляло льготы в финансировании, давало долгосрочные ссуды и кредиты, поставляло дефицитное сырье для кожевенного и текстильного и других промыслов. Постоянная забота партии и правительства благотворно сказалась на росте кооперативов, увеличении их рядов, укреплении экономической основы промысловой кооперации.

Дифференцированный подход к кустарям помогал беднякам подняться на ноги, окрепнуть и перейти в разряд середняков. С другой стороны, ограничение и вытеснение зажиточных элементов приводило к сокращению этой группы, выравниванию социальных слоев всего промыслового населения.

Э.В.Зельманова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕРЕВЕНСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ВОСПИТАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КОЛХОЗНОГО
КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

XIV съезд ВКП(б) определил главные направления в деятельности партии по колхозному строительству на второе пятилетие. Они состояли в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, очищении их от вредящих элементов и обеспечении опытными кадрами, воспитании широкого беспартийного актива, повышении роли деревенских партийных организаций в колхозном строительстве.

Дальнейшие успехи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и завершения коллективизации сельского хозяйства во многом определялись уровнем политической сознательности колхозного крестьянства, степенью его политической активности. Перед Коммунистической партией стояла задача политического воспитания колхозного крестьянства, преодоления в его сознании частнособственнической психологии.

История колхозного строительства в западносибирской деревне в 1933-1937 гг. освещена в целом ряде работ сибирских историков¹⁾. Вместе с тем следует отметить, что вопросы политического воспитания колхозного крестьянства Западной Сибири в данный период еще не стали предметом специального исследования. Этот вывод подтверждает исторический обзор вышедшей в последние годы литературы по истории коллективизации в Западной Сибири²⁾.

В данной статье рассматриваются некоторые направления деятельности деревенских партийных организаций Западной Сибири по воспитанию политической активности колхозного крестьянства в годы второй

1) См., например; Ф.С.Пестриков. Из истории борьбы партийной организации Западной Сибири за завершение коллективизации сельского хозяйства (1933-1937 гг.). - В кн. Некоторые вопросы истории КПСС. М., 1961; Н.Я.Гушин. Колхозное строительство Сибири в годы второй пятилетки. - Б кн. Вопросы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1967; его же. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973

2) М. Др. Гушин Н.Я., Горюшкин Л.М., Русаков Р.С. Основные итоги и проблемы изучения истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири. - "Известия Сибирского отделения АН СССР", серия общественных наук, вып. I, 19. Историография Советской Сибири (1917-1945 гг.). Новосибирск, 1968; Н.Я.Гушин. Основные проблемы историографии социалистической реконструкции сельского хозяйства Сибири. - В кн. Вопросы методологии и историографии, вып. I. Томск, 1974.

пятилетки.

В 1933-1937 гг. перед Коммунистической партией стояла ответственная задача политического воспитания колхозного крестьянства. Руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) от 6 марта 1931 г. "О колхозном строительстве и развертывании массово-политической работы среди крестьянства в Западно-Сибирском крае"³⁾, краевая партийная организация еще в период проведения сплошной коллективизации считала эту задачу первостепенной.

К концу первой пятилетки заметно вырос политический и культурный уровень колхозного крестьянства, выше стала его сознательность и общественно-политическая активность, иным — отношение к коллективному хозяйству и колхозному труду. Однако в целом процесс формирования колхозного крестьянства как класса в это время не был завершен. Над ним по-прежнему тяготели старые привычки и традиции.

Глубокие социально-экономические преобразования, проведенные в деревне в ходе коллективизации сельского хозяйства, некоторые положительные итоги организационно-хозяйственного укрепления колхозов создавали серьезные предпосылки для социалистической переделки сознания колхозного крестьянства, но одних только экономических факторов было недостаточно, так как "борьба с теми привычками, которые столетиями и тысячелетиями впитывались в каждого хозяина, это дело, которое при условии полного свержения эксплуатирующих классов, требует долгих лет настойчивой организационной работы"⁴⁾. Как отмечал В.И. Ленин, партия, проводя работу с трудящимися классами, должна помнить, что они "от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями"⁵⁾.

Необходимость повышения уровня идеологической работы партии в деревне в начале второй пятилетки была обусловлена также вылазками классовых врагов, в первую очередь случаями выстулений остатков кулачества. Враждебные элементы стали маскироваться под честных колхозников и, действуя "тихой сапой", пытались помешать делу социалистического строительства, используя при этом колеблющиеся, политически незрелые элементы.

В новых условиях, когда колхозы были уже созданы и коллективизация в основном завершена, задачи идейно-политического воспитания колхозного крестьянства состояли в повышении их идейно-теоретического уровня, окончательной ликвидации частнособственнических пере-

3) Справочник партийного работника, вып. 8. М., 1934, с. 664.

4) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 39, с. 121.

5) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 41, с. 101.

житков, в росте политической сознательности, воспитании социалистического отношения к труду и социалистической собственности, ликвидации безграмотности, возрастании культурного уровня.

Большое значение для развертывания идейно-политической работы в деревне и воспитания политической активности колхозного крестьянства имела перестройка партийных организаций, создание производственных колхозных ячеек. В 1933 г. в Западной Сибири в результате перестройки были созданы 1883 новые колхозные ячейки, 1845 кандидатских групп, 1275 партийно-комсомольских ядер⁶⁾. Новая структура партийных организаций на селе давала возможность охватить партийным влиянием большее количество колхозов, чем раньше. К концу 1933 г. число колхозов в западносибирской деревне, где были партийные ячейки и кандидатские группы, партийно-комсомольские ядра и коммунисты-одиночки, составило 68% от общего их количества⁷⁾.

Создание широкой сети деревенских партийных ячеек и их организационное укрепление, рост идейной вооруженности сельских коммунистов усилили политическое воздействие на трудящиеся массы деревни, дали возможность поднять идеологическую работу партии среди колхозников.

Решающую роль в идейно-политическом воспитании колхозного крестьянства имели политическое просвещение и агитационно-пропагандистская работа, проводимые под руководством деревенских партийных организаций. Январский объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. обратил внимание партийных организаций на необходимость повышения идейно-политического уровня колхозного крестьянства. В частности, большое значение имело решение о создании политотделов МТС и совхозов, одной из задач которых являлась организация массово-политической работы среди колхозников и рабочих МТС. Она должна была направляться на то, чтобы окончательно парализовать влияние классового врага и добиться преодоления мелкобуржуазных пережитков и собственнических тенденций вчерашнего единоличника-собственника, сегодняшнего колхозника⁸⁾.

Политотделы много сделали для организации политической учебы

6) Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф.3, оп.6, д.68, л.42.

7) ПАНО, ф.3, оп.6, д.512, л.2; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф.17, оп.21, д.3107, л.48.

8) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т.5, М., 1971, с.78-88.

колхозников. С ростом идейно-политического уровня сельских коммунистов, расширением сети партийного просвещения в деревне улучшилась организация политической учебы беспартийных колхозников. Они в большинстве своем занимались в кандидатских и начальных школах по изучению ленинизма, в кружках по истории партии (по учебнику).

О ценном опыте работы политотделов по организации политучебы рассказывается в донесениях политотделов. Так, политотдел Кароканской МТС к осени 1933 г. организовал в колхозах своей зоны 12 кандидатских школ и I кружок по истории ВКП(б), в которых обучалось 65 коммунистов, 86 комсомольцев и 205 беспартийных активистов - учетчиков, бригадиров, счетоводов. Руководили школами сами политотделы⁹⁾.

Интересные политзанятия в колхозах своей зоны провел политотдел Каменского района Каменской МТС. Большинство занятий проводили сами политотделы, связывая изучаемые вопросы с конкретными делами колхозов. Это в значительной мере повышало интерес к занятиям, улучшало посещаемость слушателей.

Большое внимание политотделы, деревенские коммунисты уделили изучению колхозниками материалов XIII съезда ВКП(б). Политотдел Каменской МТС и здесь оказался лучшим. В колхозе им. К. Либкнехта, "Новый быт" и других к изучению материалов съезда были привлечены практически все колхозники. Беседы прошли даже на квартирах у отдельных колхозников-ударников по десятидворкам¹⁰⁾. Широкое изучение материалов съезда организовал среди колхозников политотдел Ребрихинской МТС. До 200 беспартийных активистов изучали материалы съезда вместе с коммунистами в партшколах, более 600 человек присутствовали на 32 вечерах, проведенных на дому лучших ударников. А во время посевной вся эта работа была перенесена на поля, где I - 2 раза в неделю проводились специальные занятия, которыми было охвачено более 1000 колхозников¹¹⁾.

По всему краю в ходе изучения материалов колхозники брали повышенные обязательства, повсеместно включались в социалистическое соревнование.

Политическая учеба являлась важной формой политического просвещения колхозного крестьянства, но она не была еще массовой. В политических кружках и школах занимались преимущественно сельские

9) "Советская Сибирь", 1933, 17 ноября.

10) "Советская Сибирь", 1934, 16 марта.

11) "Социалистическое земледелие Западной Сибири", 1934, # I,

коммунисты и большинство беспартийного актива, которые составляли незначительную часть общего состава колхозного крестьянства. Всего в крае, по данным 71 района, в 1936 г. обучалось в сети партпросвещения 2530 беспартийных стахановцев и ударников¹²⁾.

Повышение политического уровня основной массы колхозного крестьянства требовало иных форм и средств проведения этой работы. С созданием политотделов, укреплением партийного руководства в бригадах и выделением в них парторганизаторов центр массово-политической работы в колхозах постепенно перемещался непосредственно в поле, в бригады. Политотделы вместе с секретарями колхозных ячеек, партгруппорганами бригад стали инициаторами и главными организаторами проведения в бригадах политбесед, политзарядок, политчиток и других массовых мероприятий, направленных на выполнение производственных заданий колхозов и бригад, способствовавших досрочному выполнению этих заданий, повышению трудовой дисциплины, организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Положительные результаты дала массово-политическая работа в большинстве районов края. Например, в Каменском районе в период уборочной кампании 1933 г., по данным 10 колхозных ячеек, было проведено 326 производственных совещаний, 436 бесед, 196 громких чтот, 79 докладов, выпущено 88 стенгазет¹³⁾. Все это помогло обеспечить своевременную уборку, обмолот урожая и выполнение хлебопоставок государству, а в дальнейшем вырастить огромную армию ударников, стахановцев социалистического земледелия в полевых колхозных и тракторных бригадах.

Заслуживает внимания положительный опыт массово-политической работы в бригадах Пospelихинского района, обобщенный в 1933 г. крайкомом партии. Райком ВКП(б) всю массовую работу в бригадах организовал вокруг конкретных фактов колхозной жизни. Предметом всеобщего обсуждения становились случаи недисциплинированности, разгильдяйства, низкого качества работы. Партийные группы вместе с бригадирами ставили все эти вопросы на обсуждение производственных совещаний бригад. Всего за период весеннего сева 1933 года в колхозных бригадах было проведено 1707 производственных совещаний, на которых присутствовало 43624 человека¹⁴⁾.

Партийные организации, политотделы, райкомы партии обращали внимание на планирование массово-политической работы в бригаде так, чтобы содержание, формы и методы ее соответствовали условиям

12) Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937 гг.). Сборник документов. Томск, 1973. с. 292.

13) Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 245, оп. 1. д. 289. л. 82.

14) Долганов, Попов П. Опыт работы одной парторганизации. Новосибирск, 1933, с. 37.

бригады, рекомендовали проводить производственные совещания и бригадные собрания, политдни, политминутки, организовывать коллективные читки газет, подводили итоги массово-политической работы в бригадах.

Заслужой политотделов являлось то, что они широко изучали опыт проведения массово-политической работы в колхозах и старались передавать его другим. Так, политотдел Тулинской МТС весной 1933 г. провел слет колхозников-ударников с приглашением секретарей партийных и комсомольских ячеек и беспартийного колхозного актива, на котором была показана образцовая постановка массово-политической работы и культурного обслуживания в бригадах колхоза "Путь Ильича". Организаторы этой работы поделились опытом проведения производственных совещаний, выпуска стеновых газет, рассказали о работе красных уголков, о создании доски "Новости СССР и международной жизни", о регулярном ведении стенового табеля работы бригады и отдельных колхозников. Вскоре после слета все эти формы получили распространение в других колхозах¹⁵⁾. В решениях краевого комитета партии неоднократно подчеркивалась важность распространения передового опыта проведения массово-политических кампаний¹⁶⁾.

Таким образом, районные комитеты партии, политотделы и деревенские коммунисты, выполняя указания ЦК ВКП(б), краевого комитета партии, со всей ответственностью отнеслись к организации массово-политической работы в колхозной бригаде. Это, наряду с другими факторами, способствовало воспитанию политической сознательности колхозного крестьянства, росту его политической активности.

Во второй половине 30-х годов широкое распространение в крае получила такая форма массово-политической работы среди колхозников, как политдни. Проводились они 2-3 раза в месяц в виде тематических вечеров, вечеров вопросов и ответов, на которых обсуждались интересные проблемы международной жизни и внутренней, материалы пленумов ЦК, постановления партии и правительства по сельскому хозяйству и другие. В эти дни перед колхозниками выступали с докладами и беседами председатели колхозов, представители партийного и советского аппарата. Райкомы партии заранее рекомендовали повестку дня, инструктировали докладчиков, оформляли лозунги и плакаты.

Особый интерес у колхозников вызвали политдни, проводимые на

15) ПАНО.б. 175, оп. I, л. 26, л. 14.

16) См.: Постановление пленума Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) 20-23 февраля 1935 г. Новосибирск, 1935, с. 9.

международные темы. Присутствовавшие не только задавали вопросы, но и участвовали в их обсуждении. Об этом, например, свидетельствуют обобщенные Славгородским и Муромцевским райкомами партии материалы о проведении политдней в колхозах весной 1935 и 1937 гг.¹⁷⁾

Интересен опыт проведения политдней в колхозах края по вопросам стахановского движения. Так, Каменский райком партии организовал 29 июня единый политдень о I Всесоюзном совещании стахановцев, в котором приняло участие 7 тыс. колхозников, из них более I тыс. выступили в прениях, а 876 человек заключили договоры о социалистическом соревновании¹⁸⁾. С большой пользой для колхозников проходили политдни в Белоглазовском районе, который является родиной ефремовского движения. В них принимали участие ефремовцы, мастера высоких урожаев. Такие политдни повышали политическую и производственную активность колхозников, увеличивали ряды стахановцев полей¹⁹⁾.

Полезный обмен опытом проведения политдней в колхозах края состоялся на совещании заведующих культпропами райкомов партии в декабре 1936 г. Выступавшие всячески поддерживали эту форму массовой работы в колхозе, говорили об ее действенности в организации беспартийных колхозников²⁰⁾.

Проведение политдней в колхозах значительно активизировало массово-политическую работу в деревне, делало ее насыщенной и целенаправленной. Эта форма массово-политической работы находила широкую поддержку со стороны самих колхозников, поднимала их политическую и трудовую активность, воспитывала правильное отношение к труду, к колхозной собственности.

Важным средством идейного воспитания колхозного крестьянства явилась агитационно-пропагандистская работа на селе. Основной целью ее было разъяснение крестьянству сложных проблем колхозного строительства: о классовой борьбе, о создании политотделов, об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, об охране социалистической собственности и борьбе с хищениями сельскохозяйственных продуктов и т.д. Все эти вопросы, а также важнейшие постановления партии и правительства выдвигались на первый план в агитационной работе в деревне.

Получившая распространение еще в начале второй пятилетки, агитационно-массовая работа особенно активизировалась в 1936-1937 гг.

17) ПААК, ф. 96, оп. 2, д. 106, л. 4, "Омская правда", 1937, 10 марта.

18) ПААК, ф. 85, оп. 2, д. 263, л. 13.

19) "Сельская правда" (Новосибирск), 1937, 10 сентября.

20) "Советская Сибирь", 1936, 20 декабря.

в связи с опубликованием проекта новой Конституции и принятием Пленумом Центрального Комитета (1937 г.) резолюции "Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы"²¹⁾. В постановлении бюро крайкома партии от 14 июля 1936 г. "О ходе обсуждения проекта новой Конституции" обращалось внимание на необходимость изучения теоретических вопросов - о государстве, о диктатуре пролетариата, о социализме и коммунизме, о буржуазной и пролетарской демократии и другие. Райкомам ВКП(б) и парторгам рекомендовалось возглавить эту работу прежде всего в колхозах, совхозах и МТС²²⁾.

Формы и методы массово-политической работы на селе по обсуждению проекта Конституции были самые различные - проводились районные совещания партийного актива, политдни в колхозах, специальные совещания председателей сельских Советов и т.д. Большую помощь в этом оказали районные партийные активы. Так, в Троицком районе в помощь сельским Советам и колхозам были посланы уполномоченные из партактива в составе 57 человек. Райком партии и райисполком направили письменные рекомендации парторгам и председателям сельсоветов о порядке обсуждения проекта Конституции. В Алейском районе при участии партийного актива во всех колхозах прошли специальные политдни, состоялись пленумы сельсоветов²³⁾.

Обсуждение проекта Конституции на селе, тесная связь при этом теоретических вопросов с задачами колхозного строительства, сопровождалось подъемом трудовой и общественно-политической активности тружеников деревни, ростом стахановского движения в колхозах. Колхозники вместе с руководителями брали обязательства работать на всех участках только по-стахановски, по-ударному, увеличить производительность труда, не допускать простоев машин и т.д.

Главным проводником агитационной работы в деревне являлись агитаторы, тетицы, докладчики, которых райкомы партии подбирали из состава коммунистов, комсомольцев, беспартийных активистов. В их числе, наряду с колхозниками, были представители сельской интеллигенции, врачи, агрономы, учителя.

Состав агитаторов по партийности и образовательному уровню был очень неоднородным. Среди них насчитывалось много беспартийных колхозников, имеющих образование 4-6 классов. И хотя, партийные организации не всегда в полной мере выполняли директиву крайкома о подборе групп агитаторов в колхозах из лучших коммунистов, комсомольцев и сочувствующих, привлечение к агитационно-массовой работе боль-

22) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, л. 3234, л. 175.

23) ЦПА ИМЛ, ф. 16, оп. 1, л. 333, л. 5.

шого числа беспартийных колхозников-активистов имело важное политическое значение в воспитании колхозного крестьянства.

Для постоянной агитационной работы в колхозах при районных комитетах партии создавались агитколлективы из районного партийного актива, члены которых не только выступали сами перед колхозниками, но и оказывали на местах помощь агитаторам, инструктировали их.

В результате совместной работы колхозных агитаторов и агитколлективов при райкомах партии многие партийные организации добились успехов в проведении агитационно-массовой работы в деревне. Комиссия краевого комитета отметила положительный опыт организации политической агитации в Черепановском, Чистоозерном, Андреевском, Убинском и Барабинском районах. В справке комиссия подчеркивала, что идейный уровень агитационно-пропагандистской работы на местах повысился, агитация стала более конкретной и действенной²⁴⁾.

К 1937 г. выросло общее число агитаторов в крае. Если в 1933 г. по 60 районам края насчитывалось всего 740 агитаторов²⁵⁾, то к концу 1937 г., по данным 87 районов, партийными организациями было подобрано 4658 агитаторов и 10016 чтецов-беседчиков²⁶⁾. Эта огромная армия пропагандистов-агитаторов при условии постоянного улучшения их состава и повышения уровня агитационной работы являлась надежным помощником деревенских партийных организаций в массово-политической работе среди колхозного крестьянства.

Качество политической агитации во многом определялось политическим уровнем самих агитаторов. Поэтому крайком и райкомы партии обращали внимание на учебу, повышение идейно-политического уровня агитаторов.

Важной формой учебы агитаторов были курсы и семинары, организованные райкомами партии. Благодаря большой организационно-массовой работе райкомов решение этой задачи в ряде районов проходило успешно. Так, в Шипуновском районе перед началом весеннего сева 1936 года через курсы прошли все агитаторы, которые должны были работать непосредственно в поле, в бригадах, на фермах²⁷⁾. Райком партии совместно с редакцией газеты "Сельская правда" провел совещание агитаторов и пропагандистов, на котором был обобщен опыт работы агитаторов района в поле²⁸⁾.

24) ЦПА ИМЛ. ф. 17, оп. 21, д. 3200, л. 19.

25) Гордиенко П. Агитационная работа на новом этапе. Новосибирск 1933, с. 12.

26) Состав Западно-Сибирской краевой парторганизации (Материалы к III краевой партийной конференции). Новосибирск, 1937, с. 20.

27) "Советская Сибирь", 1936, 30 марта.

28) "Сельская правда", 1936, 23 декабря.

Большую работу по созданию агитколлектива провел Белоглазовский райком партии. К осени 1936 г. в районе было создано 15 агитколлективов, которые объединили 260 агитаторов. Руководителями этих коллективов были коммунисты. Райком партии регулярно 2 раза в месяц проводил семинары агитаторов при первичных партийных организациях и 2 раза в году семинары руководителей низовых коллективов агитаторов. Ценной инициативой агитаторов Белоглазовского района стала агитационно-массовая работа с колхозниками и рабочими МТС по профессиям: бригадирами, доярками, трактористами, заведующими фермами и т.д. Такая массовая работа с людьми одной профессии давала ощутимый эффект. Агитаторы могли говорить с людьми не только о политике вообще, но и конкретно о выполнении производственных заданий²⁹⁾.

Работа с агитаторами в районах Западно-Сибирского края еще больше усилилась в связи с постановлением бюро крайкома от 25 июня 1937 г. "О подборе кадров и о работе с ними в сельских районах", которое обратило внимание районных партийных организаций на необходимость тщательного подбора агитаторов и чтецов-беседчиков. Бюро предложило райкомам партии внимательно проверить и утвердить состав агитационно-пропагандистских кадров из коммунистов, комсомольцев, сочувствующих, передовиков труда - стахановцев, орденосцев, значных людей края. Крайком рекомендовал также регулярно проводить учебу агитаторов³⁰⁾. Так, по рекомендации крайкома с 15 по 25 сентября 1937 г. курсы агитаторов с отрывом от производства работали в Новосибирске, Кемерове, Барнауле, Прокопьевске, Славгороде, Бийске³¹⁾.

В.И. Ленин, говоря о работе с массами, подчеркивал, что очень важно жить в гуще, знать настроение, знать все, понимать массу, завоевывать ее абсолютное доверие³²⁾. Преимущество данной формы массово-политической работы в деревне состояло в том, что она охватывала широкие массы колхозников политической агитацией, давала возможность ближе познакомиться с каждым из них, полнее изучить запросы и настроения.

В массово-политической работе деревенских партийных организаций по воспитанию политической активности колхозного крестьянства видное место занимал беспартийный сельский актив, как важное звено

29) Лукьяненко Я.Ф. В борьбе за высокий урожай. Новосибирск, 1936, с. 4.

30) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, л. 3238, л. 104.

31) "Сельская правда", 1937, 13 сентября.

32) Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 497.

укрепления партийного руководства колхозной деревней. Это были члены правления колхозов, бригадиры, доярки, трактористы, рядовые колхозники. Каждая колхозная ячейка, партгруппа, каждый парт-организатор считал своей первой обязанностью не только выявление, но и воспитание колхозников-активистов. На это нацеливало партийные организации постановление ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 года "Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов"³³⁾ а несколько позднее - Январский 1933 г. Пленум ЦК и ЦК ВКП(б)³⁴⁾.

Партия в названных решениях исходила из ленинского положения о том, что "каждый новый слой еще не вовлеченных в работу рабочих и крестьян, это наши вернейшие друзья и союзники... Мы должны снова и снова обращаться к беспартийным в нашей партийной работе и в нашей советской практике, смелее и смелее обращаться к беспартийным рабочим и крестьянам"³⁵⁾.

В работе с беспартийным активом деревенские партийные организации использовали различные формы и методы: проводили совещания, открытые партийные собрания, привлекали активистов на заседания правлений колхозов, сельсоветов, производственные совещания, в кружки политграмоты, текущей политики и т.д.

Важной формой воспитания беспартийного колхозного актива являлись открытые партийные собрания. На них, наряду с беспартийным и комсомольским активом, приглашались и рядовые колхозники. С укреплением колхозных партийных организаций роль таких собраний в воспитании колхозного актива возросла. Как правило, в их повестку, наряду с политическими вопросами, включались и хозяйственные, обсуждались важные решения партии и правительства и задачи деревенских партийных организаций в их выполнении, заслушивались отчеты председателей колхозов³⁶⁾.

Райкомы партии обращали внимание деревенских коммунистов на необходимость готовить такие собрания и проводить на высоком политическом уровне, чтобы они служили школой политического воспитания колхозного актива. Это обеспечивало активность колхозников в проведении собраний. Например, в результате тщательной подготовки открытых партийных собраний в колхозах Троицкого, Крапивинского, Павловского районов по материалам январского 1933 г. Пленума ЦК и ЦК ВКП(б) явка беспартийных колхозников на них

33) "Партийное строительство" (известия ЦК ВКП(б), 1932, № 2 с. 95-96).

34) КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 78-89.

35) Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 39, с. 412-413.

36) См. протоколы партийных собраний за 1934-1935 гг. ячеек ВКП(б) в колхозах "Октябрь" Иловского сельсовета, Зырянского района и "Тибель капитала", Кожевниковского района. Партийный

составляла 300% и выше по отношению к присутствующим коммунистам³⁷⁾.

В организации беспартийного актива в колхозах видное место принадлежало политотделам МТС. С их созданием в Западной Сибири наблюдается рост и укрепление партийных организаций. Наглядное представление о росте числа активистов на каждый колхоз и политотдел дают имеющиеся данные по 100 политотделам МТС края. До перестройки здесь насчитывалось всего 3686 человек актива, то есть на каждую МТС, объединяющую в среднем 20 колхозов, приходилось по 37 активистов. После создания политотделов только по 75 политотделам было уже 23322 беспартийных активиста³⁸⁾. Следовательно, с созданием политотделов к концу перестройки на каждый политотдел приходилось более, чем по 300 человек беспартийного актива. Высокая оценка деятельности политотделов МТС по созданию беспартийного актива была дана пленумом Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) в июне 1933 г.³⁹⁾

В целом по краю к концу 1933 г. беспартийный актив вырос в 2-3 раза. Он явился той опорой, при помощи которой политотделы сумели развернуть большую работу по внедрению социалистических методов труда в колхозах, по социалистическому перевоспитанию колхозников. По данным 71 МТС, на весеннем севе 1933 г. в крае работало 13880 ударников, а к концу хозяйственного года актив ударников вырос до 29300 человек⁴⁰⁾.

Райкомы партии и деревенские партийные организации расширили свою работу с беспартийным колхозным активом в период развития в крае стахановского движения в сельском хозяйстве, что привело к заметному увеличению в колхозах и совхозах числа стахановцев и ударников. К примеру, в колхозах и совхозах Барабинского района в результате массово-политической работы с активом число стахановцев выросло за год с 300 до 600, а ударников - с 500 до 1000 человек⁴¹⁾. Подобный рост наблюдался и по другим районам края.

Успехи стахановского движения в Белоглазовском районе были во многом обеспечены работой райкома партии и колхозных коммунистов с беспартийным активом. В районе считалось обычным явле-

архив Томского обкома КПСС (ПАТО), ф. 772, оп. I, д. II, л. л. 40, 39, 20; д. 13, л. л. 7, 9; ф. 277, оп. I, д. I, л. л. 17, 25, 27; д. 2, л. 21; д. 4, л. 18.

37) ПАО, ф. 3, оп. 6, д. 30, л. 22, 157.

38) ПАО, ф. 175, оп. I, д. 3, л. 44.

39) Резолюция V пленума Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) 22-25 июня 1933 г., с. 22.

40) XLI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). Стенографический отчет. М., 1934, с. 57.

41) "Советская Сибирь", 1936, 22 с.

нием, когда любое большое дело или проводимое мероприятие обсуждалось прежде на собрании колхозного актива, состоявшего из бригадиров, членов правления, звеньеводов ефремовских звеньев, заведующих хатами-лабораториями, стахановцев.

С годами значительно повысился политический уровень беспартийного актива. Большую роль в этом сыграли школы колхозного актива, в которых изучались как политические, так и специальные вопросы организации колхозного производства, введения агротехники, правильного планирования и т.д. Для занятий в школах часто использовались радиолекции, приглашались с докладами, лекциями, беседами квалифицированные специалисты. Такие школы работали в Каменском, Омском, Черепановском, Топкинском районах⁴²⁾.

К сожалению, некоторые партийные организации недооценивали всей важности работы с беспартийным колхозным активом, формально зачисляли в актив колхозников, не проверяя настоящую их активность в борьбе за укрепление колхозного производства. Недостатком в работе по подбору актива было в отдельных случаях то, что рядовые колхозники еще не стали составлять основную массу его, что актив порою разделялся на две категории: общественный и производственный. Исправлению такого положения способствовало укрепление партийного руководства в бригадах, перенесение центра тяжести партийно-массовой работы в бригаду. Создание беспартийного актива непосредственно в бригадах, куда входили лучшие колхозники, передовики, ударники труда, сопровождалось ростом политического влияния и авторитета коммунистов среди колхозников.

Таким образом, партийная организация края в годы пятилетки большое внимание уделяла созданию и воспитанию беспартийного колхозного актива. Заслуга в этом принадлежала прежде всего политотделам, которые при опоре на коммунистов вырастили в крае широкий беспартийный актив, сыгравший важную роль в политическом воспитании колхозного крестьянства, росте его производственной активности.

Таковы некоторые направления деятельности Западно-Сибирской краевой партийной организации по воспитанию политической активности колхозного крестьянства, скорейшему приобщению его к колхозному производству.

42) См. об их работе: "Омская правда", 1936, 31 декабря; "Сельская правда", 1937, 10 марта; "Путь к социализму" (Черепаново), 1937, 2 февраля; ЦААК, ф. 85, оп. 2, д. 404, л. 41.

А.Т.Топчий

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ
СИБИРСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ НА
ОСНОВАНИЯХ РЕФОРМЫ 1861 г.

Крупным и важным актом и юридического и социально-экономического значения было распространение положений реформы 1861 г. на казачьи войска России, в том числе и на Сибирское казачье войско. Вопросы, связанные с осуществлением реформы среди казаков Сибирского казачьего войска, впервые поставили дореволюционные авторы — Ф.Н. Усов, Г.Е.Катаев, В.А.Остафьев. В советской литературе эти вопросы еще не стали предметом специального исследования, хотя в целом история сибирского казачества уже нашла отражение в работах В.И. Петрова, А.Н.Баталова, А.И.Долгих, В.М.Самосудова.

В данной статье автор предпринимает попытку осветить только один вопрос — как под влиянием реформы 1861 г. изменялся военно-бюрократический аппарат управления в Сибирском казачьем войске.

Казачество, как и крестьянство России дореволюционного периода, страдало от феодальной эксплуатации. Подчиняясь суровой военной дисциплине, поддерживаемой розгами, лучшие слои казачества эксплуатировались как администрацией, так и зажиточной частью казачества. Развитый военно-бюрократический аппарат принуждения, сложившийся в Сибирском казачьем войске в феодальную эпоху, должен был выполнять основные задачи: держать казаков в повиновении государству, обеспечивать исправное несение ими военной повинности, хозяйственной и натуральной.

В целях укрепления сословной замкнутости, усиления феодальной зависимости рядового казачества феодальное государство стремится к созданию более гибкого, разветвленного военно-бюрократического аппарата. Эта задача, в частности, преследовалась также и в "Положении о Сибирском казачьем войске" от 5 декабря 1846 г.¹⁾ Положение выделяло звенья управления с чисто военными функциями надзора и административно-хозяйственными. Старая военизированная схема: войсковой начальник — полковой командир — сотенный командир — казаки, заменялась более гибкой разветвленной схемой.

Согласно "Положению" от 5 декабря 1846 г. управление делилось

1) 2 ПСЗ, т.21, 20671.

на главное и местное. Местное управление составляли командир Сибирского военного корпуса (он же генерал-губернатор Западной Сибири) с подчинением главному управлению (Военному министерству и Департаменту военных поселений), войсковой наказной атаман, войсковое дежурство (исполнявшие функции штаба), войсковое управление. Этим звеньям подчинялись четыре бригадных управления, которые стояли во главе 10 полковых управлений. Низшими звеньями аппарата являлись сотенные и станичные управления, которые, как правило, совпадали территориально.

Войсковое дежурство, бригадные и сотенные управления наделались чисто военными функциями надзора. Они обязаны были наблюдать за своевременным исполнением распоряжений начальства по комплектованию войска, призывом и нарядами на службу, исправностью обмундирования и т.д. Войсковое, полковые и станичные управления соединяли в себе военно-административную и хозяйственно-полицейскую власть. Особый интерес в этом отношении представляет войсковое правление, которое приравнивалось к губернскому правлению.

Подобно Алтайскому горному правлению, выступавшему приказчиком Кабинета, на обязанности войскового правления было заведование всеми войсковыми зданиями, фабриками и вообще всем войсковым имуществом. Оно должно было наблюдать за сохранностью и правильным использованием войсковых земель и лесов, отдавать распоряжения по сбору войсковых доходов, заботиться об открытии новых их источников, а также о своевременном и правильном наделении войсковых чинов земельными участками, следить за "исправным исполнением" казаками натуральных повинностей, обеспеченностью рабочими руками войсковых предприятий и т.д. Особой заботой войскового хозяйственного управления, согласно ст. 187, была обязанность изыскивать пути увеличения войсковых доходов. Статья 187 прямо указывала: "Оно прилагает особую заботу об увеличении войсковых доходов, развитию уже существующих источников дохода, открытию новых, наимыгоднейшей отдаче в оброчные статьи войсковых запасных земель"²⁾. По полицейской части (ст. 173) правление обязывалось "исполнять все то, что общими законами по полицейской части возложено на губернские правления"³⁾. Сюда относилось: "строгое наблюдение за исполнением запретительных мер против поселения посторонних лиц на войсковых землях, наблюдение за порядком в станицах, обнародование узаконений и распоряжений начальства, надзор

2) ЗКС, т. 21, 20671.

3) Там же.

за исправностью дорог и мостов " и т.д.

Военно-полицейские и хозяйственные функции надзора на местах осуществляли полковые и станичные управления, которые действовали под наблюдением соответственно бригадных и сотенных командиров. Приравниваясь к волостным управлениям у крестьян, они обязаны были исполнять те же полицейские функции охраны казенной собственности. Главной задачей их являлось "охранение станичного имущества и земельного доверия от захвата казаков" и "наблюдение за исправным выполнением последними возложенных на них законом повинностей"⁴⁾. Все звенья аппарата управления не представляли собой коллегиальных органов. Вся власть сосредоточивалась в руках стоящих во главе их чиновников. Так, наказной атаман стоял во главе войскового дежурства и войскового правления, начальником и председателем которых он являлся. Полковые, сотенные и станичные правления состояли из соответственно полкового командира, сотенного и станичного начальников с писарями, предусмотренными штатным расписанием. Должности этих правлений не были выборными и замещались исключительно офицерами по назначению вышестоящего начальства.

Мощным придатком аппарата принуждения являлись военно-судные комиссии, действовавшие в полковых округах под началом полковых командиров, фактически державших в своих руках особую власть. Военно-судные комиссии разбирали дела казаков, привлекавшихся администрацией за совершение военных преступлений.

Влияние на казачьи войска России общих процессов капиталистического развития в стране заставляет правительство рассмотреть вопросы подготовки реформы "применительно к казачьим войскам, являвшимся основной частью реформенной России". С этой целью в октябре 1859 года по указанию царя в казачьих войсках учреждаются специальные комитеты под председательством наказных атаманов, перед которыми ставится задача "по возможности применить к казачьим войскам реформы, вводимые в государстве"⁵⁾.

Обобщение выработанных проектов и сведение "разнообразных мнений" к единому, необходимому правительству, должно было осуществить военное министерство.

Особенностью подготовки и распространения реформы 1861 г. на Сибирское казачье войско было то, что правительство не спешило с ее реализацией в Сибири. Это объяснялось как отсутствием помещичьего землевладения на территории Сибирского казачьего войска, с одной сто-

4) 2 ПСЗ. т. 21, 20671

5) Усов Ф. И. Мероприятия по улучшению народного быта. "Памятная книжка Западной Сибири", 1882, с. 251.

роны, и с другой — нежеланием правительства менять сравнительно недавно введенный порядок на основании Положения от 5 декабря 1846 года, направленного на укрепление сословной замкнутости казачества⁶⁾.

Положение, изданное 13 марта 1861 г., носило временный характер. Согласно ст. 23 войсковому комитету Сибирского казачьего войска поручалось "войти в подробное рассмотрение нового положения о Сибирском казачьем войске с тем, чтобы касаясь главных оснований оного, комитет, если признает нужным, сделал в начертанных правилах дополнения или замечания и представил в Военное министерство через генерал-губернатора не позже 1 января 1863 г. полный проект положения о Сибирском казачьем войске"⁷⁾.

Реализация самой реформы, выразившаяся в ряде законодательных актов, направленных на реорганизацию административного аппарата управления, землеустройства, изменения воинской повинности, продолжалась вплоть до 1917 г.

Несмотря на то, что Положение 13 марта 1861 г. носило временный характер, оно явилось юридической основой для начала распространения на территорию Сибирского казачьего войска реформы 1861 г. Преследуя цель, как указывалось в самом предисловии, "преобразования Сибирского линейного казачьего войска, состоящего на особом от других положений, в соответствии с сими войсками", Положение являлось и своеобразной программой, которой должны были придерживаться при разработке будущего проекта преобразования Сибирского казачьего войска.

Это нашло свое выражение в мерах, предпринятых правительством по его укреплению и централизации, а также в частичном изменении его аппарата управления. Согласно Положению, из гражданского ведомства изымались и переводились под управление войсковой администрации Тобольский пеший батальон и татарский конный полк, а также Томский городской батальон⁸⁾. В результате этого вместо 10 полков по ст. 2 Положения 13 марта 1861 г. Сибирское линейное войско должно было иметь 12 конных, 3 пеших казачьих полубатальона и одну конно-артиллерийскую бригаду. В связи с этим оно при-

6) Помещичье землевладение на территории Сибирского казачьего войска было представлено 2-мя именными казачьих чиновников — Волкова и Карбышева. Кроме того, на территории войска находились 163 души дворовых, принадлежавших различным чиновникам казачьего войска, освобождение которых было проведено на основании "Дополнительных правил о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости в Сибири". (2ПСЗ, т. 36, 36657).

7) 2ПСЗ, т. 36, 36730.

8) 2ПСЗ, т. 36, 36730.

обретало контуры регулярного войска, что подчеркивалось и в самом изменении его названия, в котором упускалось слово "линейное", оно стало носить название "Сибирское казачье войско". Вместе с тем, Положение 13 марта 1861 г., ликвидируя бригадные управления, создает видимость ликвидации единоначалия в полковых и станичных правлениях: в состав полковых правлений вводится 4 заседателя (один из казаков), а в штаб станичных управлений вводятся по 2 члена правления по выбору самих казаков⁹⁾. Фактически избранные казаками "выборные" никакой власти, ни исполнительной, ни совещательной, не имели. По признанию самих же официальных лиц, "выборные", представляющие "власть народа", были не кем иным, как "денщиками при начальстве"¹⁰⁾.

Общая тенденция в деятельности правительства в период реформы, выражавшаяся в стремлении "усилить местную власть", особенно на окраинах России, привела к тому, что разделение гражданской, военной и судебной власти по Положению 13 марта 1861 г. проводилось также чисто формально. В руках военных чиновников по-прежнему была сосредоточена вся полнота власти, начиная с генерал-губернатора Западной Сибири. Ст. 6 Положения указывала: "В высшем административном порядке войско подчинить генерал-губернатору, которому управлять по части военной на правах отдельного корпуса, а по части гражданской на правах, предоставленных генерал-губернатору Западной Сибири"¹¹⁾. Выражением того, что гражданская власть отделяется от военной, было учреждение при Главном управлении Западной Сибири "особого казачьего отделения" с введением в Главное управление своего представителя. Задачей вновь введенного комитета было обеспечение единства гражданского управления"¹²⁾.

Отмена дарового труда казаков на войсковых предприятиях и dotаций казны на содержание огромного административного аппарата управления ставили войсковую администрацию в необходимость изыскивать средства для пополнения войсковых доходов. Перенесение источника доходов на аренду земельных участков и войсковых предприятий требовало решения двух немаловажных задач, прежде всего отделения войсковых земель от казачьих посредством их размежевания и привлечения арендаторов. А активизация арендной деятельности увеличивала приток на территорию войска массы переселенцев, что требовало от администрации пересмотра административного аппарата, созданного Положением от 5 декабря 1846 г., с целью приближения его форм к существовавшему у крестьян, а это было прямо противополож-

9) 2ПСЗ, т. 36, 36730.

10) ГАОО, ф. 366, оп. I, д. 7, л. 109.

11) 2ПСЗ, т. 36, 36730.

12) 2ПСЗ, т. 36, 36730.

но политике правительства, стремившегося во что бы то ни стало сохранить замкнутой казачью общину. Решению этих вопросов были подчинены проекты войскового комитета, созданного согласно Положению 13 марта 1861 г. для того, чтобы представить к 1 января 1863 г. "полный проект о Сибирском казачьем войске"¹³⁾.

Проект по улучшению быта в Сибирском казачьем войске включает в себя около 900 статей, расположенных на 168 страницах¹⁴⁾. Главной целью, преследовавшейся в проекте как его составителем, специально созданным войсковым комитетом, состоявшим из вышестоящих чиновников Сибирского войска под председательством наказного атамана, так и рецензировавшим этот проект депутатским собранием (выборный из офицеров совещательный орган в Сибирском казачьем войске), было стремление в большей мере сохранить сословную неполноправность и замкнутость общины в Сибирском казачьем войске. Разногласия комитета и депутатского собрания, по сути дела стоявших на одних и тех же позициях, возникали при определении форм и методов реализации некоторых вопросов реформы. В частности, учитывая необходимость предоставить разрешение переселения на территорию войска лиц невойскового сословия с целью привлечения арендаторов, вместе с тем и необходимость соответствующей перестройки административного аппарата управления, комитет практически не отступил от уже существующей схемы, основанной на Положении 5 декабря 1846 г. Он лишь предложил ввести дополнительные звенья в высших ступенях его лестницы для видимости отделения военной власти от гражданской. К примеру, в полках гражданская и административная власть должна была осуществляться через окружные полковые управления, а военная — через полковые штабы и т.д. Известный параллелизм решал задачу разветвления феодально-бюрократического аппарата, делал видимость приспособления к новым условиям, создавал резервуар вакантных мест для чиновников и офицеров, служивших на должностях по внутреннему управлению войском.

Мало того, в проекте комитета уничтожались даже наметки "выборного начала", представляемого Положением 13 марта 1861 г. Комитет считал, что "предоставление права выбора административных лиц обществом может привести к тому, что должности станичных атаманов забудут нежелательные начальству лица, а сами выборы будут основываться на тайной сделке общества с избираемыми лицами"¹⁵⁾. Депутатское собрание, руководствуясь исключительно лишь соображениями не допускать нежелательной реакции на это со стороны рядового казачес-

13) ЗПСЗ, т. 36, 36730.

14) ГАОУ, ф. 366, оп. I, д. 7, лл. I-168.

15) Там же, лл. I-110.

ва, так как, по его мнению, "народ уже успел понять в этом праве, верную и единственную гарантию против произвола и эксплуатации войскового чиновничества", выступает против проекта комитета. "Комитет не применил, а уничтожил дарованное войску штатом 1861 г. избирательное право на должности станичных начальников" - указывалось по этому поводу в замечаниях депутатского собрания¹⁶⁾.

По проекту депутатского собрания на низшие административные органы войскового аппарата управления (станичные и поселковые управления) должна была быть перенесена схема управления по Положению 13 февраля 1861 г. с предоставлением права быть избранным на административные должности не только офицерам, как это было раньше, но и казакам. Но здесь же и кончался этот "либерализм" депутатского собрания, отдававшего дань времени. Так как право быть избранным на административные должности, по мнению депутатского собрания, могло быть предоставлено лишь тем, кто имел специальное или высшее образование, то "образовательный ценз" практически закрывал доступ на эти должности рядовому казачеству, так как по законам того времени учиться имели право лишь дети офицеров. И реализация такого проекта в жизнь была не чем иным, как прямым обманом общественного мнения.

Для систематизации поступивших проектов от казачьих войск страны и придания им необходимого правительству направления указом 5 октября 1865 г. учреждается особый "Комитет для пересмотра казачьих законоположений". В комитет входили представители от все казачьих войск (по одному от каждого), хорошо знакомые с бытом и потребностями своих войск. Председательствовал в комитете начальник иррегулярных войск страны. С созданием комитета местные комитеты в войсках прекращали свою работу. Согласно указу, перед Комитетом ставилась задача "рассмотреть все поступающие в него проекты и дать свои заключения"¹⁷⁾.

В то же время, "давая свои заключения", другими словами, вырабатывая свой проект реформы, комитет должен был решить две исключительные друг друга задачи: сохранить сословную военную замкнутость казачества и одновременно смягчить жесткий военно-политический строй казаков, приспособить его к новым условиям путем распространения на казачьи войска определенных "свобод", провозглашенных реформой 1861 г. Итогом работы комитета явился комплекс законодательных актов, предназначенных как для всех казачьих войск страны, так и специально изданных для Сибирского казачьего войска, целью которых было приспособление в первую очередь административного аппарата управления к развивающимся капиталистическим отношениям, а также урегулирование поземельных отношений и повинностей в казачьих войсках.

16) ГАОО, Ф. 366, оп. 1, д. 7, л. 114.

17) 2 ПСЗ, т. 40, 42512а.

Один из первых законов, касавшихся реформы в Сибирском казачьем войске, вышел лишь через 3 года после учреждения комитета, в 1868 г. Закон от 21 октября 1868 г. менял административное деление в Западной Сибири, учреждая Акмолинскую и Семипалатинскую области¹⁸⁾. Вместе с тем существенному изменению подвергалось и административное деление так называемой верхней части управления Сибирским казачьим войском. Существенным моментом при этом являлось то, что административное управление войском подводилось под схему губернских управлений, что значительно меняло управление в Сибирском казачьем войске. Бийская линия в административном отношении стала подчиняться учреждениям Томской губернии, Акмолинская область образовывалась из территорий 1, 2, 3, 4, 5 и части 6-го полковых округов, с включением городов Омска, Петропавловска, а также Кокчетавского, Атабассарского и Акмолинского округов сибирских киргизов. В Семипалатинскую область включалась остальная часть 6, 7 и 8 полковых округов, за исключением тех частей, которые отходили к Томской губернии (Бийская линия и часть Иртышской). В связи с этим полковые округа упразднялись и заменялись 10 уездными управлениями, в которые вместе с гражданской администрацией включались и представители казачьего войска¹⁹⁾. Но одновременно с этим сохранялась и военная структура войска, она явственнее вырисовывалась, не растворяясь в гражданском административном аппарате. В военном отношении войско делилось на три отдела во главе с атаманами отделов. Атаманы отделов в свою очередь подчинялись войсковому атаману (он же генерал-губернатор Западной Сибири), в руках которого была сконцентрирована высшая военная и административная власть²⁰⁾. Еще через два года на Сибирское казачье войско распространяется указ от 13-15 мая 1870 г., подвергавший реформе и низовые звенья местного аппарата управления (станичные и поселковые)²¹⁾. Необходимость реорганизации станичных и поселковых управлений была вызвана общими процессами, происходившими в казачьих войсках страны.

Активизация арендной деятельности в войсках требовала разрешения переселения на войсковые территории лиц других сословий. Массовое переселение на территории казачьих войск, в том числе и Сибирского, способствовало изменению социального состава казачьих станиц и по-

18) ЗПСЗ, т. 40, 42512а.

19) На территории Сибирского казачьего войска было 10 уездов и один округ: Акмолинский, Атабассарский, Кокчетавский, Омский, Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Каркалинский, Зайсманский уезды и Бийский округ.

20) В отличие от Донского, Терского и ряда других казачьих войск, военные губернаторы подчинялись не непосредственно военному министру, а генерал-губернатору. Отсюда и следовало, что западносибирская администрация имела большую самостоятельность в решении вопросов.

21) ЗПСЗ, т. 45, 48354.

селков и, в свою очередь, требовало реорганизации управления этими станицами и поселками. Положение от 13-25 мая 1870 г., в отличие от Положения от 5 декабря 1846 г., определяет станичное общество не как замкнутую казачью общину, а уже как "составленную из всех без различия сословий жителей станицы с принадлежащими ей поселениями других наименований"²²⁾. Вместе с этим на станичные общества переносятся и методы организации общественного управления, аналогичные таковым в волостях и селениях крестьян, созданных на основе Положения от 19 февраля 1861 г., включая суда и право казаков как участвовать в выборах, так и быть избранными на должности станичной и поселковой администрации.

Согласно ст. 18 Положения 1870 г., станичное управление состояло из станичного атамана, станичного правления, станичного схода и станичного суда. Правление комплектовалось из станичного атамана, его помощника, писаря и казначея, выбираемых станичным сходом. Кроме того, на заседаниях правления обязаны были присутствовать доверенные от общества, избранные на сходе от каждого поселка для составления вновь образованного суда. На станичных сходах избиралось ежегодно по 12 очередных судей. Более мелким звеном общественного управления были поселковые правления с поселковыми сходами, во главе которых стояли поселковые атаманы, подчинявшиеся станичным. Но несмотря на это Положение 13-25 мая 1870 г. отнюдь не ликвидирует чисто казачью общину, не растворяет ее в общей массе жителей. Она по-прежнему остается замкнутой, с характерным для нее военизированным аппаратом управления и соблюдением строго чиновничьей субординации. Это подтверждается прежде всего тем, что Положение, допуская на казачьи сходы всех (вернее, составляя их из лиц различных сословий), ограничивает их права на участие в решении на сходах дел, касавшихся казачьего сословия. Ст. 4 Положения указывала: "Лица невоинского сословия, живущие в станичных обществах, участвуют в станичных сходах наравне с казаками только при обсуждении и решении дел, по существу своему касающихся до лиц невоинского сословия"²³⁾. Положение сохраняет военизированную систему единоначалия, подчиняя органы "общественного управления" практически единоличной власти станичных и поселковых атаманов, а вместе с тем практически уничтожает видимость вводимой в них коллегиальности управления.

Центральной фигурой в станичном управлении являлся станичный атаман, которому, согласно Положению, представлялось "первое место в

22) 2ПСЗ, т. 45, 49354.

23) 2ПСЗ, т. 45, 48354.

станичном правлении и сходе". По сути дела он, как и его предшественник — станичный начальник, являлся полновластным хозяином в пределах станиц, концентрировавшим в своих руках административную, полицейскую и военную власть. На основании ст. 12, станичный атаман по полицейским делам обязан был "объявлять по предписаниям окружных или уездных начальников все законы и распоряжения правительства, наблюдать за распространением между ведомственными лицами вредных для общества слухов и принимать необходимые полицейские меры для восстановления порядка".

Административно-общественная власть станичных атаманов определялась правом созывать станичные сходы и охранять на них "должный порядок", предлагать на рассмотрение станичного общества необходимые вопросы, представлять на утверждение высшего начальства общественные притворы, наблюдать за своевременным исполнением в пределах станичных границ натуральных повинностей по ремонту мостов, дорог, гатей, перевозов, земской гоньбы, выдачей и возвратом хлеба в общественные магазины, распоряжаться общественными суммами, наблюдать за целостью станичного запасного фонда земли и т.д.

"По отбыванию войсковыми обывателями военной службы", согласно ст. 14, атаман обязывался "объявлять все распоряжения наказного атамана, наряжать и отправлять в указанные начальством места к указанному сроку требуемое количество людей по очередным спискам, объявлять обществу о предстоящих нарядах на службу, доставлять все нужные начальству сведения"²⁴⁾.

Пределы карательной власти станичных атаманов устанавливались ст. 16, на основании которой им предоставлялось право назначать казаков на общественные работы до 2 дней, подвергать денежному штрафу до одного рубля, аресту — до 2 дней.

Станичное правление, как коллегиальный орган, олицетворявший общественное управление, было фактически полностью подчинено станичному атаману. Уже по самому смыслу Положения от 13-25 мая 1870 г. это выражалось в ограничении власти этого органа. По ст. 18 составной частью станичного управления должны были быть доверенные от общества, но примечание к этой же статье дает им право участия в правлении только при решении двух вопросов: при проверке станичных общественных сумм и наличия хлеба в хлебозапасных магазинах. Все остальные вопросы, касавшиеся хозяйственной или административной жизни общества, решал атаман "по своему усмотрению и на свой ответственный"

24) ИСЗ, т. 45, 48354.

ность", на что прямо указывало Положение от 13-25 мая 1870 г. 25)

Любое решение станичного правления или станичного схода признавалось действительным только тогда, когда при его определении присутствовал станичный атаман. Для соблюдения чиновничьей субординации, в случае избрания на должность атамана рядового казака, так как в большинстве случаев на эту должность избирались офицеры, ему на время прохождения этой службы присваивался чин хорунжего. Должность станичного атамана, а также время пребывания в ней, приравнивалось к строевой службе, поэтому избираться на должности станичных атаманов имели право лица, принадлежавшие к "служилому составу". Отставные избирались в исключительных случаях. Избранный на должность станичного атамана не имел права отказываться от этой должности и обязан был служить трехлетний срок. При условии "безупречной" службы на должности станичного атамана в течение 6 лет им предоставлялась льгота, освобождающая от службы "навсегда". По истечении трехлетнего срока такая льгота распространялась лишь на одного из его сыновей (ст.85). Назначение и увольнение от должности станичных атаманов предоставлялось губернаторам, приведение их к присяге проводилось окружным или уездным начальством. Должностные лица станичной и поселковой администрации освобождались от несения всех повинностей, лежащих на обществах. Кроме того, общество должно было устанавливать им жалованье, уровень которого станичному атаману должен был быть не ниже 150 руб. (ст.84).

Вспомогательным органом местной станичной власти был станичный суд. Формально судебная власть отделялась от власти атаманов. Атаманы не имели права вмешиваться в решения станичных судов и сами обязаны были выполнять их решения, (ст.92,39). Но фактически станичные суды, выбираемые станичным сходом, во главе которых стоял станичный атаман, были полностью под его влиянием. Станичный суд имел право окончательного решения иска ценой до 100 руб. Пределы карательной власти определялись правом назначения на общественные работы до 6 дней, штрафу до 3 руб. и аресту до 7 дней. Решения станичных судов мог отменить только окружной суд.

Согласно существовавшему законодательству, в пореформенный период станичные сходы (аналогично волостным) должны были являться высшим органом низовых звеньев местного управления казаками. Существовавшие ранее лишь офицерские собрания по закону от 13-15

25) Там же.

мая 1870 г. заменялись земскими собраниями или станичными сходами с участием рядовых казаков. Правительство, вводя станичные и поселковые сходы, законодательно закрепляло участие в них казачества, что явилось несомненным шагом по пути расширения его юридических прав. Но на деле права казаков оказывались лишь номинальными. Это объяснялось как тем, что пределы власти как станичного, так и поселкового сходов регламентировались всевластием станичных и поселковых атаманов, так и тем, что атаманы, как правило, избирались из среды офицеров и богатого чиновничества, которые держали в повиновении и зависимости бедную часть казачества. Сам закон от 13-25 мая 1870 г. способствовал тому, что круг полномочий как станичного, так и поселкового схода был гораздо уже, чем полномочия станичных и поселковых атаманов. Ведению станичных и поселковых сходов подлежало формальное избрание должностных лиц станичной и поселковой администрации, как правило, по рекомендации начальства, назначение времени схода, разверстания между членами обществ станичных земельных угодий, принятия мер к принуждению и взысканию недоимок, составление различного рода приговоров, ходатайств по всем предметам хозяйственной деятельности. Все приговоры должны были проходить через утверждение станичного атамана и могли быть остановлены или же аннулированы уже только окружным начальством.

Одной из самых важных функций схода было распределение на внутреннюю службу служащих казаков и принятие мер для того, "чтобы служилые казаки, не имеющие по нерадению или расточительности форменного обмундирования, лошадей и прочих вещей, необходимых для исправного выхода на службу, заводили таковые"²⁶⁾.

Аналогичными обязанностями наделялся и поселковый сход. С организацией поселковых правлений и сходов военная администрация преследовала фискальные цели, так как одним из важных поручений их было разверстание повинностей между домохозяевами и обеспечение их исполнения. Кроме того, не менее важным являлась обязанность следить за сохранностью войсковых земель, предупреждать порубки войсковых лесов и т.д. (ст.62).

Станичная и поселковая администрация должна была выполнять распределительные обязанности по организации арендных и хозяйственных работ (через станичных и поселковых атаманов указывались участки земли, сданные в аренду с торгов) и обеспечивать рост войсковых доходов. Подобно помещичьим приказчикам, станичная и поселковая

26) 2ИСЗ, т. 45, 48354.

администрация раскладывала наряды на внутреннюю службу, производила раскладку повинностей, регулировала земельные отношения, осуществляла хозяйственную, полицейскую и военную опеку в станицах. При этом именно в пореформенный период наблюдается усиление еще и финансово-хозяйственной функции местной казачьей администрации.

Таким образом, втягивание территории казачьего Сибирского войска в общий процесс капиталистического развития, изменение социального состава в казачьих станицах заставляет правительство провести реорганизацию звеньев управления Сибирским казачьим войском, направленную на приспособление их к новым экономическим условиям. Реформа органов управления выразилась фактически в перенесении форм управления крестьянами волостей на казачьи станицы. Казакам формально предоставляется право выбора станичных должностных лиц, единоначалие заменяется коллегиальными органами (станичные и поселковые сходы). Но на деле права как станичных, так и поселковых сходов оказывались урезанными. Вся власть сосредоточивалась в руках атаманов.

Создание разветвленного бюрократического аппарата на основании реформ управления в Сибирском казачьем войске шло параллельно с усилением его административных и хозяйственных функций контроля над казаками. Несмотря на изменение социального состава станиц, правительство пыталось сохранить замкнутость казачьих общин путем искусственного ограждения их законами, что являлось, несомненно, тормозом в развитии капиталистических отношений на территории Сибирского казачьего войска.

А.А.Малых

ИЗ ИСТОРИИ ПЧЕЛОВОДСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XVIII – первая половина XIX вв.)

Пчеловодство появилось в Сибири в конце XVIII в. До этого времени на сибирской территории, по почти общему мнению краеведов XIX в., не было даже диких пчел, о чем свидетельствовал и такой факт, как отсутствие в языках аборигенного населения названия этого насекомого¹⁾. Впрочем, абсолютной уверенности в точности этого факта нет, так как некоторые источники упоминают о документах, которые сохранили сведения о сборании дикого меда в ХУП в.²⁾

Первая попытка разведения культурных пчел в Сибири была сделана в 70-х годах XVIII в. Врач сибирских пограничных войск Баренс во время своей поездки по селениям горнозаводского ведомства и смежных с ними поселений государственных крестьян в Бийском округе, получил много просьб от сосланных в эти места на жительство вятских крестьян-раскольников о помощи в начальном разведении пчел. Знакомые с пчеловодством по прежним местам жительства, крестьяне считали условия Южной Сибири благоприятными для этого промысла, но сами были не в состоянии приобрести российских пчел для развода, и, кроме того, аргументировали свои просьбы тем, что по своим религиозным убеждениям "...почитают за грех употреблять всякую другую сладость кроме меда"³⁾.

Энергичный Баренс ходатайствовал перед начальником сибирских пограничных войск генерал-майором Скалоном о помощи крестьянам в развитии пчеловодства. Зимой 1776/77 г. выписанные Скалоном из Башкирии 30 колодок с пчелами прибыли в Усть-Каменогорскую крепость и были розданы крестьянам окрестных селений. В первое же лето эти колодки дали по 2-3 роя, но потом погибли от небрежного ухода и излишней вырезки меда. Последнее объяснялось тем, что пчелы не

1) См., например: Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. II, М., 1864, с. 232.

2) "Экономические записки", 1861, № 31.

3) "Сибирский Вестник", 1890, № 15.

были отданы крестьянам в полную собственность, а были пущены крепостным начальством в "прокат"⁴⁾.

Таким образом, первый опыт сибирского пчеловодства оказался неудачным, и во многом, из-за негибкости администрации. Но крестьянские общества не оставили своих просьб и вскоре нашли человека, достаточно к ним расположенного и решившегося на помощь. Этим человеком был майор размещенного в Усть-Каменогорске Сибирского драгунского полка Кербиц⁵⁾. Правда, он, судя по всему, был человеком небогатым и поэтому в свою очередь обратился к полковнику того же полка П.Ф. Аршеневскому. С именем этого богатого киевского помещика большинство источников и связывает приоритет удачного разведения пчел в Сибири.

Литературные сведения XIX в. весьма противоречивы, когда речь идет о начальной дате заведения пасек Аршеневским. Называются 1784 г., 1786 г., 1792 г. и 1793 г.⁶⁾ И. Завалишин сначала называет 1790 г., а потом 1798 г.⁷⁾ Наиболее правдоподобной является первая дата — 1784 г., когда, по подробным и потому более достоверным сведениям А. Лаврова, Аршеневский получил колодки с пчелами и опытного пчеловода из своего киевского поместья⁸⁾.

Через год Аршеневский после богатого урожая на пчел стал продавать колодки окрестным крестьянам. Завести пчел поспешили польские ссыльные, которым пчеловодство было известно по местам прежнего жительства⁹⁾ и раскольники деревень Бобровки и Секисовой, доверенные которых, богатые крестьяне Тарасов и Карманов "...купили пчел много и для себя и для крестьян своих деревень, по поручению их..."¹⁰⁾

Таким образом, сибирское пчеловодство берет свое начало от инициативы крестьянства (настойчивые прошения) в сочетании с внешним толчком, причудой богатого мецената, но все дальнейшее развитие этого промысла в основном проходило

4) "Сибирский Вестник", 1890, № 15.

5) Кузьминский М. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири. — В сб. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839, с. 58.

6) "Томские губернские ведомости", 1868, № 7; Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, ч. III. СПб., 1854, с. 305; "Сибирский Вестник", 1890, № 15; Штукенберг И. Ф. Статистические труды, т. 2. СПб., 1860, статья 44, с. 60.

7) Завалишин И. Указ. соч., с. 196, 232.

8) "Томские губернские ведомости", 1868, № 7.

9) Гагемейстер Ю. А. Указ. соч., с. 306.

10) "Томские губернские ведомости", 1868, № 7.

в крестьянской среде и было обязано хозяйственной инициативе сибирских крестьян. Быстрое распространение пчеловодства в удобных для этого местностях показывает, что оно попало в благоприятные климатические и экономические условия. Немаловажным было и то обстоятельство, что некоторая часть сибирских крестьян, выходцев из российских губерний, имела навыки ведения пчеловодческого хозяйства.

Основным центром сибирского пчеловодства стали благоприятствующие этому занятию местности, входившие в состав Алтайского горного округа, но районом, откуда распространилось заведение пчел, были смежные земли горнозаводского ведомства и государственных деревень Смоленской волости Бийского округа. Отсюда пчеловодство закономерно и естественно распространилось не только на алтайский юг, но и на томский север, в волости государственных крестьян Томского округа.

В Томском округе разведением пчел стали заниматься в 90-х годах XVIII в. Отсутствие данных не позволяет точно сказать, когда здесь началось крестьянское пчеловодство, но, несомненно, что оно существовало и предшествовало городскому пчеловодству, о котором сохранились отдельные сведения. В 90-х годах четверо томских мещан купили на иже губернии у крестьян-раскольников колоды с пчелами и настолько успешно занимались пчеловодством, что в 1803 г. были награждены "за похвальное предприятие" самим императором серебряными медалями¹¹⁾. К этому времени томское пчеловодство приобрело такие размеры, что понадобилось специальное правительственное распоряжение, чтобы официально его узаконить.

В 1803 г. был издан сенатский указ, по которому титулярный советник Валгосов за заслуги в развитии пчеловодства был пожалован землей, нужной ему для дальнейших занятий. Поскольку жаловалась почти 400 десятин земли, указ предписывал томскому губернатору Семифонтову: "1. Упомянутую землю предоставить единственно только в пользование тех, кто захочет заниматься пчеловодством. 2. Разделить ее на равные участки раздавать желающим с тем, что если кто в течение

11) "Сибирским Вестник", 1890, № 15.

5-ти лет не заведет пчеловодства, то участок отнимать и взыскивать за все время владения по 20 копеек за десятину. 3. Для поощрения занимающихся пчеловодством с земель или участков ничего не взыскивать. 4. Томскому губернатору обратить все свое внимание на развитие этой отрасли хозяйства и оказывать ей всякое покровительство¹²⁾. Поскольку изда-нию сенатского указа предшествовала бюрократическая процедура и самому Валгосову нужно было время, чтобы приобрести известность в развитии пчеловодства, то с полным основанием можно утверждать, что 90-е годы XVIII в. есть начальная дата томского пчеловодства.

Разведение пчел быстро распространилось среди крестьян Томского округа. Известный русский географ Е. Зябловский в первое десятилетие XIX в. отмечал бурное развитие пчеловодства в окрестностях Томска¹³⁾. По архивным данным начала века, о состоянии крестьянского пчеловодства в государственной деревне Томской губернии, в округах губернии насчитывалось колодок с пчелами¹⁴⁾:

	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Томский	232	239	302	268
Красноярский	6	9	8	4
Кузнецкий	107	72	18	30
Бийский	558	709	679	449
Всего	903	1029	1007	751

Для крестьянского пчеловодства этого времени характерна нестабильность, как следствие экспериментальной стадии в его развитии, когда методом опытов и неизбежных при этом ошибок незнакомое (точнее, лишь в некоторых случаях знакомое) прежде занятие приспосабливается к новым условиям. Несмотря на временные неудачи, пчеловодство государственных крестьян Томской губернии неуклонно развивалось и даже в Томском округе, на крайней северной границе распространения промысла появились селения, где крестьяне стали специализироваться в разведении пасек. В 1815 г. такое явление

12) ПСЗ, XXII, 20976. "О предоставлении найденной способной к пчеловодству подле Томска земли в пользу тех, кои в этом упражняться пожелают".

13) Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. V. СПб., 1810, с. 21.

14) Таблица составлена на основании данных: ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 123, лл. 37, 230.

наблюдаюсь в деревнях Батуриной, Протопоповой, Кисловой, Голувиной и в селе Спаском Спаской волости¹⁵⁾.

Более того, государственные крестьяне Томской губернии не только расширяли свое пчеловодство, но и занесли этот промысел в Ишимский и Омский округа Тобольской губернии¹⁶⁾.

Несмотря на быстрый рост и все увеличивающийся удельный вес пчеловодства в крестьянской экономике, оно не скоро стало предметом внимания губернской администрации. Не имея возможности контролировать крестьянское пчеловодство, администрация заняла позицию пассивного одобрения, при которой учитывалась вероятность фискального обложения промысла в недалеком будущем. До конца 30-х годов крестьянское пчеловодство Томского округа почти не имело отражения в официальных документах. По традиции главным пчеловодческим центром считался горный округ и лишь второстепенное значение придавалось соседним с ним волостям государственных крестьян Бийского и Кузнецкого округа.

О пчеловодстве государственных крестьян и оседлых "инородцев" Бийского округа, в основном Смоленской волости сохранились сведения в губернских отчетах. Эти сведения фрагментарны, к тому же количество колодок в пасеках крестьян смешано с колодками "инородцев", но тем не менее они дают представление о том, какой путь проделало пчеловодство государственных крестьян на юге губернии за тридцать с лишним лет с начала века. Колодок с пчелами было: в 1832 г. - 11380, в 1833 г. - 11337, в 1834 г. - 13785, в 1836 г. - 11824 и в 1837 г. - 10069 колодок¹⁷⁾.

Первое (и до настоящего времени единственное), сравнительно подробное описание пчеловодства государственных крестьян Томской губернии дано в материалах ревизии казенных имуществ, датированных 1840 г.¹⁸⁾ В этих материалах содержатся следующие показатели: общее количество колодок с пчелами в государственных деревнях Томской губернии;

15) ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 6, л. 32.

16) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 84, л. 54; д. 123, лл. 48, 156.

17) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 121, л. 69; д. 162, л. 224; оп. 22, д. 251, л. 31.

18) ЦГА, ф. 1589, оп. 1, дд. 550, 554.

количество пчеловодов в каждом населенном пункте; валовые, годовые средние доходы крестьян-пчеловодов, выраженные общей цифрой для каждой группы в отдельном селении. Основным недостатком указанного документа — подход к крестьянской экономике в целом, и к пчеловодческой отрасли ее в частности, только как к объекту фискальной политики феодального государства. В описании такого объекта на первый план выдвигалась его эффективность (часто намеренно преувеличиваемая) и оставалась затушеванной конкретная и реальная картина. Тем не менее, даже такое одностороннее описание состояния пчеловодческого промысла при условии привлечения дополнительных данных может дать достаточно приближенное к действительности изображение.

По данным ревизии государственных имуществ в 1840 г. в Томском округе было 14169 колодок с пчелами, принадлежащих государственным крестьянам, а в Бийском и Кузнецком округах было 4334 колодок¹⁹⁾. Можно предположить, что это несколько заниженные сведения, поскольку ревизующим чиновникам было трудно с исчерпывающей точностью подсчитать действительное количество пчельных колодок.

Разведением пчел занимались государственные крестьяне всех волостей Томского округа, исключая Парабельскую и Кетскую. Пасеки располагались не только на юге и юго-востоке, но и в волостях, лежащих значительно далее к северу. В Томском округе насчитывалось 570 крестьян-пчеловодов, в волости Смоленской Бийского округа — 67, в Подонинской волости Кузнецкого округа — 6, в Иткульской волости Каинского округа — 4 крестьянина²⁰⁾. Таким образом, можно говорить о дальнейшем территориальном расширении пчеловодства крестьян государственной деревни по сравнению с началом века.

Вычисление соотношения количества хозяйств, имеющих пчеловодство и неимеющих такового, показывает, что наибольшим удельный вес хозяйств с пасеками был в пригородных волостях Томского округа Спаской, Нелюбинской и Семилужной, а также в Богородской, Уртамской и Колыонской, то же можно сказать о Смоленской волости Бийского округа

19) ЦГИА, ф. 1589, д. 550, лл. 37-38.

20) ЦГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 14-121, подсчет.

(см. табл. 1)²¹⁾:

Таблица 1

Округ	Волость	Общее число хозяйств	Число хоз-в с пчеловодством	
			абс.	%
Томский	Новониколаевская	882	32	3,6
	Богородская	1239	158	11,9
	Уртамская	569	23	4,0
	Нельбинская	682	62	9,0
	Спаская	724	73	10,0
	Семилужная	689	50	7,2
	Колыонская	1379	114	8,2
	Кийская	904	18	1,9
	Дмитриевская	1212	25	2,0
Бийский	Боготольская	984	5	0,5
	Смоленская	456	67	15,6

Имея данные о численности пчеловодов, зная общее количество пчельных колодок, веновой доход каждого крестьянина от занятий промыслом и цены на пчеловодческую продукцию, можно вычислить производительность и доходность одной колодки с пчелами. В Томском округе, по примерному расчету, одна колодка давала 12 фунтов меда и 3,5 фунта воска, стоимостью 2 руб. 30 коп., в волостях южных округов, заселенных государственными крестьянами, - 20 фунтов меда и 6 фунтов воска, стоимостью в 3 руб. 80 коп. Для сравнения приведем данные по горному округу, выведенные Ю.А.Гагемейстером: одна колодка - 15 фунтов меда и 4 фунта воска стоимостью 2 руб. 54 коп.²²⁾ При сравнении видно, что в документах ревизии брались максимальные цифры урожая на пчеловодческую продукцию и поэтому, имея в виду разницу в природных условиях алтайского юга и томского севера, продукцию томской колодки можно определить как более скромную: 10 фунтов меда и 3 фунта воска стоимостью в 1 руб. 72 коп., а продукция и стоимость ее бийской и кузнецкой колодки - в пределах алтайской нормы.

21) Таблица составлена на основании данных ЦГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 14-121; д. 558, лл. 31-177.

22) Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, с. 550.

Располагая данными о доходности одной колодки и данными о валовом, годовом среднем доходе каждого крестьянина-пчеловода, можно получить очень характерную картину распределения колодок и доходов по хозяйствам (табл.2):

Таблица 2

Хозяйства, имеющие	Хозяйств		Доход (в рублях серебром)
	абс.	%	
до 12 колодок	79	12,7	до 25
от 12 до 25	193	31,0	от 25 до 50
от 25 до 75	254	40,9	от 50 до 150
от 75 до 150	69	11,1	от 150 до 300
от 150 до 300	26	4,3	от 300 и выше

В Смоленской волости были крестьяне, имевшие доходы от пчеловодства до 600 руб. Это значит, на пасеках у них было до 300 колодок с пчелами²³⁾. В Подонинской волости Кузнецкого округа жил крестьянин, у которого были пасеки, насчитывавшие около 800 колодок²⁴⁾.

Можно считать, что пчеловодство государственной деревни было весьма дифференцировано по степени сосредоточения собственности в руках немногих владельцев больших пасек (или нескольких пасек). В Томском округе 271 крестьянин-пчеловод, имевшие от 50-ти и больше колодок с пчелами, обладали двумя третями общего количества колодок. В Смоленской волости Бийского округа контраст был еще более разительным: 22 крестьянина имели в своей собственности три четверти всех колодок. Незначительных пасек было сравнительно много (в Томском округе 299), но количество их было непостоянно, потому что именно эти пасеки были первыми жертвами общей нестабильности крестьянской экономики, в случае возникновения неблагоприятной ситуации.

Пчеловодческий промысел становился популярным среди государственных крестьян Томской губернии, благодаря низким издержкам на производство продукции и высокой товарности самой продукции. Низкие издержки производства были обусловлены наличием свободных, незапаханных земель с массой дико-

23) ПГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 117-121.

24) Там же, лл. 116-117.

растущих медоносных растений и самой спецификой труда в пчеловодстве, которое не требовало многих рабочих рук и позволяло ограничивать организацию производства уровнем семейной кооперации.

Понимая выгоды пчеловодства, большая часть государственных крестьян не всегда, однако, имела возможность завести пасаку из-за высокой стоимости такого заведения. Колодка с пчелами стоила 10-15 руб. серебром²⁵⁾. В случае же успеха небольшая пасека не гарантировала постоянного дохода из-за хронической нестабильности пчеловодческого хозяйства того времени. Существовало несколько причин, объясняющих эту нестабильность. В первую очередь, это низкая общая культура крестьянского пчеловодства.

Крестьянская пасека первой половины XIX в. представляла весьма скромное заведение. В удобной местности (травы, вода), вокруг омшаника (погреба для зимнего сохранения пчел), стоймя и лежа, располагались деревянные колодки, тогдашний эквивалент культурного улья, — долбленые отрубки от ствола дерева. Этим и исчерпывалась материальная база пчеловодства. Весь уход ограничивался тем, чтобы во время роения поймать новый рой и приучить его к заготовленной колодке. Все это давало современникам основание говорить, что жизнь пчел на крестьянских пасеках немногим отличается от жизни диких пчел²⁶⁾. Прimitивная культура содержания пчел особенно отрицательно сказывалась при неблагоприятных климатических условиях. Об этом есть сведения в ряде архивных документов²⁷⁾.

Анализируя нестабильность крестьянского пчеловодства, нельзя не заметить причин социального порядка. Мощный налоговый пресс феодального государства заставлял крестьян изыскивать различные способы и отыскания необходимых для уплаты податей и выполнения повинностей денег и продажа меда и воска могла эти деньги предоставить. Крестьяне, в большинстве владельцы малых пасек, шли на излишнюю вырезку меда, оставляя ничтожные запасы для питания пчел "... что производило

25) Гагемейстер Ю. А. Указ. соч., ч. III, с. 305.

26) "Томские губернские ведомости", 1858, № 49; "Экономические записки", 1861, № 31; "Русское слово", 1860, № 9.

27) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 162, л. 224; ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1805, л. 78.

разумеется, сильную смертность между пчелами...²⁸⁾ Вероятно, особенно страдали от этого пасеки поселенцев в Томском округе, заведенные в надежде получить средства для обзаведения хозяйством²⁹⁾.

Низко оценивая уровень культуры пчеловодства государственной деревни Томской губернии, все же нужно подчеркнуть, что процесс территориального и количественного расширения крестьянского пчеловодства, особенно в 40-50-е годы XIX в., продолжался и это фиксировалось даже медленно реагирующими на изменения официальными документами³⁰⁾.

В дополнение к оценке культуры крестьянского пчеловодства нужно упомянуть, что в конце 50-х годов были сделаны первые попытки заведения пчеловодства, отвечающего уровню современной науки. В селе Красноречинском Томского округа государственный крестьянин Иван Латышев "...с успехом занимался пчеловодством по научной системе и образовал даже учеников"³¹⁾.

Выгоды крестьянского пчеловодства зависели от его доходности, которая определялась высокими товарными ценами на пчеловодческую продукцию. Эти цены на протяжении первой половины XIX в. были довольно высокими и составляли, в среднем, 4 руб. пуд меда и 10 руб. пуд воска. Высокие цены объяснялись исключительной дороговизной сахара, и тем, что определенная часть сибирского населения по религиозным убеждениям (раскольники) употребляли только мед.

Пчеловодческая продукция пасек государственной деревни также делилась на товарную и нетоварную части. Первая шла на рынок, вторая на внутреннее потребление: в пищу, на зимнее содержание пчел. Попытка вычисления объема товарной продукции пчеловодства государственных крестьян Томской губернии в 40-е годы XIX в. представляет известный интерес, поскольку это помогает примерно определить наиболее значимый для крестьянства аспект в выгодности этого промысла.

Определение продукции для внутреннего потребления сделано на каждое хозяйство с производством 120 фунтов меда и 35 фунтов воска, то есть полной продукции 12 колодок.

28) "Экономические записки", 1861, № 31.

29) ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 243, л. 86.

30) ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 567, л. 6; оп. 4, д. 123, л. 539; ф. 144, оп. 1, д. 243, л. 6.

31) "Экономические записки", 1861, № 31.

Исчисленная после этого товарная продукция, по умеренной оценке, составляла: по Томскому округу - около 2000 пудов меда и 600 пудов воска стоимостью в 15 тыс. руб.,; по Бийскому и Кузнецкому округам - 1500 пудов меда и 350 пудов воска стоимостью около 8 тыс. руб. Это значительно меньше товарной продукции горного округа, которую Ю.А.Гагемейстер определял в 75000 пудов меда и 2000 пудов воска стоимостью в 440 тыс. руб.³²⁾ Сравнение объема товарной пчеловодческой продукции государственных крестьян с объемам такой же продукции приписной деревни подтверждает вывод о том, что пчеловодство государственных крестьян Томской губернии было периферией пчеловодства горного округа.

Можно утверждать, что товарный мед с пасек томских деревень большей частью шел на удовлетворение потребностей местных рынков. Это подтверждается сравнительно большим количеством крестьянских пасек в пригородной зоне под Томском, на городском рынке мед и воск с этих пасек успешно конкурировали скупеческой и мещанской пчеловодческой продукцией. Мед государственных крестьян, вероятно, большей частью удовлетворял спрос в Томском округе, появляясь даже на крайней северной границе его - в Нарымском крае³³⁾. Бийский же мед и воск с пасек государственных крестьян составляли часть общей массы товарной продукции Алтайского горного округа. Благодаря высоким вкусовым качествам, этот мед, поступая через Ирбитскую ярмарку на всероссийский рынок, успешно конкурировал там с казанской и башкирской пчеловодческой продукцией³⁴⁾.

Функционирование товарного пчеловодства государственных крестьян было тесно связано с концентрацией промысла в руках немногих хозяев. Товарный мед и воск, полученные на пасеках Томской губернии, в основном принадлежали владельцам крупных пчеловодческих хозяйств, которые имели от 50 и больше колодок. В то же время не исключается, что часть продукции поступала с мелких пасек, так как крестьяне вынуждены были продавать необходимый им мед и воск для получения нужных денег

32) Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, ч. П., с. 550.

33) ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1805, с. 560; ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 468, л. 151.

34) Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. П. М., 1865, с. 230.

в уплату податей и выполнения повинностей.

Концентрация пчеловодства способствовала появлению и развитию института скупщиков и торговцев медом и воском ("ходебщиков") с довольно значительными капиталами. Частично, эти торговцы и скупщики выходили из среды крестьян. В Смоленской волости были известны три таких торговца, которые располагали валовым годовым доходом соответственно в 1 тыс., 2 тыс. и 12 тыс. рублей³⁵⁾.

Весьма интересно, что с развитием пасечного пчеловодства часть пчел дичала и расселялась в благоприятных для проживания местах, что способствовало появлению среди крестьян государственной деревни нового для Западной Сибири промысла — бортничества³⁶⁾. Немаловажно и то обстоятельство, что распространение диких пчел и их отлов крестьянами облегчал последним возможность заведения пчеловодства³⁷⁾.

Подводя общие итоги состояния пчеловодства государственных крестьян Томской губернии, можно сделать следующие главные выводы.

Исследование пчеловодства является частью исследования промыслово-ремесленных отраслей всего комплекса крестьянской экономики. Эти промыслово-ремесленные отрасли были наиболее быстро развивавшейся частью крестьянского хозяйства и частично обеспечивали развитие традиционных элементов хозяйства, финансируя их и отчасти защищая от налогового пресса феодального государства. Это положение относится и к пчеловодству с его способностью при успешном ходе дела, при низких затратах обеспечивать сравнительно быструю и высокую прибыль.

Оценивая пчеловодство государственных крестьян Томской губернии, нужно отметить, что оно играло сравнительно небольшую, но все возрастающую роль в хозяйственной жизни государственной деревни. Этот вывод не исключает того, что для некоторой части крестьянских хозяйств пчеловодство было существенным подспорьем, а в некоторых случаях, возможно, источником накопления. Несомненно, что в абсолютных

35) ЦГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 117-121.

36) Гагемейстер Ю. А. Указ. соч., ч. III, с. 550; Завалишин И. Указ. соч., т. II, с. 232.

37) "Томские губернские ведомости", 1868, № 49.

величинах пчеловодство государственных крестьян Томской губернии значительно выросло с конца XVIII в. к 60-м годам XIX в. Е. Зябловский в начале века всю товарную сибирскую пчеловодческую продукцию определял в 5000 пудов³⁸⁾. Через сорок лет только томская государственная деревня производила такой продукции немногим меньше.

Развитие пчеловодства государственных крестьян шло в общем русле развития экстенсивного крестьянского хозяйства и потому качественный уровень пчеловодческой техники не мог быть высоким. Это обстоятельство, плюс ограничение возможности пчеловодства природными условиями, затруднениями при первоначальном заведении пасеки, нестабильностью урожаев на пчеловодческую продукцию, требование определенной квалификации для занятия промыслом и, конечно, повышенная степень эксплуатации всего крестьянского хозяйства со стороны феодального государства, — все это вместе взятое замедляло темпы развития пчеловодства в государственной деревне Томской губернии.

38) Зябловский Е. Указ. соч., ч. У, с. 21.

А. Г. Жеравина

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОСТАВКАХ ПРОВИАНТА
 ДЛЯ ЗАВОДОВ И РУДНИКОВ ПРИПИСНЫМИ
 КРЕСТЬЯНАМИ АЛТАЯ

До сравнительно недавнего времени вопрос о поставках провианта приписными крестьянами Алтая для заводов и рудников не являлся предметом специального исследования. Лишь в 60-е годы в связи с разработкой проблем социально-экономического развития приписной деревни, развития горнозаводской хозяйства кабинета на Алтае, в связи с подготовкой к написанию многотомной истории Сибири исследователи стали уделять внимание и проблеме поставок провианта для заводов и рудников приписными крестьянами. В 1967 г. была опубликована статья С. С. Лукичева, посвященная условиям поставок провианта и фуража приписными крестьянами Алтая в дореформенный период (более чем за 100 лет существования горнозаводского хозяйственного комплекса в Западной Сибири)¹).

Привлеченный С. С. Лукичевым архивный материал позволил ему подтвердить вывод Н. Зобнина относительно того, что основная масса провианта и фуража поставлялась для заводов и рудников Алтая приписными крестьянами в принудительном порядке по ценам ниже рыночных. Вывод имеет важное значение для решения вопроса о том, как влияли поставки крестьянами провианта в целом на экономику приписной деревни.

Появление статьи С. С. Лукичева не исключает возможности и необходимости дальнейшей разработки проблемы поставок провианта приписными крестьянами Алтая для мастеровых и служащих заводского ведомства. В настоящее время советские ученые заняты большой подготовительной работой к написанию истории сибирского крестьянства. Им предстоит ответить на целый ряд спорных сегодня вопросов, касающихся истории приписной деревни Алтая, прежде всего условий, в которых развивалось крестьянское хозяйство. К ним относятся условия поставок крестьянами провианта для мастеровых и служащих Кольвано-воскресенских заводов.

Данная статья посвящена проблеме поставок приписными крестьянами Алтая провианта для заводов и рудников во второй половине

1) С. С. Лукичев. О поставках приписными крестьянами Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников. — "Вопросы истории Сибири", вып. 3, Томск, 1967. В статье С. С. Лукичева дана историография проблемы. Кроме анализируемых им работ Т. И. Агаповой, З. Г. Карценко, Г. П. Едкова, М. М. Громко, можно еще назвать исследование М. В. Сорокина (Горнозаводское

XVIII в., в период складывания на Алтае приписной деревни. Это было время настойчивых поисков горным начальством наиболее эффективных путей привлечения крестьян к поставкам для заводов и рудников.

С первых же дней существования хозяйства кабинета на Алтае горное начальство столкнулось со сложной проблемой снабжения мастеровых и служащих продуктами питания. Летом 1747 г. оно, исходя из того, что на заводах и рудниках "в провианте состоит немалая нужда", пыталось привлечь крестьян не только к выполнению заводских работ, но и к поставкам провианта. Указом от 27 июля 1747 г. горное начальство потребовало от Бийской и Бердской крепостей, Малышевской и Белоярской слобод высылки "вдобавок к приписным крестьянам" еще 300 человек (100 конных и 200 пехих) "к заготовлению лесных и других припасов про заводской обиход". При этом как конные, так и пехие должны были взять с собой "каждому человеку по топору да хлеба для пропитания себя до смены со удовольствием и для отдачи в казну за указанную цену по одному мешку (5 пудов. - А.К.) у кого какая есть". Всех этих 300 крестьян следовало выслать не позднее 15 сентября²⁾.

С развитием горнозаводского хозяйства, сопровождавшегося ростом числа мастеровых и служащих, предъявлялся все больший спрос на продукты питания, которые давала приписная деревня. Предъявление спроса на продукты крестьянского хозяйства должно было способствовать его развитию. Если бы еще производилась заготовка провианта горным начальством по вольным ценам, то стимулирующее влияние горнозаводского производства на развитие крестьянского хозяйства было бы еще большим.

Но в действительности преобладающими были поставки провианта не по вольным, а по принудительным ценам. Исследователи, придерживающиеся противоположной точки зрения, опираются в основном на указы канцелярии горного начальства, в которых определялось, какое количество провианта предстояло поставить крестьянину на заводы и рудники в следующем году "настоящей ценой"³⁾.

Ссылаясь на один из таких указов, М.Е.Сорокин пишет: "С самого момента появления в Западной Сибири горнозаводских хозяйств хозяйство кабинета в Западной Сибири в 1747-1779 гг. Рукопись канд. дисс. Томск, 1965).

²⁾ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1402, оп. 1, д. 4, л. 338.

³⁾ М.Е.Сорокин, Указ. соч., с. 236; Г.П.Едиков, Уровень товарности земледельческого хозяйства приписной деревни Западной Сибири в дореформенный период. - "Известия Сибирского отделения АН СССР", № 5, серия общественных наук, вып. 2, Новосибирск, 1964, с. 121.

кабинета в его владениях возник порядок принудительной поставки провианта и некоторых видов сырья приписными крестьянами для заводов. Такая форма заготовки необходимого для служащих на колывано-воскресенских заводах мастеровых специалистов и членов их семей являлась видом натуральной ренты. Однако решающее значение для горного округа имели не принудительные поставки, а закупки необходимых продуктов сельского хозяйства и изделий крестьянских промыслов по рыночным или очень близким к ним ценам". Для доказательства выдвинутого положения М.Е.Сорокиным приводится один из наиболее ранних указов канцелярии горного начальства, которым определялось, что на 1749 г. следовало купить у крестьян для Барнаульского завода муки ржаной или ржи 4 тыс. пудов, крупы 100 пудов, муки пшеничной или пшеницы 1 тыс. пудов "настоящей ценой в приписных к здешним заводам слободах и острогах ныне немедленно"⁴⁾. Действительно, горное начальство ежегодно обращалось к крестьянам с предложением продавать в следующем году провиант на заводы и рудники этой самой "настоящей ценой", под которой М.Е.Сорокин, не без оснований, подразумевает вольную цену. Горное начальство иногда разъясняло, как крестьяне должны были понимать "настоящую цену" — как цену, по которой они продавали хлеб между собой. Но при этом М.Е.Сорокин не учитывает того, удавалось ли горному начальству осуществлять покупку провианта по объявленной им "настоящей цене".

Для исполнения цитируемого М.Е.Сорокиным указа канцелярии горного начальства о закупке провианта для заводов на 1749 г. в слободы и деревни был направлен геодезии прапорщик П.Старцев. Он должен был закупить всего до 20 тыс. пудов провианта. В данной ему инструкции говорилось, что если у крестьян "хлебов молоченных нет, то велеть немедленно молотить и смотреть десятникам, чтобы крестьяне хлеб на сторону не продавали". Зимой 1749 г., когда П.Старцев поехал закупать хлеб, судные избы были заняты сбором крестьянских подвод для перевозки глины. Приказчикам и старостам было разрешено крестьян, которые согласятся продать хлеб, освободить от "подвод под глину". В последующие годы крестьян, которые могли быть расположены в поставку провианта, освобождали от предоставления квартир офицерам, солдатам и другим чинов лю-

4) М.Е.Сорокин. Указ. соч., с.236.

дям⁵⁾. Вскоре П. Старцев вынужден был рапортовать канцелярии горного начальства: "...будучи в Белоярской и едучи до Малышевской по деревням и по приезде во оной Малышевской слободе к покупке оного провианта по вольной ценою прилежание имел токмо у крестьянки у одного человека и ни одного пуда ни по какой цене к торгу не сыскалось и о цене никакого договора не имеет и отказывается все те якобы хлеба в продаже не имеют"⁶⁾.

В первый же год существования хозяйства кабинета на Алтае горное начальство столкнулось с невыполнением частью крестьян заводских работ. Оно пыталось взять с них "разных приписов за недоработку и недоимку подушных окладов". В декабре 1749 г. за невыполненную в этом году работу от 32 белоярских, бердских, малышевских, сосновских крестьян было принято при колывано-воскресенских заводах 288 пудов ржаной муки (по 10 коп. пуд), 11 пудов ржаного солоду (по 11 коп.), 8 пудов крупы (по 15 коп.), 45 пудов овса (по 7 коп.), 7 пудов говяжьего сала (по 70 коп.) на сумму в 52 руб. 50 коп.⁷⁾

По расположению на 1748 г. бердские крестьяне не выгнали угля на 1100 с лишним рублей. Горное начальство считало бессмысленным делом переносить невыполненную крестьянами работу на следующий 1749 г., это было бы для крестьян "весьма тяжело". Им было предложено в счет невыполненных заводских работ поставить в Барнаульский завод муки ржаной по 15 коп. за пуд, да столько же в Колыванский завод. Крестьяне должны были поставить муки на сумму, которая вдвойне превысила бы "недоработку". В отношении тех, кто не пожелает привезти на заводы муку, было решено, что они "как за прошлой 1748 года недоработку, так и за оклад в нынешнем 1749 году принуждены будут поставить действительной заводской работ"⁸⁾.

Часть бердских крестьян в октябре 1749 г. была выслана с провиантом в счет невыполненной за 1748 г. работ⁹⁾.

Уже в 1749 г. горным начальством предпринимались попытки привлечь крестьян к поставке провианта в счет подушного оклада с освобождением от заводских работ¹⁰⁾. Но условия поставки были нелегкими для крестьян. Они должны были доставить провиант к месту назначения не позднее ноября месяца 1749 г. В указе канцелярии

5) ПГАДА, ф. 753, оп. I, д. 79, л. 110.

6) ПГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 13, л. л. 8, 12.

7) Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. I, оп. I, I, д. 21, лл. III-III об.

8) ПГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 13, л. 12.

9) ПГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 12, лл. 173-174.

10) С. С. Лукичев полагает, что в счет заводских работ провиант поставлялся приписными крестьянами с 1762 г. Указ. соч., с. 40.

горного начальства по этому поводу особо подчеркивалось, что если "...на то время не поставят то принуждены будут сверх надобного за оной подушной оклад толикое число поставить безденежно". К тому же горное начальство соглашалось платить за ржаную муку не более 10 коп. за пуд и только при условии, если крестьяне за каждую ревизскую душу поставят 30 пудов, то есть на сумму в 3 руб.¹¹⁾

В феврале 1749 г. Бердская судная изба в ответ на указ канцелярии горного начальства рапортовала: "...к той поставке провианта охотников по 30 пудов никого не явилось". В 40-е годы, оказывается, прямо у себя в деревне продавали муку по 10-11 коп. пуд, а поставляемый провиант они должны были еще отвезти на завод или рудник. Правда, 12 крестьян соглашались на поставку муки за 71 душу, но при условии, если им будет разрешено поставить 11 пудов за ревизскую душу по цене 15 коп. за пуд. Лишь С. Опивалов, житель д. Артамоновой изъявлял желание поставить в 1749 году за одну душу 25 пудов муки по 10 коп. пуд. Будучи крестьянином Тарского уезда, в январе 1748 г. он получил от тарской воеводской канцелярии покормежный паспорт на 3 года и, поселившись в д. Артамоновой Бердского уезда "своим двором" с женой и детьми, просил разрешить ему остаться здесь жить.

Предложенные крестьянами условия поставок провианта в счет заводских работ за 1749 г. горное начальство не приняло. От заводской работы было освобождено 79 бердских крестьян, которые обязались поставить 30, а не 11 пудов хлеба за каждую душу и по цене в 10, а не 15 коп. за пуд. Среди них оказались Д. Обоскалов и А. Соболев, которые вскоре просили заменить им поставки заводской работой. У первого во время пожара сгорели дом "со всем инвентарем", семенной хлеб и скот, у второго - "хлеб не родился"¹²⁾.

Еще о 3-х крестьянх известно, что они обязались вместо заводских работ за 8 душ поставить по 30 пудов ржаной муки, но в срок с поставками не справились, так как у них не было хлеба даже на пропитание. Они просили разрешить им поставить провиант летом 1750 г. 28 февраля 1750 г. горное начальство потребовало от Бердской судной избы: "...несмотря ни на какие отговорки с оным в тот (Кольванский.- А.К.) завод выслать в немедленном времени" (в первых числах марта.- А.К.).¹³⁾

Для горного начальства было очевидно, что обеспечить мастеров-

11) ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 13, л. 12

12) ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 12, л. 23; д. 13, лл. 12, 16; д. 14, л. 60; ф. 1402, оп. 1, д. 5, л. 252; д. 5а, л. 215.

13) ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 14, л. 23.

ные работники, только у него хлеба в посеве никакого не было"16).
Отдельным крестьянам приходилось покупать хлеб для поставки его по раскладу. Бердский крестьянин К. Манаков в 1753 г. ездил на Чулым покупать ржаную муку для поставки ее по расположению в Колыванский завод17).

Зимой 1752 г. неоднократно посылавшиеся в деревни Бердского острога нарочные для закупки провианта доложили горному начальству, что крестьяне "...добровольно в продажу не объявляют, а хотя которые и объявляют, но и то просят высокую цену". Запрашиваемая крестьянами цена на хлеб горным начальством не была принята. Оно постановило: "...за тем резонем ныне за покупкою оного (провианта - А.Х.) посылать не для чего, а поставить расположением на крестьян". При этом оно считало возможным платить "с поставкою" на Бернаульский завод за пуд ржаной муки - 10 коп., пшеничной муки и крупы - 15 коп., овса - 7 коп., ячменя - 8 коп.; "с поставкою" на Змеиногорский и Чакирский рудники и Колыванский завод за пуд ржаной муки - 16 коп., пшеничной муки и крупы - 24 коп.

Объем обязательных поставок для каждой крестьянской семьи должны были определить окладчики, которые занимались расположением крестьян в заводские работы. Предусматривалось при этом привлечение к поставкам провианта всех крестьян, имевших пашню, в том числе и "негодных" для выполнения заводских работ. Окладчики имели право высвобождать от поставок только "неимущих хлеб"18).

Несмотря на строгие предписания горного начальства располагать в поставку провианта крестьян, которые могут с ней справиться, ему приходилось снимать поставку провианта с части крестьян за их "совершенной скудости"19).

Кроме того, ежегодно горное начальство сталкивалось с тем, что значительная часть крестьян уклонялась от поставки провианта "за огурством своим". В январе 1753 г. канцелярия горного начальства требовала высылки крестьян Малышевской, Белоярской слобод, Бердского острога, Бийской крепости с провиантом для Колыванского завода и Змеиногорского рудника20). За 1756 г. приписанные крестьяне недовезли только на Колыванский завод 550 пудов муки. Горное начальство постановило, что если в ближайшее время провиант не будет поставлен, "старости и сотники имеют быть публично наказаны отменно"21).

17) ГААК, ф. I, оп. I, д. II2, л. 225.

18) ПГАДА, ф. I40I, оп. I, д. 15, л. 3.

19) ПГАДА, ф. I40I, оп. I, д. 16, л. 149.

20) ПГАДА, ф. I402, оп. I, д. 8, л. л. 58-60; ф. I40I, оп. I, д. 16, л. 124-125.

21) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 52I,

На 25 октября 1757 г. за 1756 г. не поставили по 5 пудов муки с ревизской души 87 бердских крестьян. Когда в ноябре 1757 г. их попытались выслать с провиантом, некоторые из них оказались на промыслах "без ведома команды", о некоторых неизвестно было, где они вообще находились. Крестьянин д. Мауровой О. Елков, оказывается, переехал в д. Усть-Поспелку на Алее, не поставив на Барнаульский завод 10 пудов муки по расположению за 1756 г. ²²⁾

Исследователи обратили внимание на обременительность для крестьян обязательных поставок провизита. В 50-е годы с ревизской души полагалось поставлять по 5 пудов муки, в отдельные годы с крестьян требовали даже по 12 пудов муки с души ²³⁾.

Иногда удается установить, во что обходилась крестьянской семье поставка провизита. В 1761 г. крестьянин И. Лебедев был старостой Умревинского острога вместо умершего старости И. Чепчугова. "Наложный" на И. Лебедева провиант (10 пудов) в Барнаульский завод отвез чаусский разночинец И. Потеряев, которому И. Лебедев заплатил за это 2 рубля 50 коп. ²⁴⁾

В 1763 г. горное начальство констатировало, что многие чаусские крестьяне нанимали своих односельчан в поставку провизита. В 1772 г. за поставку с опозданием 58 пудов муки бердский крестьянин В. Рыбин был наказан батогами. Оказалось, что его сын вывез муку вовремя, довез ее до д. Нечунаевой, но из-за начавшейся распутицы оставил муку у крестьянина П. Нечунаева, который за 1 руб. 16 коп. согласился отвезти провиант после распутицы на рудник, но почему-то не отвез его к месту назначения ²⁵⁾.

Ответственность за поставки крестьянами провизита горное начальство возлагало на земских управителей. В их обязанность входило принимать все меры, чтобы провиант поставлялся на рудники и заводы в срок.

Вместе с тем горное начальство хорошо понимало, что одними мерами принуждения нельзя обеспечить поставку крестьянами провизита и фуража, что для выполнения поставки по раскладу необходимо создать в приписной деревне материальную базу. Условием этого было прежде всего занятие всех приписных крестьян земледелием.

оп. I, д. 9, л. 105.

22) ПГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 19, лл. 153-154, 250, 281.

23) С. С. Лукичев. Указ. соч., с. 39. По подсчетам С. С. Лукичева получается, что в 1777 г. обязательные поставки составили 2,5 пуда с души.

24) ГАТО, ф. 521, оп. I, д. 12, л. 252.

25) ГААК, ф. I, оп. I, д. 313, л. 169; ПГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 23, лл. 273, 280.

вых и служащих продуктами питания можно только путем принудительных поставок провианта на всех крестьян. Еще в 1749 г. после неудачной поездки в деревни Малышевской и Белоярской слобод с целью покупки хлеба у крестьян "по вольным ценам" П. Старцев предложил канцелярии горного начальства: "...окой провиант расположить на приписных к заводам в слободах и острогах крестьян по числу душ с каждой по 2 пуда или по чем придет". П. Старцев считал, что если на всех крестьян располагать поставку провианта, то им всем придется заниматься хлебопашеством. Канцелярия горного начальства пришла к выводу, что доводы П. Старцева заслуживают внимания. В январе 1750 г. ему было предложено подсчитать, сколько хлеба должна поставить каждая "годная душа"¹⁴⁾.

Лето 1750 г. было неурожайным, горное начальство объявило крестьянам, что оно надеется на привоз ими провианта на Барнаульский и Колыванский заводы. Однако в декабре 1750 г. в указе канцелярии Бийской судной избы отмечалось, что "ежели паче чаяния того провианта к покупке у вольнопродающих не сыщется или хотя б оной сыщется да просить за оной продавцы будут високою ценою, то в таком случае оного не покупать". В этом же указе П. Старцеву снова предписывалось подсчитать, сколько хлеба должно приходиться на каждую годную крестьянскую душу. С 1751 г. на каждую годную душу приписные крестьяне должны были поставить от 2 до 3 пудов муки¹⁵⁾. Фактически это означало введение дополнительной повинности для приписных крестьян.

Вскоре горное начальство столкнулось с новой трудностью. Оказалось, что не все крестьяне могут поставить даже 2-3 пуда муки. Посланный в деревни Бийской судной избы для отправки крестьян с провиантом солдат Ф. Количев сообщал канцелярии горного начальства, что некоторым крестьянам нечего было поставлять, в частности "...у Тихона Бабинова хлеба нет, он же стар и дрожит, а Якова Шипунова да Андрея Обоскалова в сыску не явилось". Горное начальство приказало поставку провианта за Т. Бабиновым переложить на окладчиков, остальных крестьян (Я. Шипунова и А. Обоскалова) сыскать и если они окажутся не в состоянии поставить провиант, взнискать его тоже с окладчиков. На это судная изба рапортовала: "... по осмотру он, Яков Шипунов, явился весьма скуден и едва себе на пропитание имеет. А Андрей Обоскалов от Бердской судной избы взят в вечные гор-

14) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, д. 7, лл. 17-17 об. Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР) ф. 468, оп. 18,

д. 151, л. 3

15) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, д. 7, лл. 215, 215 об., 218.

Следует отметить, что некоторые исследователи недооценивают заинтересованность канцелярии горного начальства в занятии приписных крестьян прежде всего земледелием.

Г.П.Хидков в недавно опубликованной монографии повторяет сделанный им в 60-е годы вывод о свободе приписных крестьян в выборе ими направления своего хозяйства. Он пишет: "Кабинетское управление приписной деревней сводилось к регистрации хозяйственного состояния крестьянства и выколачиванию из него заводских и государственных повинностей. Оно не касалось внутреннего строя крестьянского хозяйства, его организации (что, разумеется, вовсе не исключало дикого произвола земских управителей). Приписной крестьянин был свободен в выборе направления своего хозяйства... и способов его ведения"²⁶⁾.

Вывод Г.П.Хидкова безоговорочно распространяется на весь дореформенный период, в том числе и на время складывания приписной деревни на Алтае в течение всей второй половины XVIII в. Факты же свидетельствуют о том, что вмешательство земских управителей во внутренний строй крестьянского хозяйства нельзя сводить лишь к их дикому произволу. Оно было в значительной мере результатом проведения определенной политики горного начальства по отношению к крестьянскому хозяйству приписной деревни.

С начала 1748 г. горным начальством было вменено в обязанность десятским следить за тем, чтобы все крестьяне "...сверх надлежащего про них домового обиход в запас и на продвжу еще для заводского расходу на каждую душу посеяли всякого хлеба по три четвертина", об "огурщиках" и "ленивцах" сообщать приквзчикам и старостам"²⁷⁾.

Когда в январе 1755 г. канцелярия горного начальства сделала очередной запрос во все судные избы об исполнении указов, обязывающих крестьян заниматься земледелием, она получила весьма неутешительные ответы. Например, Бийская судная изба 27 февраля 1755 г. сообщала: "... сверх надлежащего про домового обиход в запас и на продажу на каждую душу всего хлеба по 3 четверти до сега сеяно было и ныне то чинится, а у других и в поля (половины А.И.) того не сеяно за тем, что якобы во время хлебопашества не сработав своих повытков из работы не отпускают за тем непапка явилась, а другие за скудостью лошадей"²⁸⁾.

26) Г.П.Хидков. Кабинетское землеустройство (1747-1917 гг.). Новосибирск, 1973, с.110.

27) ЦГАДА, ф.1402, оп.1, д.6, л.96.

28) Там же, д.10, лл.132, 134.

В ноябре 1756 г. последовал новый указ горного начальства, согласно которому земские управители должны были "крестьян накрепко к хлебопашеству принуждать, чтобы они ежегодно хлеба ржи, ярицы, пшеницы, овса, ячменя сеяли с довольностью и каждый против того, что на их домовое содержание потребно, сеяли бы излишнюю десятину по 3 и к тому их неослабно понуждать и кто нерадивы будут, об оных в канцелярию рапортовать"²⁹⁾. Известны случаи, когда предписывалось наказание батогами крестьян "за непорядочное убрание оногo" (хлеба, который осенью после уборки погнил до дождей.- А.К.)³⁰⁾.

Указ от 16 октября 1759 г. обязывал приписных крестьян "чтобы оные с начала лета 1760 г. хлебопашество умножили против прежнего каждый человек одной третью а кто более того пожелает то и лучше, дабы провианта к заготовлению на заводы и рудники в заводском ведомстве было довольно без нужды, и о том велено во всех деревнях публиковать и выставить билеты"³¹⁾.

В следующем 1760 г. специальным указом предписывалось "...каждому человеку хлебопашество производить холостым по 3, а женатым по 5 десятин, для чего им под хлебопашество и земли отвести, дабы через то можно было провианта умножить и при заводах и рудниках оным удовольствоваться"³²⁾.

Горное начальство не ограничивалось тем, что приказывало крестьянам, не занимавшимся земледелием или не имевшим посева в предусмотренном размере, обзаводиться пашней и расширять ее, оно возлагало определенные надежды на состоятельных крестьян. Канцелярия горного начальства постоянно предупреждала крестьян о том, что "...ежели которые о заведении домов и в произведении хлебопашества рачить и оногo иметь не будут, то без всякой очереди будут в горную и заводскую работу отданы"³³⁾.

Вместе с тем начальство искало новые пути, которые создали бы условия для занятия земледелием всех приписных крестьян. В февральском указе 1764 г. отмечалось: "которые из крестьян за ленивостью и непостоянством и нерачением своим от хлебопашества и постоянного жилья убегают и лошадей у себя не имеют и о том немало не стараются и за несостоянием их и плутовством и вертопраше-

29) ПГИА, СССР, ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 3.

30) ПГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 24, л. 738.

31) ПГИА СССР, ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 4.

32) Там же, л. 4.

33) Там же, л. 5.

ством принуждены за них тягость нести постоянные крестьяне с немалым изнурением, таких управителям и старостам и всем мирским людям для всеобщей пользы стараться к постоянному житию и хлебопашеству всеми мерами приводить и крепко принуждать, чтобы чрез то они поправились и добрым людям в помощь, а не в отягощение себя приводили и обществу были полезны".

В качестве практической меры предлагалось несостоятельных крестьян "...сколько можно таковых от работы уволить и положить на деньги, и приписав отдать в крепкое смотрение и понужение тех или самых ближних деревень прожиточным крестьянам, с таким приказанием и обязательством, чтобы те добрые крестьяне оных ленивцев и шатунов употребляя себе в работу и за то ссуждая на семена хлебом к хлебопашеству и постоянному житию накрепко всеми мерами неослабленно понуждали и от ленности неотменно отвращали, дабы они чрез работы и труды дома свои и лошадей завели и первый год хотя десятины по три хлеба запахали и год от году умножали". В случае же если "прожиточные" крестьяне "...о том прилежания и всекрайнего старания и крепкого понуждения иметь над ними не будут, то принуждены будут за них платить подати и исправлять работы даже до будущей впродь ревизии". Что касается крестьян, которые с помощью "прожиточных" не станут заниматься хлебопашеством, горное начальство предупреждало, что "...те цути и ленивцы, шатуны и бродяги определены будут вечно в горную работу с дачей одного дневного пропитания, то есть хлеба и воды"³⁴⁾.

В заводском ведомстве широко практиковалось определение в вечную горную работу крестьян, не занимавшихся земледелием. 30 сентября 1751 г. канцелярия в рапорте кабинету сообщала о том, что ею определены в вечные горные работники 100 крестьян, которые "домов и пашен довольно не имеют и в крестьянах быть по многим обстоятельствам не способны и не прочны"³⁵⁾.

Во время наборов в рекруты очередность почти не соблюдалась, прежде всего забирались несостоятельные крестьяне. С 1765 по 1773 гг. в рекруты было взято из числа приписных крестьян 1.948 душ, ежегодно бралось от 267 до 392 человек³⁶⁾. Обычно брался 1 рекрут с каждых 100 или 150 душ приписных крестьян. Документы свидетельствуют о неравномерности распределения по деревням количества взятых рекрутов. Например, после III ревизии в 1782 г.

34) ЦИА СССР, ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 5.

35) ЦИА СССР, ф. 469, оп. 18, д. 99, лл. 27-29.

36) ЦИА СССР, ф. 468, оп. 18, д. 163, л. 42.

было взято в рекруты в селе Легостаевском из 102 рев. душ - 13, в дер. Шипкиной из 86 - 3, в дер. Медведцкой из 71 - 4, в дер. Мостовой из 45 - 4, в дер. Шипуновой из 37 - 2, в дер. Кинтерепской из 33 - 1, в дер. Суседовой из 20 - 1. Эта неравномерность объяснялась в значительной степени принципом, которым руководствовались при наборе в рекруты. Он четко излагался в предписаниях канцелярии "прислать годных по очереди, от семьи или по выбору мирских людей, а паче таких, которые пашен и постоянных крестьянских домов и пожитков не имеют, слоняются по степям и озерам, к хлебопашеству и домоводству не радеют"³⁷⁾.

Таким образом, происходило насильственное обращение крестьян и мастеровых путем рекрутских наборов. Набор в рекруты наименее состоятельных или совсем не имевших хозяйства крестьян был одним из средств политики нивелирования, которую проводило горное начальство по отношению к приписным крестьянам.

В заводском ведомстве применялись на практике и другие средства при осуществлении этой политики нивелирования. Выше уже говорилось о такой мере, как прикрепление несостоятельных крестьян к зажиточным, последние должны были не только заботиться об использовании труда несостоятельных крестьян в своих хозяйствах, но и обеспечивать их семенами, скотом, содействовать, чтобы те обзаводились собственным хозяйством. В неурожайные годы горное начальство нередко выдавало приписным крестьянам семена для посева 38)

Политика горного начальства по отношению к крестьянскому хозяйству была подчинена тому, чтобы приписная деревня давала в достаточном количестве продукты питания, сырье, фураж, необходимые для дальнейшего развития горнозаводского хозяйства. А это было возможно лишь при наличии у крестьян хозяйства, которое обеспечивало бы нужды не только крестьянской семьи.

Но жизнь убеждала заводскую администрацию в том, что несмотря на многочисленные указы канцелярии, строгие меры по отношению к крестьянам, которым по тем или иным причинам так и не удавалось завести хозяйство или поддержать его на прежнем уровне, несмотря на отбор из крестьянской среды во время рекрутских наборов несостоятельных крестьян, в приписной деревне постоянно были беспосевные и безлошадные. Да и среди тех, которые имели посеви, рабочий и продуктивный скот, было немало крестьян, едва-едва сводивших концы с концами. Поэтому на них горное начальство не мог-

37) История Сибири, т. II, с. 237.

38) ЦГАДА СССР, ф. 1402, оп. I, д. 35, л. 30.

ло возлагать надежд как на поставщиков провианта, фуража и сырья.

Канцелярии горного начальства хорошо было известно об отношении приписных крестьян к обязанности отправлять провиант на заводы и рудники. В одном из донесений кабинету С.Христиани сообщал, что "...крестьяне ту за деньги поставку и паче за отдаленностию провоз по обыкновенной лености считают за тягость немалую и чтоб того избежать скрытно старались (особливо которые от завода живут недалеко) хлебопашество уменьшить, дабы за малоимением оного за своим обиходом избыть той поставки"³⁹⁾.

Главную причину сокращения посевной площади в хозяйствах приписных крестьян С.Христиани видит в "лености" и "обыкновенном великом нерадении и пренебрежении здешних людей к земледельству и хлебопашеству". Истинная же причина крылась, конечно, не в "лености" и "нерадении", а в незаинтересованности крестьян поставлять продукты своего труда в казну по принудительным ценам. Именно этим можно объяснить горькое признание С.Христиани: "...редко кто бы старался напакать хлеба сверх того, сколько за своим обиходом надобно"⁴⁰⁾.

Для заводов и рудников в 50-60-е годы XVIII в. приписные крестьяне поставляли ржаную муку по цене 10-12, реже 14-15 коп. за пуд, в то же время многие из них продавали для линейных войск пуд ржаной муки по действительно вольным ценам в 16, 17, 18, 23, 25 коп.⁴¹⁾ С.С.Лукичев установил, что в 1761 г. ржаная мука при заводах и рудниках продавалась даже по 40-50 коп.пуд. А крестьянам было приказано в том году платить по 20 коп. за пуд. В 1775 и 1776 гг. в Змеиногорском руднике рыночная цена на ржаную муку составляла 25-27 коп. за пуд, крестьянам за поставляемую по принудительному раскладу муку платили по 12 коп. за пуд. Цены на муку на местных рынках также стояли выше закупочной цены, установленной горным начальством⁴²⁾.

Для 30-40-х годов XVIII в. М.М.Грэмько выявила один из важных каналов сбыта хлебной продукции Сибири жнным соседям скотоводам. В период формирования кабинетского хозяйства на Алтае местом торговли с жнными соседями стали иртышские крепости⁴³⁾. Некоторые крестьяне, ездившие продавать хлеб в крепости, на обратном пути везли соль, которую они продавали односельчанам. 24 июня 1755 г.

39) ЦИА СССР, ф.468, оп.18, д.147, лл.1,1-об.

40) ЦИА СССР, ф.468, оп.18, д.147, лл.1,1-об.

41) ЦИА СССР, ф.468, оп.18, д.151, лл.11-12; ЦГАДА, ф.1402, оп.1, д.14, лл.59,215; д.18, лл.260, 261.

42) С.С.Лукичев. Указ.соч., с.39-40; ЦИА СССР, ф.468, оп.18, д.290, лл.608-613.

43) История Сибири, т.П, с.212.

с "воровской потаенной солью" был встречен соляным смотрителем кузнецким казаком Ф. Шангиным крестьянин д. Хлопуновой И. Хлопунов. На 6 лошадях он вез 77 пудов соли, которую взял на Боровом озере "едучи из крепости Семипалатской куда ездил для продажи со собственного своего хлеба самовольно без письменного вида". Продал он в крепости не менее 120 пудов хлеба. Командующему при озере и драгунам И. Хлопунов дал за разрешение взять соль 90 коп. деньгами и 2 пуда ржаной муки. И. Хлопунов намеревался соль "на свою домовую нужду употребить а достальную разным людям продать". В предыдущем 1754 г. при возвращении из Семипалатинской крепости он привез 10 пудов соли, из них 2 пуда продал, взяв по 10 коп. за пуд⁴⁴⁾.

В связи с увеличением числа мастеровых и служащих потребности в продуктах крестьянского хозяйства на Алтае возрастали. Ежегодно большое количество хлеба требовалось для линейных войск. Но условия сбыта для крестьян были очень невыгодными. Правда, военные команды соглашались покупать и покупали у приписных крестьян хлеб по ценам выше тех, что устанавливало горное начальство при оплате поставок на завод и рудники. Но продавать хлеб для линейных войск крестьяне практически не имели широких возможностей. Специальными указами канцелярия горного начальства разрешала крестьянам продавать хлеб на линии только после того, как они доставят требуемую часть провианта на заводы и рудники, притом в одном из указов оговаривалось, что даже после этого крестьяне могут для войск продавать хлеб лишь при условии, что не будут просить за него высокие цены. Крестьяне, которые продавали хлеб для линий, подвергались даже телесному наказанию⁴⁵⁾. Но и этой мерой горное начальство не могло добиться того, чтобы приписные крестьяне не продавали хлеб для линий. Они и в дальнейшем стремились продавать продукты своего труда не на заводах и рудниках.

В январе 1762 г. в предписании Бийской земской избе горное начальство выражало крайнее беспокойство по поводу того, что "многие крестьяне меж собою в деревнях от малодумия своего разглашают якоб привозимой для удовольствия людей на продажу провиант здесь здесь дешев и тем своим пустым разглашением многим навели сомнение и от того сюда привоз и продажа весьма мало бывает". Крестьянам предлагалось без боязни привозить провиант для продажи на заводы и рудниках. Горное начальство гарантировало в случае, если крестьяне не сумеют распродать привезенный ими провиант, при

44) ГААК, ф. I, оп. I, д. 156, л. 117.

45) ЦИА ССР, ф. 468, оп. 18, д. 151, лл. 2, 5, 6.

нять его в казну (ржаную муку по 15 коп., крупу по 20 коп. пуд)⁴⁶⁾.

Несмотря на заверения судных изб в том, что все крестьяне провиант возят только на заводы и рудники, горному начальству было известно, что "крестьяне остальной от прошлых лет хлеб продают в посторонние другого ведомства места, яко то в Томск и Кузнецк и прочие места приезжающим разного звания людям"⁴⁷⁾.

В 1764 г. горное начальство узнало о "непорядочной" покупке в заводском ведомстве провианта для военных линий адъютантом Павлуцким. Оказалось, что сам он у крестьян хлеб не покупал, а договаривался со скупщиками, которые "...не токмо в отдаленных отсюда местах (где крестьянам не запрещалось продавать хлеб для линий. - А.Ж.), но в Бердской, Белобоярской и Малышевской слободах и подъезжая в близость к заводам у крестьян покупают так же не менее как двойною ценою". Об этом факте горное начальство сочло необходимым сообщить кабинету, жалуюсь на то, что "привоз в здешний завод на вольную продажу провианта вдруг пресекается и служители претерпели немалую нужду"⁴⁸⁾.

По приказу горного начальства земские управители, разыскав скупщиков хлеба, направили их в канцелярию, где над ними был учинен допрос. Среди выявленных скупщиков, подрядившихся в поставку ржаной муки на Кабановскую защиту и Красноярскую пристань, были крестьяне Чаусского острога К. Барышев, В. Пleshков, И. Кусов, Сосновского острога Я. и И. Карташови, Прошин, цеховой Барнаульского завода А. Звягин, томский посадский И. Губенский, тарский житель Губин, бердские крестьяне К. Щербаков и П. Кошкаров, крестьянин ведения Барнаульской земской избы М. Токарев. За исключением трех последних скупщиков, все они имели право продавать на линии хлеб собственного производства либо купленный в отдаленных от заводов и рудников местах. Павлуцкий заплатил скупщикам за поставленную муку по 23 коп. за пуд. Все они отдали ему взятку по 1 коп. с пуда за допуск к подряду.

А. Звягин подрядился поставить на Кабановскую защиту 1500 пудов, привез 200 пудов муки, купленной им у бердского крестьянина Г. Казанцева по 15¹/₂ коп. пуд. На Красноярскую пристань 500 пудов муки собственного производства поставил В. Пleshков. К. Барышев собирался поставить 250 пудов купленной у пяти берд-

46) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, д. 14, лл. 59-59 об.

47) ГААК, ф. I, оп. I, д. 169, л. 118; ЦИА СССР, ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 3.

48) ЦИА СССР, ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 10.

ских крестьян муки (по 15 коп.) ил и "деньги по той цене отданы были", но оказалось, что они ни одного пуда не поставили К.Барышеву, который "затем те деньги взял обратно, а тот провиант 500 пудов поставил он свой домашний". У 6 бердских крестьян купил 320 пудов муки для Красноярской пристани К.Шербаков, да собственного производства поставил туда 435 пудов (всего 755 пудов при подряде в 500 пудов).

П.Копкарову удалось поставить лишь 250 пудов муки вместо 500 пудов по обязательству. Из них 135 пудов он купил у 3 бердских крестьян, заплатив по 16 коп. за пуд.

И.Губенский на Красноярскую пристань привез 450 пудов муки, купленной по 17-18 коп. пуд у крестьян с.Легостаевского. На Красноярскую же пристань И.Кусков подрядился зимой 1763-1764 гг. поставить по 23 коп. за пуд 1000 пудов и летом 1764 г. тоже 1000 пудов. Ему удалось купить у 3 бердских крестьян по 15 коп. 120 пудов муки, у одного по 13 коп. - 20 пудов, в сосновском зимовье у едущих на "Змеевский рудник для вольной продажи" у бердских же крестьян 65 пудов (по 18 коп.), неизвестно у скольких, но тоже бердских крестьян 300 пудов (по 9 коп., причем эти 300 пудов были поставлены в дом И.Кускова, может быть за долги), у чаусских и бердских крестьян (тоже неизвестно скольких) 35 пудов (по 10 коп.) у посадского Г.Цвелева с.Ирменского 200 пудов (по 22 коп.). Г.Цвелев 100 пудов своего хлеба поставил, а 100 купил по 16 коп. у 3 бердских крестьян. Среди продавших тарскому жителю Губину (а своего он купил 500 пудов муки) тоже были бердские крестьяне. Допрошенные скупщики поставили на Кабановскую заштиту и Красноярскую пристань по подряду взысканту Павлуцкому 3745 пудов муки, в том числе 2045 пудов купленной в большинстве своем у бердских крестьян⁴⁹⁾.

Чтобы создать определенную заинтересованность у состоятельных крестьян и после 1749 г. в заводском ведомстве разрешалось крестьянам в счет заводских работ поставлять провиант. В 1762 г. был издан указ, в котором говорилось, что крестьяне, которые "...довольно будут иметь хлебопашество и пожелают поставить на означенные потребности (для заводов и рудников.- А.И.) в казну по умеренной цене за наличные деньги в ближние заводы по 100, в дальние по 50 пуд. с каждой мужеска полу души таких за подушный оклад в заводские работы на располагать"⁵⁰⁾.

Часть крестьян реализовала это право вместо заводских работ

49) ПИА СССР, ф.468, оп.18, д.151, лл.10-14.

50) Там же, д.147, л.2.

поставлять провиант. Крестьяне д. Доктевой Бийской земской избы братья Гилевы в 1766 г. поставили провиант за 4 души (150 пудов крупы на Змеиногорский рудник), в 1767 г. их нет в списках крестьян, поставлявших провиант вместо отправления заводских работ. Один из них, Степан Гилев, внесен в зачетную ведомость, в которой, указано, что он был в пешей работе при Змеиногорском руднике 35 дней, заработав за это время I руб. 75 коп. Ни одного из 4 братьев Гилевых нет в 1767 г. в списках крестьян, которые поставляли провиант в счет подушного оклада. Жители д. Доктевой в конце 1766 г. решили "впредь будущий 1767 г. поставить провиант только за одне годные души, а за негодные заплатить деньгами". Не исключено, что крестьян могли не устраивать предлагаемые канцелярией горного начальства условия поставки. Гилевы могли предпочесть продать имеющийся у них хлеб где-то на стороне и на вырученные деньги нанять за себя в заводские работы. В 1773 г. Степан Гилев продал 1000 пуд. муки "посторонним людям". На 1780 г. 3 дворохозяева Гилевы обязались поставить на Змеиногорский рудник около 900 пудов ржаной муки (по 20 коп. пуд), в том числе только Степан Гилев собирался привезти 600 пудов муки. Гилевы были самые самостоятельные крестьяне д. Доктевой. Об этом говорят данные о посевах и запасах хлеба у них в 1774-1779 гг. Степан Гилев на 8 душ мужского пола имел в середине июля 1774 г. (до уборки нового урожая) в амбарах 730 пудов хлеба, посевы его составляли: в 1774 г. - 30,5 дес., в 1775 г. - 36,5 дес., в 1776 г. - 23,25 дес., в 1777 г. - 29 дес., в 1779 - 22 дес. Сокращение размеров посевов к 1779 г. было результатом семейных разделов. В 1779 г. в д. Доктевой было всего 5 дворов Гилевых, их посевы составляли 65 дес.⁵¹⁾

Зачетные ведомости свидетельствуют о том, что крестьяне Бийской земской избы, поставившие в 1766 и 1767 гг. провиант в счет подушного оклада, в 1768 г. в большинстве своем выполняли заводские работы. В 1767 г. канцелярия горного начальства объявила крестьянам, что для заводов и рудников на следующий 1768 г. требуется 47.832 пуда муки, 1.606 пудов крупы, 2.680 пудов овса. При этом крестьяне были предупреждены, что если не окажется желающих поставить провиант, то он будет расположен на них с учетом урожая каждой семьи, без освобождения от заводских ре-

51) ПГАДА, ф. 1402, оп. I, д. II, л. 433; д. IV, л. 409; д. 26, лл. 451, 466, 412, 413, 537, 315-316; д. 25, л. 87; ГААК, ф. 169, оп. I, д. 33, лл. 130-130 об.

бот. В 1773 г. 40 бийских крестьян обязались поставить провиант вместо заводских работ. Из них 26 крестьян поставляли провиант в 1766 и 1767 гг., а 14 крестьян в те же годы отбывали заводскую барщину⁵²⁾.

Поставка провианта вместо выполнения заводских работ была под силу только состоятельным крестьянам. Для крестьян среднего достатка она была таким же нелегким делом, как и выполнение заводских работ, так как только за 1 душу требовалось поставить в счет заводских работ провиант, достаточный для пропитания 3-5 взрослых членов крестьянской семьи. Вполне вероятно, что крестьяне, поставлявшие провиант в счет заводских работ в определенные годы, в последующее время не могли иметь на это возможности (в том числе из-за частых неурожьев). На 1768 г. не нашлось желающих поставить провиант в счет подушного оклада, поэтому он был расположен на всех крестьян без освобождения их от заводской работы.

Поставки провианта вместо отбывания заводской барщины вели к увеличению последней для малосостоятельных крестьян, так как объем заводских работ, определенный для крестьянского общества, не сокращался⁵³⁾.

В последней четверти XVIII в. горному начальству в снабжении мастеровых и служащих продуктами питания приходилось сталкиваться с уже известными трудностями. Не давали желаемых результатов попытки привлечь крестьян к поставке провианта в счет заводских работ. Иногда горное начальство шло на уменьшение размеров поставок. Горное начальство обещало в 1775 г. освободить крестьян от заводских работ, если они привезут на Змеиногорский рудник 40 пудов ржаной муки, 22 пуда солоду, 12 пудов крупы за душу (за 1772 год полагалось поставить соответственно 50,30,15 пудов). Кроме того, крестьянам было обещано не только освобождение от заводских работ, но и "увольнение" их малолетних детей от высылки на Змеиногорский рудник. На таких условиях за 1775 г. 14 бердских крестьян согласились поставить за 54 души 840 пудов муки, 531 пуд крупы⁵⁴⁾.

С 1779 г. горное начальство перешло к закупкам провианта у

52) ПГАДА, ф.1402, оп.1, д.11, лл.318-319,430-446; д.17, лл.404-409; д.18, лл.337,340; д.23, лл.74-82.

53) С.С.Лукичев. Указ.соч.,с.40.

54) ПГАДА, ф.1401, оп.1, д.25, л.199; ф.1402, оп.1, д.27, л.л.526 - 527.

крестьян по принудительным ценам без освобождения их от заводских работ. Таким путем уже в 1779 г. горное начальство попыталось закупить более 70 тыс. пудов хлеба⁵⁵⁾. На 1793 г. 169 бердских крестьян обязались поставить 15.087 пудов муки⁵⁶⁾. В 1795 г. бийские крестьяне обязались поставить зимним путем около 9 тыс. пудов муки по 49-50 коп. пуд. Причем крестьяне заранее знали, что если они не успеют справиться с доставкой муки к месту назначения в зимнее время и привезут ее летом, то за "неустойку и рассрочку" получают только по 45 коп. за пуд, а "кто сдаст лиш-на хотя до 50 пуд", у тех провиант будет принят и они получают деньги "по рядной цене". Если у кого не хватит хотя бы 10 пудов, предписывалось: "...тех к поставке не принуждать". Последние должны были вернуть полученный задаток с процентами⁵⁷⁾.

За непоставку в срок на линии крестьяне также меньше получали денег, но от продажи пуда муки на линии крестьяне могли и в случае просрочки получить больший доход, чем при поставке ее на заводы и рудники. Крестьяне Бийской земской избы д. Усть-Ануйской на 1796 г. обязались поставить для линии 1500 пудов муки, 1100 пудов поставили в срок, а 420 пудов в том же 1796 г., но позднее обещанного срока. За 1100 пудов муки они получили сполна по 75 коп. за пуд, а за 420 пудов - по 40 коп. Потом им допла-тили за эти 420 пудов до 65 коп. за пуд⁵⁸⁾.

Условия поставок провианта для заводов и рудников не могли устраивать крестьян. Об этом очень наглядно свидетельствует следующий пример. В 1792 г. крестьянин д. Гуселетовой Бердской земской избы А. Просеков получил разрешение на поставку для заводов и рудников 1200 пудов "собственного производства ржаной муки". На 1798 г. он изъявил желание поставить на Змеиногорский рудник и Локтевский завод 3 тыс. пудов "собственного своего хлеба муки ржаной". Земская изба дала "одобрение" в том, что он "при доме своем то количество муки в наличии имеет". Канцелярия горного начальства согласилась заплатить за поставку А. Просековым муки на Змеиногорский рудник по 30 коп. за пуд и на Локтевский руд-ник по 32 коп. за пуд. А. Просеков от поставки муки по предложенной горным начальством цене отказался⁵⁹⁾.

55) Подсчитано по материалам ГААК, ф. 169, оп. I, л. 33, лл. 57-196.

56) ЦГАДА, ф. 1401, оп. I, л. 43, лл. 464-467, 472; л. 44, лл. 274-276 об.

57) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, л. 47, лл. 57-61.

58) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, л. 49, ч. I, л. 80 об.

59) ЦГАДА, ф. 1401, оп. I, л. 42, л. 41 об; д. 51, лл. 156-157.

Трудности в обеспечении заводов и рудников провиантом вызвались тем, что какая-то часть крестьян, изъявивших желание привезти для заводов и рудников хлеб, с поставками провианта не справлялась. В 1772 г. с крестьян взыскивался провиант еще за 1769 и 1770 гг., летом 1778 г. — за 1775—1777 гг.⁶⁰⁾ Из подписавшихся в поставку провианта за 1780 ;1781 гг. на 18 февраля 1782 г. 15 ойских крестьян не довели 1025 пудов муки и 179 пудов крупы⁶¹⁾.

В 1791 г. бердский крестьянин Ф.Мухин поставил на Сузунский завод 100 пудов ржаной муки за 1788 г. В том же году с бердского крестьянина О.Захарова из заработанных им в заводской работе денег было удержано 3 руб.28 коп. "за непоставку провианта по обязательству 1788 г." К 1791 г. 24 бердских крестьянина не поставили около 600 пудов по обязательству за 1784—1788 гг. 53 крестьянина тоже ведения Бердской земской избы в 1791 г. изъявили желание поставить 4 690 пудов муки. Из них 16 крестьян к поставке 1100 пудов "оказались не состоятельны" и им пришлось вернуть "половинные деньги". Некоторые крестьяне в 1794 г. не рассчитались с поставками провианта за 1786—1793 гг. "по неимению хлеба". Часть из них находилась на заводских работах либо неизвестно где⁶²⁾.

Горное начальство и в последней четверти XVIII в. прибегало к прикупительным поставкам провианта. По данным за 1777 г. по подсчетам С.С.Лукичева, на каждую облагаемую ревизскую душу приходилось около 2,5 пудов⁶³⁾. В другие годы горное начальство считало необходимым располагать провиант из расчета по 5 пудов муки на душу. Оно полагало по-прежнему, что "такое невеликое количество по производимому хлебопашеству каждой приготовить и поставить легко может и неотменно должен". Но наученное горьким опытом, оно старалось добиваться того, чтобы раскладчики учитывали возможности каждой семьи. Управлятелям вменялось в обязанность, чтобы обязательные поставки на семью определялись не только по числу душ в ней, но и с учетом урожая и наличного хлеба, кто сколько "по уверению раскладчиков" и по точному "засвидетельствованию по осмотру управительскому" поставить может. Управители, старосты, десятники должны были следить за тем, чтобы крестьяне "онуч поставку провианта чинили не каждою душою особо но собирая по жительству целые возы" поочередно отвозили на завод или рудник⁶⁴⁾.

60) ЦГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 23, лл. 146—147, 149; д. 24, л. 194.

61) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, д. 34, лл. 114—114 об.

62) ЦГАДА, ф. 1401, оп. I, д. 41, л. 500, 545, 546; д. 42, л. 291.

63) С.С.Лукичев. Указ. соч., с. 38.

64) ЦГАДА, ф. 1402, оп. I, д. 27, л. 227.

При необременительном для крестьян, по мнению горного начальства, раскладе обязательных принудительных поставок провианта обычным явлением была задолженность крестьян.

Горное начальство констатировало, что среди крестьян и "в вольную продажу" и к поставке хлеба вместо заводских работ "охотников нет". В то же время ему было известно, что приписные крестьяне продолжали продавать хлеб в запрещенных слободах и деревнях "потаенно посторонним людям, а они под видом якобы для своей надобности подряжаясь ставят подрядчикам" 65).

Особенно большие затруднения горное начальство испытывало в связи с ростом спроса на провиант для военных линий. Оно отмечало, что со строительством казенного магазина в с.Касмалинском вместо заводских работ и на вольную продажу почти не стало "к поставке охотников" в связи с тем, что приказчик казенного магазина производил для линии "потаенную закупку хлеба возвышенными ценами" 66).

Несомненно, крестьяне продавали хлеб для линии на более выгодных для себя условиях. Это признавало и горное начальство. Оно решило запретить всем крестьянам (кроме томских, чаусских и сосновских) продажу провианта казенному магазину в с.Касмалинском. При Змеиногорском руднике, Усть-Каравакшинской и Новоалейской деревнях, а также на всех проседах к военной линии были учреждены "весьма надежные заставы и непрерывные разъезды, которые отнюдь никакого хлеба на линию не пропускали, а отсылали его с нарочными на рудник." За отобранный у крестьян хлеб предписывалось выдавать деньги только жителям Томской, Сосновской, Чаусской земских изб. Предусматривалось, что в случае, если хлеб на линию повезут крестьяне ведения других земских изб "...у таких хлеб отбирать же в казну однако за воровскую продажу огурство и непослушание платы никакой не производить но жестоко наказывать плетью и отпускать в дом" 67).

Командированным от канцелярии горного начальства в с.Касмалинское обер-офицеру и трем солдатам было велено со всех приезжавших "за сдачей в тутошние магазины провианта крестьяне и прочих чинов" спрашивать, кто они, откуда, сколько хлеба привезли и есть ли у них на это билет. Если окажется, что кем-то привезен "закупной" хлеб, следовало подтвердить, у кого, где, сколько хлеба куплено. Нередко

65) ПГАДА, ф.1402, оп.1, д.27, л.227.

66) ПГАДА, ф.1402, оп.1, д.23, л.283.

67) ПГАДА, ф.1401, оп.1, д.23, лл.23-24. На тот факт, что в 70-е гг. крестьянам, кроме жителей деревень ведения 3-х земских изб было запрещено продавать хлеб для линий, обратил внимание еще до-революционный исследователь Н.Зобнин. (Приписные крестьяне на Алтае. Алтайский сборник. Вып.1, Томск, 1894, с.58). Об этом же пишет и С.С.Лукачев, Указ.соч., с.37.

крестьяне старались привезти в Касмалинское село провианта больше, чем было указано в билетах. На эти случаи горное начальство предписывало "...с лишним провиантом присылать суда с нарочным солдатом от коих тот провиант... принимать в казну, выдавая им за оной по учрежденной цене деньги". В случае же "когда здесь магазины будут наполнены, то велеть им (привезшим провиант в с.Касмалинское, - А.Т.)...продавать в базаре по учрежденным же для вольной продажи ценам" (68).

В начале 70-х годов ХУШ в. сибирский губернатор разрешил нежинскому купцу И.Курбанову поставлять на Усть-Каменогорскую крепость в год по 5 тыс. четвертей "собственной своей закупки муки". Горное начальство позволило пролавать хлеб И.Курбанову и его приказчикам только томским, чаусским и сосновским крестьянам и только после того, как они поставят провиант по своим обязательствам вместо заводских работ (69).

Несмотря на строгие запрещения крестьяне продолжали возить хлеб для продажи на линии. Известно, что бердские крестьяне получали задаток за хлеб через крестьянина Ф.Снегирева, который жил в Усть-Каменогорской крепости (70).

Специально приставленный к Бийской крепости следить за тем, чтобы приписные крестьяне не продавали провиант посторонним людям, сержант Еманов жаловался в 1774 г., что они продают хлеб солдатам, денщикам с линии, причем продают его по ночам, в результате чего трудно было поймать продавцов хлеба. Ему все же удалось восстановить, что отдельные бийские крестьяне для линий "потаенно" продавали до тысячи пудов муки (71).

В 1774 г. посадская земская изба г.Барнаула доносила начальнику колывано-воскресенских заводов А.Ирману о том, что многие приписные крестьяне приезжают с товарами в Барнаул "...под видом якобы для удовольствия товарами служителей в здешний и другие заводы и рудники, в самом же деле только появляясь при оных на кратчайшее время иные не разбираясь другие же да и большей частью не будучи в поминутых заводах прямо приезжают в села и деревни и разбегая продают в оных всякие товары" (72). Приезжавшими из других ведомств людьми, по сообщению посадской избы, из горного округа увозилось много скота, сала, кожи и других продуктов сельского хозяйства на Ирбитскую ярмарку.

69) ЦГАДА, ф.1401, оп.1, д.23, лл.172-174.

70) Там же, д.25, лл.61-62.

71) ЦГАДА, ф.1402, оп.1, д.25, л.87.

72) ЦГАДА, ф.1402, оп.1, д.26, л.115.

В ответ на это сообщение А.Ирман издал указ, запрещавший приезжать в заводское ведомство лицам, жившим за его пределами, а крестьянам — продавать скот, "харчевые припасы", кожи и т.д. К указу А.Ирмана была приложена роспись под названием "Какими в селах и деревнях крестьянам товарами торговать". Согласно этой росписи крестьяне могли продавать в слободах и деревнях горного округа деревянные, глиняную посуду, орудия сельскохозяйственного производства, сукна, холст, веревки, нитки, пряжу, одежду, рукавицы, подошвенную кожу, кресты, серьги, перстни, пуговицы, хомуты, ремни, сани, колеса. Перечень товаров, которыми приписные крестьяне могли свободно торговать, большой, но в нем перечислено все, что не требовалось для обеспечения мастеровых и служащих продуктами питания, а заводы и рудники сырьем. Крестьяне не имели права свободно торговать главными продуктами своего хозяйства — хлебом, салом, маслом, кожей. Все это полагалось продавать для заводов и рудников⁷³⁾.

Крестьянам значительно выгоднее было продавать хлеб в Ямышевской, Семипалатинской и других крепостях, чем поставлять его по принудительным ценам на заводы и рудники. В конце XVIII в. в Семипалатинской крепости, например, были ежегодно высокие цены на крупу, муку, из-за частых неурожаев. В "Домовой летописи..." капитана И.Андреева помечено за 1793 г., что "...9 августа приезжающие крестьяне с реки Оби продавали муку оржаную по 50 коп.пуд," что 24 июня 1795г. "мука оржаная продавалась на базаре по 85 коп.за пуд", а 27 сентября 1795 г. его дворовыми людьми было куплено "...пуд пшеничной муки I руб.20 коп., оржаной 5 пудов по 80 коп."⁷⁴⁾

Несмотря на запрещения приписные крестьяне возили хлеб на продажу в крепости, преодолевая при этом расстояние не большее, чем при доставке провизанта на заводы и рудники. Но в крепостях за продаваемый хлеб они получали значительно больше денег, чем за привозимые ими продукты питания для мастеровых и служащих⁷⁵⁾.

Таким образом, приписное крестьянство Алтая было не только источником рабочей силы, но и поставщиком продовольствия для заводов и рудников. Поэтому для Кабинета и горного начальства было не безразлично состояние крестьянского хозяйства приписной деревни.

73) ПГАДА, ф.1402, оп.1, д.26, лл.121.

74) И.Андреев. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. Императ. общество истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871, с.66, 79, 81.

75) Г.Н.Потанин. Материалы для истории Сибири. М., 1867, с.130, 189, 225-230.

Политика Кабинета и горного начальства по отношению к хозяйству приписных крестьян определялась большой заинтересованностью в том, чтобы каждый из них имел устойчивое хозяйство, стремлением сделать каждого приписного крестьянина дееспособной единицей, которая могла бы не только себя и семью содержать, но и работать на заводах, а также обеспечивать мастеровых и служащих продуктами питания.

Заводская администрация по отношению к крестьянскому хозяйству проводила уравнительную политику, политику нивелирования. Все приписные крестьяне по усмотрению горного начальства должны были иметь на менее 3 дес. посевов из расчета на 1 рев. душу. Тех, кто не занимался земледелием, земские управители определяли на работу в хозяйство состоятельных крестьян. Последние должны были не только заботиться об использовании труда несостоятельных крестьян в своих хозяйствах, но и обеспечивать их семенами, скотом, содействовать, чтобы те обзаводились собственным хозяйством.

Земские управители стремились поддержать крестьянское хозяйство принудительными методами, прибегая даже к телесному наказанию крестьян, которым не удавалось завести хозяйство или поддерживать его на прежнем уровне.

Во время рекрутских наборов из крестьянской среды в первую очередь брались несостоятельные крестьяне. Часть крестьян, которые с помощью состоятельных не занимались хлебопашеством, определяли в вечную горную работу.

Горному начальству в конечном счете не удалось добиться того, чтобы на каждую ревизскую душу в заводском ведомстве засеивалось 3 дес. В конце XVIII в. в среднем на 1 рев. душу в приписной деревне Алтая приходилось менее 2 дес. посевов⁷⁶⁾.

В результате того, что крестьяне не были заинтересованы в развитии земледелия из-за невыгодных условий продажи продуктов своего труда, земледелие в горном округе уже в XVIII в. приобрело застойный характер, который был присущ и для всей первой половины XIX в., что убедительно показано С.С. Лукичевым⁷⁷⁾.

76) Подсчитано по материалам ГААК, ф. I, оп. 2, д. 151, лл. 305-310, 313-318, 321, 322-327, 330-340, 342, 343-350, 352-356, 359-365, 369-374.

77) Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в., - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961, Рига, 1963.

Л. П. Белковец

СВЕДЕНИЯ И. Г. ГМЕЛИНА О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ
СИБИРИ

Среди трудов участников академических экспедиций в Сибири XVIII в., пользующихся известностью у историков, важное место занимают работы И. Г. Гмелина.

Профессор Петербургской Академии наук, участник Второй Камчатской экспедиции В. Беринга (1733-1743 гг.), он почти 10 лет провел в Сибири, занимаясь вопросами естественнонаучного изучения края. Труды его в этой области получили широкую известность и заслуженное признание современников и вписали его имя в одну из славных страниц истории Российской Академии наук в XVIII в. Они дают представление об их авторе, энциклопедически образованном ученом, передовом человеке времени, сумевшем сказать свое слово в различных отраслях естествознания.

Плодом десятилетнего пребывания И. Г. Гмелина в Сибири явилось и его четырехтомное "Путешествие по Сибири"¹⁾, путевой дневник, изданный в Геттингене в 1751-1752 гг. Богатый исторический материал этого сочинения, представленный самыми разнообразными сведениями о природе и населении Сибири, породил у историков вполне обоснованный интерес к нему как к историческому источнику. Интерес этот возник давно, начиная с работ о Сибири А. Н. Радищева и П. А. Словцова, и не иссякает до сего времени. В трудах дореволюционных и советских историков А. Н. Пыпина, В. В. Радлова, В. А. Ватина, А. И. Михайловской, В. С. Манассеина, В. Гирченко, Е. П. Силина, С. В. Бахрушина, З. Г. Карпенко, А. П. Окладникова, А. И. Андреева, Э. П. Зинера и других некоторые сведения Гмелина из "Путешествия по Сибири" были введены в научный оборот. Это ни в коей мере, однако, не исчерпало всего богатства исторических известий, содержащихся в дневнике.

Настоящая статья является одной из серии статей²⁾, в

1) I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Bd. 1-4. Göttingen, 1751 - 1752.

2) См. также Л. П. Белковец. Сведения о Сибири в трудах И. Г. Гмелина. - В сб.: Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972; ее же. Сведения И. Г. Гмелина о горнозаводском деле Сибири, о сибирских промыслах и торгах. - "Из истории Сибири", вып. 17. Томск, 1974.

которых автором сделана попытка выявить и систематизировать сведения в трудах И.Г.Гмелина, и в первую очередь в "Путешествии по Сибири", представляющие интерес для историков и этнографов. В данном случае речь пойдет о земледельческом освоении Сибири русским населением.

В дневнике И.Г.Гмелина приводится подробное описание пути, по которому следовал академический отряд экспедиции, перечисляются все встреченные на пути села, деревни, заимки, зимовья. Эти перечисления сопровождаются постоянными замечаниями о том, где меняли лошадей, испытывали ли при этом нужду, связанную с малонаселенностью края. При описании земель часто встречаются указания автора о пригодности отдельных мест для земледелия и скотоводства. Поэтому, следя за описанием пути, можно составить определенное представление о степени заселенности того или иного района, о ходе и некоторых результатах его промышленного и земледельческого освоения.

Это относится прежде всего к районам, освоение которых было начато еще в XVII в., в частности, бассейнов Туры, Томи, Енисея, Лены, Забайкалья. На особую ценность представляют сведения И.Г.Гмелина о ходе начавшегося в XVIII в. процесса колонизации южных районов Урала и Сибири, и в первую очередь Пришимья, Прииртышья, Барабинской степи, Верхнего Приобья и южной части Красноярского края.

Так, дневник И.Г.Гмелина дает возможность увидеть определенные результаты земледельческой колонизации далекой северо-восточной окраины России - бассейна Лены, рассказывает о формах землепользования и занятиях ленских крестьян. Крестьяне селились здесь по берегам Лены и впадающих в нее рек, и вплоть до Чечинского острога деревни встречались довольно часто, хотя все они, как замечает Гмелин, были небольших размеров и состояли в основном из одного двора. Причины этого ученый видел в том, что еланные места, на которых обычно заводил пашню сибирский крестьянин, не велики, растянуты вдоль рек и достаточны для освоения в одном месте лишь одной, двумя крестьянскими семьями.

Плодородные земли по Лене ниже устья Киренги, как и по ней самой, принадлежали Киренскому монастырю, чье господство простиралось до реки Анги, впадающей у Верхоленска

в Лене, на которой находилась самая лучшая его деревня.

Находящиеся в ведомстве Киренского острога крестьяне жили большей частью по берегам Лены и Киренги. Очень плодородные земли отметил Гмелин вокруг Кривошудской слободы и самого Киренского острога, где все овощи и травы достигали необычайно больших размеров³⁾.

16 крестьянских дворов имелось в Чечинском остроге. Одной из самых населенных деревень на Лене была в это время Сполошенская слобода, в ней Гмелин отметил 28 крестьянских дворов. Крупными являлись также деревня у реки Пилуда (10 дворов) и Сухневская (16 дворов). В одном из самых древних русских поселений на Лене, Витимской слободе, основанной одновременно с Якутском, насчитывалось 12 крестьянских дворов.

Были пашни и в Олекминской волости, где проживало в небольших деревнях около 46 крестьян. Гмелин отмечает, что местность вокруг освоена еще недостаточно, хотя земля плодородна и много свободных полей. Автор "Путешествия" рассказывает также о попытках завести пашню в районе Якутска тамошним монастырем, несколько лет проводившим посев ячменя. Ячмень этот в отдельные годы колосился и вызревал, но чаще всего вымерзал, поэтому пашни были заброшены⁴⁾.

Сведения о земледельческом освоении бассейна Лены, приведенные Гмелином в "Путешествии по Сибири", могут быть дополнены известиями из "Предисловия" и первому тому его "Флоры Сибири". В нем Гмелин пишет: "В верьху Лены реки находятся пространные степи, земля весьма тучная и поэтому очень плодородная, да и несколько ниже до самой Илги реки места также весьма хлебородны. Особенно славны места по Илге реке, и как оные, так и другие вверьху Лены лежащие соединены с теми местами, которые на восточной стороне Ангара находятся, так что вся страну с Брацкого острога вверьх по Ангаре, и от вершин Лены до Орленской слободы, включая в то число и лежащие между оными степи до самого хребта Байкал озеро окружающего, не без причины назвать можно житнищев всей почти Иркутской провинции".

Описывая земли по рекам Яне, Индигирке и Колыме, Гмелин сообщает также, что "вся сия страна как весьма гористая и

3) I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 2, S. 279.

4) Ibid., Bd. 2, S. 231, 281-282, 519.

чрезмерно холодная к произрастанию хлеба почти не способна, выключая впадающую в Алдан Амгу реку, где издавна пашня заведена и хлеб изрядно родится; и места вверху Индигирки реки, которой вершины купно с впадающими в нее Омеканом и Мамоя реками до 61 градуса ширины доходят, где также несколько хлебородных мест находится. Сверх того слышно, что и на Уди реке хлеб сеять отведывали однако об успехе опыта мне неизвестно. "Еще слышно, что и в верху Вилюя реки хлеб преизрядно родится"⁵⁾.

Очень интересны и приведенные Гмелином в "Путешествии" сведения о занятиях ленских крестьян. Они сеяли озимую рожь, овес, ячмень, коноплю, в благоприятные годы хорошо вызрела ярица. Так, в Витимской слободе у 59 градуса 28 минут северной широты во время пребывания там Гмелина 9 и 10 августа уже убрали с полей ячмень, а те, кто раньше посеял овес и ярицу, также приступили к жатве. Остальные надеялись начать уборку через 8 дней. Гмелин отмечает наличие в некоторых хозяйствах овощей — брюквы, редьки, репы, капусты, но его удивляет отсутствие среди них лука, который в достаточном количестве выращивается в других местах Сибири и во всей России. В хозяйстве ленских крестьян был скот: быки, коровы, лошади, свиньи, куры. По словам Гмелина, крестьяне используют в своем хозяйстве труд обедневших якутов, беря на себя их содержание и выплачивая за них ясак.

Из-за недостатка свободных от леса мест здешние крестьяне обычно выжигали леса для лугов, сено косили один раз в году (в середине июля) с помощью кос-горбуш (описано их устройство и способ кошения), а затем на этих покосах пасли до зимы скот. "Малый запас пашни, — пишет Гмелин, — привел к тому, что крестьяне здесь удобряют свои поля, так как должны пользоваться ими все годы, что в других местах Сибири является неслыханным делом"⁶⁾.

Большие выгоды приносила ленским крестьянам охота на белок. Во всех деревнях на пути от Усть-Кута до Усть-Илчи крестьяне занимались этим промыслом. При охоте на белок, как отмечает Гмелин, — пользуются ловушками, "плашками". Они

5) Перевод с предисловия, сочиненного профессором Гмелином к первому тому Флоры Сибирской. СПб., 1747, с. 39, 40,

47. 6) I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 2, S. 169, 290.

состоят из двух досок, скрепленных с одной стороны и разделенных с другой палочкой. Между этими досками кладут прищепку и подвешивают ловушку на дерево. "У иного крестьянина, — пишет Гмелин, — имеется до сотни таких ловушек, и главная охота происходит с начала марта до середины апреля". Многие на это время уходили в лес и жили там постоянно, чтобы вовремя настраивать ловушки, поэтому строили в тайге избушки. Другие, чьи ловушки находились недалеко от деревни, уходили в лес на 5-6 дней.

"Насколько выгодно это занятие легко можно понять по тому, что многие нанимают работников на год, заработком для которых служит третья часть добычи. Если же берут работников за деньги, то платят им редко меньше 20-25 рублей в год и содержат их за свой счет. Сбыт пойманных белок не составляет большого труда для крестьян; так как хотя они и не лучшего сорта, иркутские купцы регулярно присылают сюда своих людей... Тысяча белок стоит 27 рублей⁷⁾.

Помимо белок крестьяне охотились на кабаргу и косуль, на охоту выходили с собаками, которые загоняли животных в узкие места, где расставлены ловушки (Schlingen). Применялись также и самострелы, заимствованные русскими жителями у тунгусов.

Кроме того, ленские крестьяне поставляли муку в Якутск. Особенно много ее поступало с Илги-реки. Перевозку муки, как правило, осуществляли на плотах, нагружая на каждый от 1 до 2 тысяч пудов муки в устроенный из досок в центре плота загородку. В Якутске муку продавали вместе с плотами, которые тамошние жители использовали на дрова. Крестьяне отплывали на плотах с началом навигации и успевали домой этим же летом. Иногда случалось, что якутские жители не покупали у них всю муку, если ее прибывало очень много, тогда ее закупала по сниженной цене воеводская канцелярия, с тем, чтобы у крестьян не исчезло желание приехать сюда в другой раз⁸⁾.

Подобный способ перевозки муки был перенят у ленских крестьян и казенными поставщиками. Однако, как замечает Гмелин, это дело не идет у нас так гладко и дешево, как у крестьян. Нагружается на казенные плоты в 2 раза меньше

7) I.G.Gmelin. Reise..., Bd.2, S.233.

8) Ibid., Bd.2, S. 252.

муки, и сопровождает каждый плот по 8 человек, в то время как крестьяне обходятся четырьмя, а на отправляющихся "по первой воде" плотам и двумя работниками. Причем, казенные плоты были худшего качества, и портилось и мокло муки на них значительно больше.

Ленские крестьяне брали также подряды на поставку соли. У соляных варниц на реке Куте Гмелин встретил крестьянина из Усть-Кута, который подрядился за определенную цену поставить соль в Чечинский острог. Соль была нагружена на плот и покрыта берестой. Естественно, она мокла от речной и дождевой воды. Но, как замечает Гмелин, это приносило только выгоду поставщику, поскольку мокрая соль имела больший вес. Крестьяне же умели держать ее в таком состоянии, чтобы она не растворялась и была в меру сырой. Староста, принимавший соль, как правило, также не оставался в накладе от недостатка веса, он находил другие способы обмануть крестьян⁹⁾.

Своеобразным промыслом ленских крестьян была разработка слюдяных месторождений на реках Маме и Витиме. По сведениям Гмелина, Витимская слобода уже 40 лет славилась прекрасной слюдой, которую добывали в здешних местах ее жители. Но ко времени прибытия в нее академического отряда, на протяжении нескольких лет добыча не велась, так как старье шахты все исчерпали себя. Для поисков новых месторождений крестьяне не имели времени, поскольку Камчатская экспедиция прибавила им много работ. "В нынешнем году, — пишет Гмелин, — они снова начали искать слюду, но четверо из них уже вернулись, ничего не найдя. Через два дня после нашего прибытия мы узнали, что другие, которые еще оставались в местах, где встречается слюда, нашли прекрасное месторождение и занялись его разработкой"¹⁰⁾.

Неподалеку от Пеледуйской слободы Гмелин проехал мимо двух заимок — Недостреловой и Хамриной (или Федосия Корнилова). На обеих заимках находились пашни и дом. Основатель и бывший хозяин последней был известен в округе как торговец слюдой. Он один имел разрешение добывать слюду, нанимал для этой цели за небольшую плату работников и вместо 1/10

9) I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 2, S. 269.

10) Ibid., Bd. 2, S. 309-310.

поставлял в казну $1/5$ часть добычи. Лишь после его смерти каждый вновь получил право свободно копать слоду, отдавая $1/10$ -ю часть ее в казну¹¹⁾.

Дневник Гмелина наглядно отражает феодальную зависимость сибирского крестьянства. Настоящим бедствием для ленских крестьян являлся принудительный труд на судах, везущих по Лене различные грузы. Объем перевозок значительно увеличился в связи с Камчатской экспедицией, так как все необходимые для нее в Охотске и на Камчатке грузы переправлялись туда по Лене. Крестьяне постоянно отрывались от своих хозяйств даже в страдное время года, что вызвало у Гмелина серьезные нарекания в адрес сибирской администрации, которая перекладывала на плечи крестьян всю тяжесть работ по транспортировке грузов, позволяя откупаться от них служилым людям.

"Кто же будет пахать землю, — с горечью спрашивал ученый путешественник, — если крестьян употреблять на таких работах. Ведь и для этих работ, и для других служб имеются служилые люди, однако они откупаются от них и идут только туда, где можно что-либо получить для себя, легко договариваясь об этом с воеводами, так как последние не имеют других целей, кроме обогащения. Я мог бы привести бесчисленное множество примеров того, но даже воспоминание о том мне уже противно"¹²⁾. (Сами ученые употребляли все старания к тому, чтобы освободить крестьян от необходимости сопровождать их отряд, даже если им приходилось задерживаться на несколько дней и ждать прихода другой рабочей силы, как это было в Усть-Куте¹³⁾).

И. Г. Гмелин показывает, что не всегда крестьяне, осваивающие в таких условиях и чаще всего в одиночку суровый ленский край, выходили победителями из схватки с природой. Если некоторые из них и имели хорошие средства, чтобы "предаваться кутежам" и наряжать своих жен в шелковые платья, то многие вынуждены перенимать у якутов их образ жизни, жить в юртах, питаться продуктами охоты и рыболовства, постепенно забывая русский язык и порывая связь с земледельческим трудом¹⁴⁾.

11) I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 2, s. 377.

12) Ibid., Bd. 2, s. 251.

13) Ibid., Bd. 2, s. 268.

14) Ibid., Bd. 2, s. 252, 370.

Таковы приведенные в дневнике Гмелина сведения о крестьянском освоении бассейна Лены.

В "Путешествии по Сибири" содержатся также известия о ходе начавшегося в XVIII в. колониационного процесса в Прииртышье. Поднимаясь вверх по Иртышу летом 1734 г., Гмелин посетил и описал русские форпосты — крепости Омскую, Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую. Все они располагались на восточном берегу Иртыша и являлись единственными, лежащими южнее Омска населенными пунктами в этом районе.

Опасность военных столкновений с кочевыми племенами степи¹⁵⁾, заставляла укреплять русские форпосты на Иртыше. Крепостные стены их были снабжены бастионами, стрелковыми башнями, окружены рвами, испанскими рогатками и надолбами (последние возводились только в этом районе для защиты от кочевников, осуществлявших набеги верхом на коне). Особенно хорошо была укреплена самая южная на Иртыше крепость — Усть-Каменогорская, крепостные сооружения которой были обнесены валом, защищенным от частых смерчей фашинами. В нижней части вала был сооружен частокол, а за ним — глубокий ров. В крепостях расквартировались гарнизоны солдат и служилых людей, в Железинской крепости их было 170, в Усть-Каменогорской — 150.

Военно-служилое население крепостей не занималось хлебопашеством. Все необходимые для него продукты доставлялись из Омска, Тары, и Тобольска. Однако это снабжение не всегда было регулярным, и гарнизоны крепостей вынуждены были питаться главным образом рыбой и мясом дичи, запасаая их впрок, высушенными на солнце. В пищу употреблялось мясо обитающих в прииртышских степях маралов, козлов, диких коз (сайгаков и степных баранов-аргалов), сохатых, диких кабанов.

Но в гарнизонах Усть-Каменогорской крепости Гмелин называет уже женатых служилых людей, которые строили себе отдельные дома вне крепости, разводили огороды, где выращивали арбузы и калмыцкие огурцы — сорт дынь, отличающийся прекрасными вкусовыми качествами. Подобные огороды, расположенные между рогатками и надолбами, были и в Семипалатинской крепости.

15) I.G.Gmelin. Reise..., Bd.1, s.214-215.

Гмелин упоминает также и о других русских укреплениях на правом берегу Иртыша, которые были скрыты или заброшены с установлением относительной безопасности этих мест. Это заброшенный станец в 88 верстах ниже Ямышевской крепости и место на берегу Иртыша, в 20 верстах ниже впадения в него реки Убы, где располагалась скрытая позднее первая русская крепость на Иртыше - Убинская.

Вслед за военно-служилым населением в Прииртышье шли и промышленные люди, которые обосновались в Семипалатинской крепости, где строили дома в промежутке между рвом и рогатками. "Промышленные избышки" видел Гмелин и в 96 верстах выше Железинской крепости. В них жила группа из 4-5 человек, жителей города Тары, объединившихся для ловли рыбы и охоты на дичь. Они "решились на этот способ пропитания, - замечает Гмелин, - так как иначе, по их заверению, не имели возможности уплатить в казну подушную подать. Осетров, шук, линеи и язей они сушат на солнце, окуней, ершей, карасей и другую негодную для засушки рыбу выбрасывают обратно в реку. Дичь сушат таким же образом... Осенью возвращаются они со своей добычей домой и продают ее, а зимой вновь приходят или в свои старые, или, что обычнее, в другие, построенные на восточном берегу избышки, ... и охотятся всю зиму" ¹⁶⁾.

Недалеко от реки Убы Гмелин упоминает также избышку, построенную кузнецким промышленником ¹⁷⁾.

Русские начали промысел соли на Ямышевском озере, запасы которого очень велики, так что ее, по мнению ученого, достаточно для обеспечения 50 таких провинций, каковыми являлись Тобольская и Енисейская. Началось освоение и других богатств природы иртышских степей: из соленых озер, расположенных в 66 верстах выше Омска, алтайские горняки выпаривали соль, похожую на глауберову, и применяли ее вместо английской соли.

Интересные сведения сообщает дневник И.Г.Гмелина и об освоении отдельных районов Красноярского края. В пределах края Гмелин совершил три поездки: первую вместе с Г.Ф.Миллером по Минусинской котловине в августе-октябре 1739 г., во время которой посетил Саянский и Абаканский остроги,

16) I.G.Gmelin. Reise..., Bd.1, S.190-191.

17) Ibid., Bd.1, S.228.

Ирбитский железодобывающий и Лугавский медеплавильный заводы и медные рудники Сыринский (Сырский), Базинский, Майнский, Коксинский. Гмелин почти не нашел здесь русского земледельческого населения (всего 5 деревень названы им в пределах Минусинского края). Оставшиеся от этой поездки описания были использованы уже В.А.Ватиным, опиравшимся на них и при характеристике нерусского населения котловины, и при освещении вопросов колонизации края, и заведения в нем горного и заводского дела¹⁸⁾. Поэтому, отсылая интересующихся к работам В.А.Ватина, остановимся на двух других поездках ученого в пределах Красноярского края.

Заселение и освоение отдельных земель этого края проследивается по путевым записям Гмелина, которые отложились во время его поездки из Красноярска летом 1740 г. к соляным варницам на Усолке. На пути к Канскому острогу Гмелин проехал мимо двух деревень, Березовки и Кузгунской, да и те располагались вблизи Красноярска. На остальном пути имелись лишь почтовые станции и зимовья. Разговорчивый смотритель почтовой станции на реке Уяре на вопрос ученого о том, почему не населена такая прекрасная местность, ответил, что некоторые крестьяне подавали прошения о переводе их в эти места, но получили отказ. На реке Рубне в полуверсте от почтовой станции Гмелин встретил двух братьев, дьячка и пономаря, строивших дом. Они получили разрешение построить здесь церковь, так как надеялись на скорое заселение этих мест русскими семьями. И действительно, отмечал автор "Путешествия", здесь есть все, что нужно для поселения: большие и хорошие поля, много леса, особенно сосны, березы, лиственницы¹⁹⁾.

На реке Уре в 25 верстах от впадения ее в Кан Гмелин отметил займку обосновавшегося здесь с прошлого года канского жителя Федора Соснина. Эту местность ученый также считал перспективной для скорого заселения, просторных и плодородных полей здесь хватило бы, по его замечанию, более

18) В.А.Ватин. Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913; его же. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914; его же. Восточная Сибирь в начале XIX века. "Сибирский архив", (Минусинск), 1916, №№ 3-4.

19) I.G.Gmelin. Reise..., Bd. 3, S. 385.

на 100 семей. Богатая рыбой река и озеро вблизи ее восточного берега, полное карасей, увеличивали выгоды для жителей²⁰⁾.

Местность между Канским и Тасеевским острогами была освоена несколько лучше. Здесь И. Гмелин называет Рождественское село на западном берегу Усолки, основанное около 10 лет назад и принадлежащее енисейскому казачьему голове Алексею Самойлову. В селе имелось 10 крестьянских дворов, дом приказчика и церковь. Вокруг села Гмелин увидел хорошие поля с черной жирной почвой, разделенные лесом. На них особенно хорошо росла озимая рожь. Яровая рожь и пшеница давали меньшие урожаи. Вокруг села простирались обширные природные пастбища, на которых успешно выращивались калмыцкие овцы. Единственным неудобством для жителей села был недостаток воды в зимнее время, так как Усолка промерзала почти до дна, а оставшаяся в ней вода приобретала такой неприятный вкус, что становилась непригодной не только для людей, но и для скота²¹⁾.

Пять дворов отметил Гмелин в деревне Тополевой на левом берегу Усолки в 10 верстах от Рождественского села, прекрасные пашни у деревни Колонской — в версте ниже устья реки Колон, а в 9 верстах от нее назвал деревню Бакческую, располагавшуюся в стороне от тракта. В деревне Хандальской Гмелин насчитал 10 крестьянских дворов, 3 принадлежащих купцам и один — разночинцу. Пашенная слобода была основана и у Тасеевского острога, она протянулась на целую версту выше его вдоль Усолки. По ревизии 1722 г. в остроге и принадлежащих к нему слободах проживало, как сообщает Гмелин, 147 казаков и казачьих детей, которые имели запашку (беломестных), и 120 крестьян. Основанный в 1662 г. острог со временем одряхлел, и в 1733 г. был заложен новый. Новый острог был возведен в 15 верстах западнее старого в форме четырехугольника со сторонами в 32 и 67 сажений, с башнями и воротами. В остроге располагались соляной амбар, пороховой погреб и цейхгауз, в которых для обороны острога стояли 2 железных пушки, большая затинная пушка, 36 мушкетов и ружей, хранились ядра, порох и свинец. Однако все эти

20) I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 3, s. 385.

21) Ibid., Bd. 3, s. 396-399.

запасы, по мнению Гмелина, едва ли могли найти применение, так как кочующие вокруг "татары и тунгусы" с каждым днем становились все приветливее²²⁾.

Русское население края постоянно общалось с тунгусами и другими местными народами. Гмелин видел в этом общении одну из причин сложившегося у сибиряков "особого пристрастия" к охоте. Имея прекрасные пашни, которые были в состоянии прокормить все население, они нередко в случае неурожая забрасывали их и могли в течение нескольких лет заниматься исключительно охотой, пока, наконец, не были "вновь воодушевлены к занятию земледелием чьим-нибудь примером или неудачной охотой"²³⁾.

И.Г.Гмелин описал и расположенные неподалеку 2 соляные варницы, принадлежащие Енисейскому Спасскому и Мангазейскому Троицкому монастырям. Начатое этими монастырями промышленное освоение соляных богатств края способствовало дальнейшему развитию в нем земледелия и скотоводства. Гмелин назвал три встретившиеся ему на пуши деревни - Черняеву, Мурзину и Яковлеву, две первые из которых принадлежали Мангазейскому Троицкому монастырю. В Мангазейском Троицком Усолье, в 4 верстах от него, он отметил также 7 скотных дворов и скот, пасущийся на расположенных неподалеку пастбищах²⁴⁾.

Совершая свою поездку по реке Мане в августе 1740 г., Гмелин постоянно обращал внимание на тучные поля, пригодные для хлебопашества. Деревень на Мане еще не было, но Гмелин встретил на ней пашни и две "отъезжие избы", принадлежащие жителям деревни Овсянской на Енисее. Выше устья реки Урь-Маны на северном берегу Маны ученый отметил также прекрасное равнинное поле, окруженное с одной стороны рекой, с другой - горами. Это поле могло бы стать прекрасной пашней. "Повидимому, - пишет ученый, - за него кто-то уже принимался, так как крестьянам из деревень Овсянской, Торгошино, Людейка, Березовка оно не безызвестно, поскольку они ходят сюда на охоту и собирают в этих местах много хмеля, но оно слишком далеко от их деревень, которые надо

22) I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 3, s. 404, 406, 409.

23) Ibid., Bd. 3, s. 423-424.

24) Ibid., Bd. 3, s. 425, 429.

далеко от их деревень, которые надо было бы покидать на все время, пока не управятся со здешней пашней. В иное время здесь имеют обыновение останавливаться татары, но теперешнее время уборки урожая всех их прогнало отсюда. Они в большинстве находятся теперь в деревне Березовка и помогают убирать хлеб²⁵⁾.

Автор "Путешествия по Сибири" отметил также, что в районе впадения рек Верхней и Нижней Богатой Мана очень богата рыбой и привлекает бедняков, которые охотно приходят сюда ловить рыбу²⁶⁾.

Целый месяц провел И.Г.Гмелин в путешествии по Барабинской степи — междуречью Оби и Иртыша. Это произошло в 1741 г. на пути из Томска в Тару. Дневниковые записи ученого свидетельствуют о весьма слабой заселенности этого обширного района Западной Сибири. В Чаусском остроге путники должны были, как правило, запастись лошадьми на весь путь по степи до Бергмацкой слободы из-за отсутствия на пути деревень и почтовых станций. Поэтому продажа лошадей была одной из статей дохода чаусских жителей. По сведениям Гмелина одна лошадь стоила 8 рублей. Отправляться в путь без военного прикрытия было еще рискованно. Руководимая Гмелином группа выехала из Чаусского острога в сопровождении отряда казаков из 15 человек. Последними русскими деревнями на тракте были деревни по реке Ояшу: Большая и Малая Ояшские (в первой из них было 80 дворов), еще пять деревень, которые Гмелин просто упоминает, и Подволошная, состоящая из 10 разночинских дворов.

Отсюда на всем протяжении пути встречались лишь несколько зимовий, юрты барабинских татар и три русских крепости — Убинский, Каинский и Тартасский пасы. В них стояли гарнизоны казаков: русских и служилых татар, по 50 в Убинском и Тартасском и 150 в Каинском. Они должны были ежегодно заменяться новыми, в первом и последнем — из Томска, в Тартасском — из Тары. Однако случалось и так, что некоторым приходилось ждать замены по 4,5 и 6 лет. Так, жившие в Убинском паса казаки находились в нем уже 6 лет "без жен и детей и без всякого скота и вынуждены были питаться летом

25) I.G.Gmelin. Reise..., Bd.3, S. 491.

26) I.G.Gmelin. Reise..., Bd.3, S. 497.

только карасями, а зимой той дичью, которую посылала им благосклонная природа²⁷⁾.

Гарнизон Убинского паса страдал и от неудобства его расположения. Построенный на свободной равнине, он не имел в округе хорошей воды, а имевшаяся в колодце вода была солоноватой на вкус и пахла серой. Не было вокруг и строевого леса, даже березу надо было привозить за 8 верст. 5 лет назад казаки подали прошение о переносе паса к реке Каргат, но еще не получили на него ответа.

Живущие в пасах казаки не занимались земледелием, хотя, по мнению Гмелина, вполне могли бы это делать, поскольку служба их не была особенно обременительной. Действительно, к этому времени иртышские крепости сумели в большей мере предотвратить набеги на Барабинскую степь джунгарских племен²⁸⁾.

Об этом же свидетельствовало и состояние крепостных укреплений, которые, судя по описаниям Гмелина, носили лишь символический характер. "Если Убинский пас и плох, — пишет он о Тартасском пасае, — то в сравнении с этим он просто превосходит. Расположенный при впадении в Омь речки Тартас, ... этот больше похож на забор беднейшей деревни, чем на пас". Он четырехугольной формы, но сделан не из лежащих бревен, а из березовых жердей. "Сторона от реки и та, что напротив составляют 23 сажени, 2 другие — 17. На северной и южной сторонах есть ворота, которые едва ли так хороши, как бывают обычно ворота, которыми закрывают вход на пастбище. Рядом с северными воротами с восточной стороны от них есть почти развалившаяся сторожевая башня, скорее похожая на голубятню. Под ней находится маленькая кладовая, построенная совершенно особым способом, так как служит одновременно складом запасов и цейхгаузом... Здесь же поместилось 7 казарм, разбросанных в беспорядке тут и там и большей частью развалившихся, так что пустого места совсем мало, хотя можно было бы построить еще столько же, если бы эти разместить правильно. Но то, что осталось от казарм, то занято упавшими с них бревнами... Вокруг северной и западной сторон паса стоят там и тут испанские рогатки, у которых почти все зубы выпали от старости и гниения. Пас имеет

27) I.G.Gmelin. Reise..., Bd. 4, S. 106-107.

28) История Сибири. Т. 2. Д., 1968, с. 184.

для своей обороны одну полуфунтовую железную пушку и 50 казаков во главе с казачьим капитаном (сотником)²⁹⁾.

Среди этих трех пасов только Каинский произвел на Гмелина благоприятное впечатление. Основанный не более 20 лет назад, он вместе с другими должен был обеспечить безопасность пути через Барабу и оберегать от нападений кочевников лежащие на западном берегу Оби деревни.

Проезжая через Барабинскую степь, Гмелин не уставал восторгаться плодородными равнинными землями, которые могли стать прекрасным полем или служить людям заливными лугами. Единственным неудобством для жителей, которые захотели бы здесь поселиться, было, по его мнению, отсутствие хорошего леса и подверженность быстрому гниению древесины растущей на Барабе березы. "Но я думаю, — писал по этому поводу автор "Путешествия", — что если только со всей серьезностью захотели действовать, чего эти места, безусловно, заслуживают, то нужда заставила бы искать всевозможные средства как охранить древесину от гниения... или, если с этим ничего не выйдет, обойтись без нее. Если же первое получится, в чем я почти не сомневаюсь, то тогда, возможно, станет трудно с топливом. Но ведь можно будет открыть при малом исследовании достаточные запасы торфа у многих озер и болот... и этим восполнить недостаток топлива. Всю Барабу можно превратить в наипрекраснейшую пашню. Все, что останется невозделанным, можно превратить в луга, следовательно, основать хорошее скотоводство и возделывать столько зерна, сколько нужно, так что ни в каких продуктах питания нельзя здесь искать недостатка". Озера, которых на Барабе неисчислимое множество, полны карасей. У истока реки Оми много коз и оленей. Бараба богата также лисами, горностаями, белками³⁰⁾.

Закончив свой путь по Барабе в Таре, Гмелин предпринял поездку по Пришимью в направлении Коркинской слободы (Ишима) и Ялуторовского острога. Путь его проходил несколько севернее сложившейся в 30-е годы XVIII в. Ишимской укрепленной линии. Однако, судя по сообщениям Гмелина, местность эта еще не стала безопасной от нападений южных кочевников. "Казачья орда" и в начале 40-х годов навела ужас на пришимские деревни. 4 июня 1741 г. было совершено нападение

²⁹⁾ I. G. Gmelin. Reise..., Bd. 4, S. 122-123.
³⁰⁾ Ibid., Bd. 4, S. 114-116.

на деревни Зудилову и Чернолудскую (Подволошную) на реке Аеве, дома были сожжены, скот угнан, а население частью убито, частью уведено в плен. По той же причине стали пустыми деревни по реке Иру, которая прежде, как замечает автор "Путешествия", считалась хорошо заселенной³¹⁾. Жители их отчасти переселились в деревню Ощекову, отчасти совсем ушли отсюда. На реке оставался единственный заселенный пункт — Ировской станец, расположенный в 8 верстах выше устья. В нем стоял гарнизон из 50 человек, который нес караульную службу и хлебопашеством не занимался.

Внешняя опасность заставляла укреплять слободы. В Абацкой слободе острогом, рвом, надолбами и рогатками была огорожена церковь, имела вокруг себя острог и рогатки церковь в Боровом селе. Коркина слобода, расположенная на полуострове, между двумя высокими берегами Ишима, была укреплена со стороны суши острогом, рвом, надолбами и рогатками. В слободе стоял гарнизон около 100 драгун во главе с майором, 30 драгун расквартировывались и в Абацкой слободе.

И все же, несмотря на внешнюю опасность, крестьянское освоение этого края имело большие успехи. На протяжении всего пути Гмелин перечисляет большое количество мелких деревень и крупные слободы, население которых составляли в основном крестьяне. В Абацкой слободе Гмелин насчитал 27 крестьянских дворов, в Боровом селе — 60, в Коркиной слободе — около 100; 13 из 25 дворов в Узламинской слободе на реке Вагай принадлежали крестьянам.

Приведенные примеры, на наш взгляд, наглядно демонстрируют ценность дневниковых записей И.Г.Гмелина для восстановления истории земледельческой и промышленной колонизации отдельных районов Сибири. Недостаток места не позволяет сделать это по отношению ко всем районам, в которых пришлось побывать ученому.

Несомненную ценность представляют сделанные Гмелином описания острогов Западной и Восточной Сибири, крупных слобод, крепостей. Благодаря его подробным описаниям мы имеем возможность представить внешний облик сибирских городов 30-40-х годов XVIII в.: Екатеринбурга, Верхотурья, Туринска, Тюмени, Тобольска, Тарн, Кузнецка, Томска, Иркутска, Енисейска, Красноярска, Нерчинска, Туруханска и др.

31) I.G.Gmelin. Reise..., Bd.4, S. 173, 183.

Дневник И.Г.Гмелина дает также представление о сословном составе русского населения Сибири. Кроме служилых, купцов, промышленных людей, крестьян, он называет ремесленников, разночинцев, дворян, детей боярских, ссыльных, служителей церквей и монастырей, монастырских вкладчиков, чиновников административных учреждений и др. Большинству из этих групп населения даны краткие и меткие характеристики.

Приведенные нами исторические известия И.Г.Гмелина о ходе колонизационного процесса в Сибири, о постепенном освоении края русским населением, о его хозяйственных занятиях не исчерпывают всего богатства сведений этого плана, но они наглядно демонстрируют ценность и в некотором роде уникальность дневника ученого-путешественника как исторического источника.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

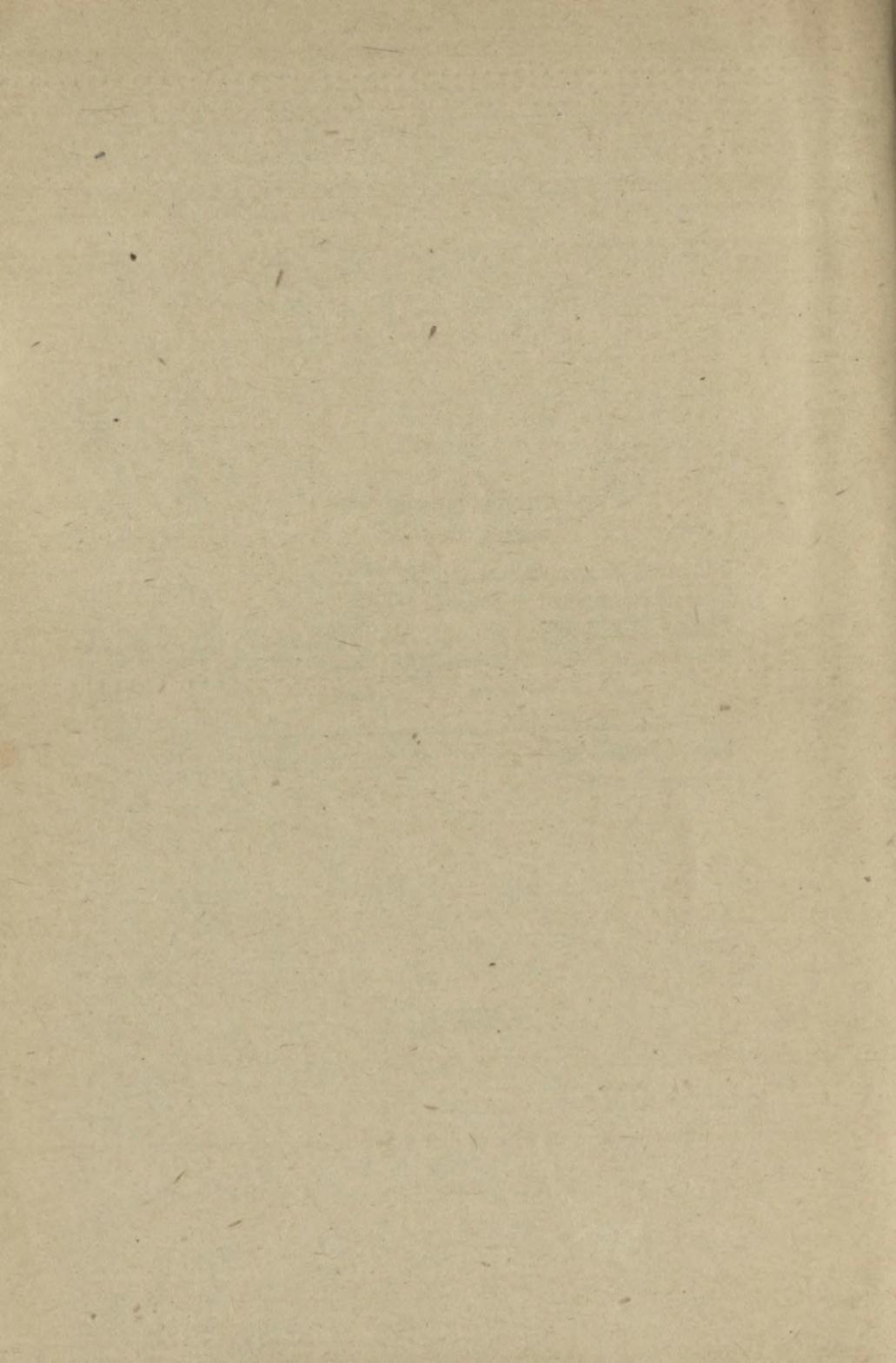
В.И.ДУДУКАЛОВ. Развитие торговли между городом и деревней в период перехода к нэпу.....	3
Л.И.БОЖЕНКО. Сельское хозяйство Сибири накануне и после перехода к новой экономической политике	18
В.И.ДУДУКАЛОВ. Из истории сельской ярмарочной торговли в Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.)	40
Н.К.ХАРЧЕВНИКОВА. Сибирская промысловая кооперация (1920-1929)	53
Э.В.ЗЕЛЬМАНОВА. Некоторые вопросы деятельности деревенских партийных организаций Западной Сибири по воспитанию политической активности колхозного крестьянства в годы второй пятилетки	74
А.Т.ТОПЧИЙ. Реорганизация аппарата управления сибирским казачьим войском на основаниях реформы 1861 г.	87
А.А.МАЛЫХ. Из истории пчеловодства государственных крестьян Томской губернии (конец XVIII - первая половина XIX вв.)	100
А.Г.ЖЕРАВИНА. Еще раз к вопросу о поставках провианта для заводов и рудников приписными крестьянами Алтая	113
Л.П.БЕЛКОВЕЦ. Сведения И.Г.Гмелина о земледельческом освоении Сибири	137

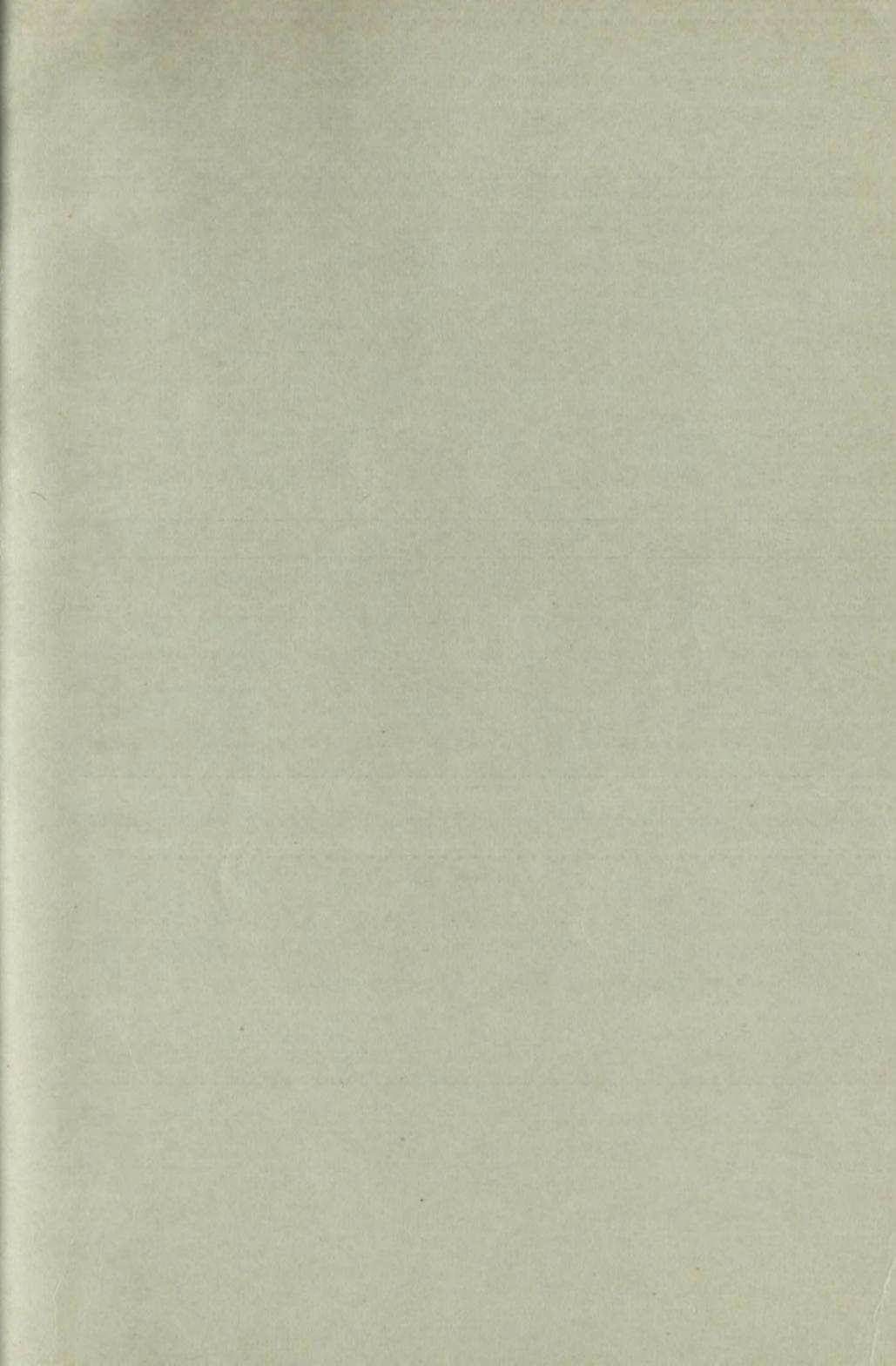
ИЗ ИСТОРИИ СИБИРИ

выпуск I8

Редактор издательства..... Панкова Г.Г.
КЗ 01033..... Подписано к печати. 28/У..... 1975 г.
Формат 60x90 1/16; Печ.л.9.....; бум. л. 4:5
уч.-изд. л. ..7,5... Заказ. 1889. Тираж 300 экз.
Цена68..... коп.

Издательство ТГУ. Томск, 29, ул. Никитина, 17.
Ротапринт ТГУ, Томск, 29, ул. Никитина, 17.

1-185761

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00927672